Для генералов, адмиралов и офицеров
Вооруженных Сил Российской Федерации

ВОЕННАЯ МЫСЛЬ

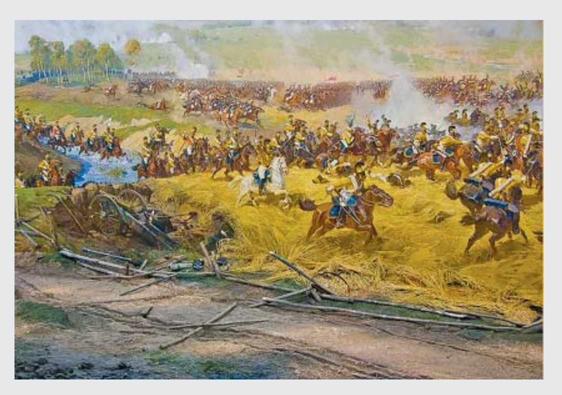
Военная Мысль 2024 № 2 февраль

2

2 0 2 4

ДЕНЬ ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА

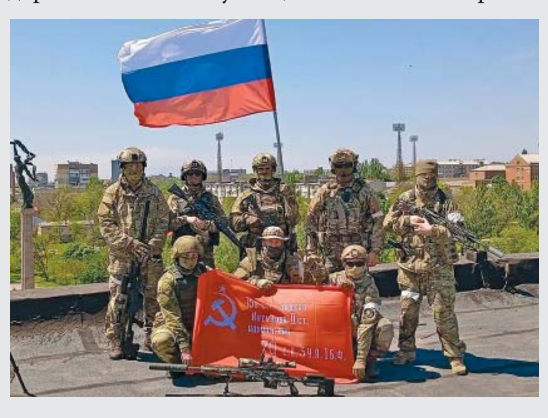
23 ФЕВРАЛЯ — профессиональный праздник тех, кто выбрал для себя нелегкую, но во все времена необходимую профессию — защищать Родину. Он давно занял свое достойное место в ряду самых почитаемых праздников нашей страны, символизируя героическую историю ее Армии и Флота, неразрывную связь всех поколений защитников Отечества.

В 1995 году Государственной Думой Российской Федерации был принят Федеральный закон «О днях воинской славы России», в соответствии с которым 23 февраля был объявлен как «День победы Красной Армии над кайзеровскими войсками Германии в 1918 году — День защитников Отечества», а в 2006 году — переименован в День защитника Отечества.

Воинский долг всегда предполагал особую ответственность за судьбу Отечества, готовность к самопожертвованию во имя его независимости и процветания.

Россия способна постоять за себя и дать отпор любому агрессору, самому сильному и опасному врагу. История нашей Родины богата примерами доблести и отваги, стойкости духа и патриотизма ее защитников. Во все века героизм, мужество воинов, мощь и слава отечественного оружия были неотъемлемой частью величия российского государства. Военнослужащие Российской армии достойно продолжают эстафету ратной славы русского солдата. Они добросовестно выполняют воинский долг, проявляют самоотверженность и героизм в ходе специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины, при решении миротворческих задач.

В XXI веке перед всем цивилизованным миром возникли такие угрозы, которые требуют новых подходов к обеспечению обороноспособности и к международному взаимодействию в сфере безопасности. Сегодня Вооруженные Силы Российской Федерации, оснащенные передовой техникой, пользуются авторитетом в обществе, являются оплотом государственности и обеспечения глобальной стабильности, гарантом надежной защиты национальных интересов страны.

День 23 февраля олицетворяет собой преемственность ратных традиций самоотверженного служения Отечеству и является признанием огромных заслуг российского воинства перед обществом и государством.

Поздравляем ветеранов и действующих военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, других силовых ведомств с Днем защитника Отечества! Желаем всем здоровья, стойкости и мужества в ратном служении Отечеству и обеспечении национальных интересов государства!

ВОЕННАЯ МЫСЛЬ

№ 2 · февраль · 2024

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ВОЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Орган Министерства обороны Российской Федерации
Издается с 1 июня 1918 года

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 119160, г. Москва, Хорошёвское шоссе, 38.
РИЦ «Красная звезда», редакция журнала «Военная Мысль».
Телефоны: (495) 940-22-04, 940-12-93; факс: (495) 940-09-25.

Все публикации в журнале осуществляются бесплатно.

СОДЕРЖАНИЕ

© Военная Мысль, 2024

ВОЕНАЧАЛЬНИКИ И ПОЛКОВОДЦЫ

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
EDITORIAL BOARD

РОДИКОВ С.В. / S. RODIKOV — главный редактор журнала, кандидат технических наук, старший научный сотрудник / Editor-in-Chief, Cand. Sc. (Tech.), Senior Researcher.

БУРДИНСКИЙ Е.В. / Ye. BURDINSKY — начальник Главного организационно-мобилизационного управления ГШ ВС РФ — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник / Chief of the Main Organization-and-Mobilization Administration of the RF Armed Forces' General Staff — Deputy Chief of the RF Armed Forces' General Staff, Colonel-General.

БУСЛОВСКИЙ В.Н. / V. BUSLOVSKY — первый заместитель председателя Совета Общероссийской общественной организации ветеранов ВС РФ по связям с общественными объединениями и военно-патриотическим общественным движением «ЮНАРМИЯ», заслуженный военный специалист РФ, кандидат политических наук / First Deputy Chairman of the Board of the All-Russia Public Organization of RF AF Veterans for relations with public associations and the Young Army military patriotic public movement, Merited Military Expert of the Russian Federation, Cand. Sc. (Polit.).

ВАЛЕЕВ М.Г. / M. VALEYEV — главный научный сотрудник научно-исследовательского центра (г. Тверь) Центрального научно-исследовательского института Воздушно-космических войск, доктор военных наук, старший научный сотрудник / Chief Researcher of the Research Centre (city of Tver), RF Defence Ministry's Central Research Institute of the Aerospace Defence Forces, D. Sc. (Mil.), Senior Researcher.

ГЕРАСИМОВ В.В. / V. GERASIMOV — начальник Генерального штаба ВС РФ — первый заместитель Министра обороны РФ, Герой Российской Федерации, генерал армии, заслуженный военный специалист РФ / Chief of the General Staff of the RF Armed Forces — RF First Deputy Minister of Defence, Hero of the Russian Federation, General of the Army, Honoured Russian Military Expert.

ГОЛОВКО А.В. / A. GOLOVKO — командующий Космическими войсками — заместитель главнокомандующего ВКС, генерал-полковник / Commander of the Space Forces – Deputy Commander-in-Chief of the Aerospace Forces, Colonel-General.

ГОРЕМЫКИН В.П. / V. GOREMYKIN — заместитель Министра обороны РФ — начальник Главного военно-политического управления ВС РФ, генерал-полковник, заслуженный военный специалист РФ / Deputy Minister of Defence of the Russian Federation — Chief of the Main Military Political Administration of the RF Armed Forces, Colonel-General, Honoured Russian Military Expert.

ДОНСКОВ Ю.Е. / Yu. DONSKOV — главный научный сотрудник НИИИ (РЭБ) Военного учебно-научного центра ВВС «ВВА им. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», доктор военных наук, профессор / Chief Researcher of the Research Centre of EW of the Military Educational Scientific Centre of the Air Force «Military Air Force Academy named after N.Ye. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin», D. Sc. (Military), Professor.

ДОРОХОВ В.Л. / V. DOROKHOV — профессор Военно-космической академии, доктор военных наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ / Professor of the Military Space Academy, D. Sc. (Mil.), Assistant Professor, Honorary Worker of higher Professional Education of the Russian Federation.

ДУЛЬНЕВ П.А. / P. DULNEV — главный научный сотрудник ВУНЦ СВ «Общевойсковая академия ВС РФ», доктор военных наук, профессор, почетный работник науки и высоких технологий РФ / Chief Researcher at the Military Educational and Scientific Center of the Ground Forces 'Combined Arms Academy of the Armed Forces of the Russian Federation', D. Sc. (Mil.), professor, Honorary Worker of Science and High Technologies of the Russian Federation.

ЕВМЕНОВ Н.А. / N. YEVMENOV — главнокомандующий Военно-Морским Флотом, адмирал / Commander-in-Chief of the Navy, Admiral.

ЗАРУДНИЦКИЙ В.Б. / V. ZARUDNITSKY — начальник Военной академии ГШ ВС РФ, генерал-полковник, кандидат исторических наук / Chief of the Military Academy of the RF Armed Forces' General Staff, Colonel-General, Cand. Sc. (Hist.).

ИВАНОВ П.Е. / P. IVANOV — директор ЧУ «Центр планирования и использования трудовых ресурсов Газпрома», доктор технических наук, профессор / Director of the private institution 'Gazprom Center for Planning and Use of Human Resources', D. Sc. (Tech.), Professor.

КАРАКАЕВ С.В. / S. KARAKAYEV — командующий РВСН, генерал-полковник, кандидат военных наук / Commander of the Strategic Missile Forces, Colonel-General, Cand. Sc. (Mil.).

КИКНАДЗЕ В.Г. / V. KIKNADZE — заместитель главного редактора «Военно-исторического журнала», доктор исторических наук, кандидат военных наук, доцент, советник РАРАН, профессор АВН / Deputy Editor-in-Chief of the Voyenno-istorichesky zhurnal (Military Historical Journal), D. Sc. (Hist.), C. Sc. (Mil.), Associate Professor, Adviser to the Russian Academy of Rocket and Artillery Sciences, Professor of the Academy of Military Sciences.

КЛИМЕНКО А.Ф. / A. KLIMENKO — ведущий научный сотрудник, заместитель руководителя исследовательского центра Института Дальнего Востока Российской академии наук, кандидат военных наук, старший научный сотрудник / Cand. Sc. (Mil.), Senior Researcher, Leading Researcher, Deputy Head of the Research Centre of the Institute of the Far East, Russian Academy of Sciences.

КОСТЮКОВ И.О. / I. KOSTYUKOV — начальник Главного управления ГШ ВС РФ — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, адмирал, кандидат военных наук / Chief of the Main Administration of the RF Armed Forces' General Staff — Deputy Chief of the RF Armed Forces' General Staff, Admiral, Cand. Sc. (Mil.).

КРИНИЦКИЙ Ю.В. / Yu. KRINITSKY — сотрудник Военной академии воздушно-космической обороны, кандидат военных наук, профессор / Worker of the Military Academy of Aerospace Defence named after Marshal of the Soviet Union G.K. Zhukov, Cand. Sc. (Mil.), Professor.

КРУГЛОВ В.В. / V. KRUGLOV — ведущий научный сотрудник ЦНИИ МО РФ, доктор военных наук, профессор, заслуженный работник Высшей школы РФ / Leading Researcher of the RF Defence Ministry's Research Centre, D. Sc. (Mil.), Professor, Honoured Worker of Higher School of Russia.

МАЙБУРОВ Д.Г. / D. MAYBUROV — профессор Военно-космической академии, доктор военных наук, профессор, почетный работник науки и техники РФ, действительный член АВН, полковник / Professor of the Military Space Academy, D. Sc. (Mil.), Professor, Honorary Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Full Member of the Academy of Military Sciences, Colonel.

РУДСКОЙ С.Ф. / S. RUDSKOY — начальник Главного оперативного управления ГШ ВС РФ — первый заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, Герой Российской Федерации, генерал-полковник / Chief of the Main Operational Administration of the RF Armed Forces' General Staff, First Deputy Chief of the RF Armed Forces' General Staff, Hero of the Russian, Federation Colonel-General.

САЛЮКОВ О.Л. / O. SALYUKOV — главнокомандующий Сухопутными войсками, генерал армии / Commander-in-Chief of the Land Force, General of the Army.

ТОЛШМЯКОВ В.И. / V. TOLSHMYAKOV — старший научный сотрудник НИИ (ВИ) Военной академии ГШ ВС РФ, доктор политических наук, кандидат военных наук, доцент по кафедре стратегии / Senior Researcher of the Research Institute (Military History) of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, D. Sc. (Pol.), Cand. Sc. (Mil.), Assistant Professor at the Department of Strategy.

ТРУШИН В.В. / V. TRUSHIN — председатель Военно-научного комитета ВС РФ — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-лейтенант, кандидат военных наук / Chairman of the Military Scientific Committee of the Russian Armed Forces — Deputy Chief of the RF Armed Forces' General Staff, Lieutenant-General, Cand. Sc. (Mil.).

УРЮПИН В.Н. / V. URYUPIN — заместитель главного редактора журнала, кандидат военных наук, старший научный сотрудник, заслуженный журналист РФ / Deputy Editor-in-Chief, Cand. Sc. (Military), Senior Researcher, Honoured Journalist of the Russian Federation.

ЦАЛИКОВ Р.Х. / R. TSALIKOV — первый заместитель Министра обороны РФ, кандидат экономических наук, заслуженный экономист РФ, действительный государственный советник РФ 1-го класса / First Deputy Minister of Defence of the Russian Federation, Cand. Sc. (Econ.), Honoured Economist of the Russian Federation, Active State Advisor of the Russian Federation of 1st Class.

ЧЕКИНОВ С.Г. / S. CHEKINOV — главный научный сотрудник Центра военно-стратегических исследований Военной академии ГШ ВС РФ, доктор технических наук, профессор / Chief Researcher of the Centre for Military-and-Strategic Studies of the Military Academy of the RF Armed Forces' General Staff, D. Sc. (Tech.), Professor.

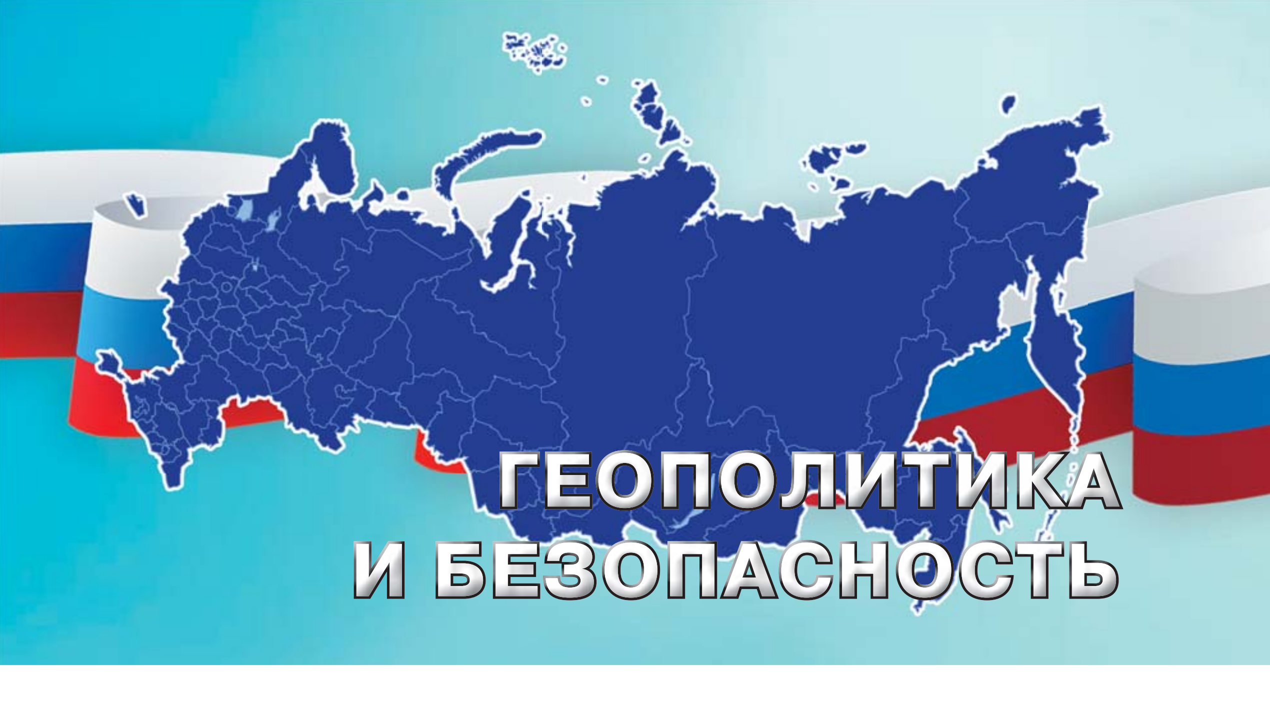
ЧИРКОВ Ю.А. / Yu. CHIRKOV — редактор отдела — член редколлегии журнала / Editor of a Department — Member of the Editorial Board of the Journal.

ЧУПШЕВА О.Н. / O. CHUPSHEVA — заместитель главного редактора журнала / Deputy Editor-in-Chief.

ШАМАНОВ В.А. / V. SHAMANOV — заместитель председателя комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений, Герой Российской Федерации, заслуженный военный специалист РФ, доктор технических наук, кандидат социологических наук / Incumbent Chairman of the RF Federal Assembly's State Duma Defense Committee for the Civil Society Development and Issues of Public and Religious Associations, Hero of the Russian Federation, Merited Military Specialist of Russia, D. Sc. (Tech.), Cand. Sc. (Sociology).

ЩЕТНИКОВ В.Н. / V. SHCHETNIKOV — редактор отдела — член редколлегии журнала / Editor of a Department — Member of the Editorial Board of the Journal.

ЯЦЕНКО А.И. / A. YATSENKO — редактор отдела — член редколлегии журнала / Editor of a Department / Member of the Editorial Board of the Journal.

Тенденции изменения системы обеспечения военной безопасности государства в условиях новой геополитической карты мира

Генерал-полковник В.Б. ЗАРУДНИЦКИЙ,
кандидат исторических наук

АННОТАЦИЯ

Раскрываются сложившиеся в современных условиях тенденции изменения системы обеспечения военной безопасности Российской Федерации.

ABSTRACT

The paper reveals the current trends of changes in the system of ensuring the military security of the Russian Federation.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Национальная безопасность, военная безопасность, военный конфликт, специальная военная операция, вооруженная борьба, военные угрозы, военная политика, меры обеспечения военной безопасности.

KEYWORDS

National security, military security, military conflict, special military operation, armed struggle, military threats, military policy, military security measures.

ПРИ ВСЕЙ многогранности и сложности понятия «национальная безопасность» его основной частью является военная безопасность* государства.

* Военная безопасность — состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризуемое отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять (Военная доктрина РФ 2014 года).

С окончанием холодной войны Россия отказалась от прежней идеологии, поверив в добрую волю Запада. Однако, утверждая себя в качестве одного из цивилизационных центров современного мира, Российская Федерация в очередной раз столкнулась с проявлением ряда внешних и внутренних военных угроз, связанных с открытым стремлением США и их союзников нанести нашему государству «стратегическое поражение».

В силу этих причин в начале третьего десятилетия XXI века обеспечение военной безопасности продолжает оставаться для РФ одним из главных способов своего существования. При этом определение эффективных, отвечающих современным вызовам и угрозам подходов к обеспечению военной безопасности является неотъемлемой частью выполняемых общегосударственных задач.

Главная задача состоит в том, чтобы система обеспечения военной безопасности соответствовала складывающейся военно-политической и стратегической обстановке, которая сейчас обусловлена кризисной конфронтацией Российской Федерации и западных стран.

Президент Российской Федерации в своем обращении 24 февраля 2022 года отметил: «Для США и их союзников эта так называемая политика сдерживания России — очевидные геополитические дивиденды. А для нашей страны — это в итоге вопрос жизни и смерти, вопрос нашего исторического будущего как народа. И это не преувеличение — это так и есть. Это реальная угроза не просто нашим интересам, а самому существованию нашего государства, его суверенитету. Это и есть та самая красная черта, о которой неоднократно говорили. Они ее перешли».

Никто на Западе теперь не скрывает, что за ширмой Минских соглашений (2015), одобренных Советом Безопасности ООН и призванных урегулировать гражданский конфликт на Украине на основе международных признанных норм и принципов, преследовались другие цели: нанести России если не военное, то стратегическое поражение; дестабилизировать социально-политическую обстановку в стране; добиться смены власти и создать условия для расчленения нашего государства и ядерного разоружения.

Запад действовал откровенно и вероломно в своем стремлении окончательно ликвидировать «русский вопрос», раз и навсегда, на всю историческую глубину разрешить конфликт с Россией.

Причины кризиса отношений России и Запада, конечно, не связаны с началом проведения специальной военной операции (СВО) на территории Украины, они имеют более глубокие корни и историческое времяисчисление. Исчерпанность сложившейся модели капитализма и изменение его сущности привели к международной обстановке, характеризуемой кардинальной трансформацией существующей системы мироустройства — от глобального доминирования США к полицентричному миропорядку.

Применительно к нашему государству и соответственно системе обеспечения военной безопасности решением о расширении НАТО после окончания холодной войны был запущен процесс конфронтации между Западом и Россией. Как и предупреждал Джордж Кеннан**, это «наиболее роковое» решение обернулось острым геополитическим конфликтом с Россией.

** Джордж Фрост Кеннан — американский дипломат, основатель Института Кеннана, наиболее известен как «архитектор холодной войны», автор «политики сдерживания» и доктрины Трумэна. Автор трудов по истории отношений России и стран Запада.

Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию 21 февраля 2023 года заявил о «рубежном для нашей страны» времени, о том, что это «время вызовов и возможностей». Президент четко определил, что в который раз Россия столкнулась с агрессией Запада, который, используя Украину в своих целях, готовил ее к «большой войне».

Это в корне подорвало доверие России к Западу, отвергшего накануне проведения СВО предложения нашей страны дать гарантии безопасности. Российской Федерации пришлось превентивно реагировать на все признаки косвенной агрессии и использования Украины в качестве «прокси-силы» в конфликте с коллективным Западом.

Политика удушения России — это всерьез и надолго. Сегодняшнее противостояние гораздо острее, чем холодная война XX века. Запад сделал ставку не просто на сдерживание, а на уничтожение Российского государства в нынешнем виде. Кризис на Украине не перерастает в прямую военную конфронтацию с НАТО только из-за наличия у России мощного ядерного потенциала.

События последних лет свидетельствуют о том, что в отсутствие согласия между глобальными державами, имеющими противостоящие друг другу видения грядущего мира и миропорядка, резко возросло значение фактора военной силы. Причем силовое противостояние государств приобретает характер гибридной войны, включая «войну через подставных лиц — прокси-войну», санкционное давление, операции в кибернетическом пространстве, информационное противоборство и ряд других направлений, ранее не свойственных традиционным войнам. Все это существенно влияет на структуру, силы и средства, задачи и целевые установки системы обеспечения военной безопасности нашего государства.

Конфликт на Украине стал своеобразным катализатором ускорения процессов по изменению существующего мироустройства. Причем для этого практически везде применялись средства вооруженного насилия. Примерами этого служат вооруженные конфликты в Африке, вызванные неоколониальной политикой Запада на этом континенте, в Нагорном Карабахе, территория которого де-юре перешла под юрисдикцию Азербайджана, на Ближнем Востоке — с беспрецедентными жертвами среди мирного населения, периодические обострения проблемы Тайваня, с демонстрацией военной силы Китаем и США, и др. Именно силовые аргументы стали основным средством разрешения существующих противоречий и достижения политических и стратегических целей различными государствами (коалициями).

В этих условиях Российская Федерация вынуждена не только реагировать на новые вызовы и угрозы, но

и корректировать проводимую политику, в том числе и военную, что напрямую связано с тенденциями изменения системы обеспечения военной безопасности.

В Концепции внешней политики Российской Федерации определено, что Россия будет «отстаивать свое право на существование и свободное развитие всеми имеющимися средствами». В условиях повышения роли фактора силы в международных отношениях — тренд, заданный политикой западных государств, развязавших против России «гибридную войну нового типа», — Россия вынуждена использовать свои вооруженные силы согласно Статье 51 Устава ООН не только для отражения, но и для предотвращения вооруженного нападения на нее и (или) ее союзников[1].

В Концепции рассмотрены все варианты применения военной силы против Российской Федерации, в том числе и вариант косвенной агрессии, как это уже случилось в отношении Украинского кризиса, или агрессии против Сирии с помощью международных террористических организаций летом 2012 года. Нам никто не объявляет войну открыто и не занимается после этого многомесячным сосредоточением сил у наших границ[2].

Ближнее зарубежье и периметр границ Российской Федерации рассматривается Западом как плацдарм для целенаправленного проецирования конфликтного потенциала против нашего государства и союзников. Причем в качестве источника военных угроз могут выступать как целые государства, по аналогии с Украиной, так и подготовленные негосударственные акторы (международные террористические организации, оппозиционные вооруженные формирования, транснациональные преступные организации, радикальные исламистские организации и др.).

Таким образом, давая обобщенную характеристику условиям функционирования системы обеспечения военной безопасности, можно констатировать, что основным источником военных угроз нашему государству выступает антироссийская политика США и их союзников, ведущих гибридную войну нового типа в целях всемерного ослабления России, ограничения ее суверенитета и разрушения территориальной целостности. В это же время продолжает повышаться роль фактора военной силы в международных отношениях, в ряде стратегически важных для нашего государства регионах расширяется конфликтное пространство.

Использование военной силы в нарушение международного права, освоение космического и информационного пространства в качестве сфер военных действий, стирание граней между военными и невоенными средствами межгосударственного противоборства, обострение в ряде регионов прежних вооруженных конфликтов увеличивают угрозу всеобщей безопасности, усиливают риски столкновений между крупными государствами, в том числе с участием ядерных держав, повышают вероятность эскалации таких конфликтов и их перерастания в локальную, региональную или глобальную войну.

Тенденции изменения системы обеспечения военной безопасности на современном этапе обусловлены динамикой появления и повышения уровней военных угроз, расширением масштабов использования военной силы в отношениях между странами (коалициями стран), расширением спектра источников угроз за счет негосударственных акторов, происходящей интеграцией военных и невоенных угроз, интернационализацией внутренних военных угроз, а также возникновением новых трансграничных угроз.

Главная задача состоит в том, чтобы система обеспечения военной безопасности соответствовала складывающейся военно-политической и стратегической обстановке, которая сейчас обусловлена кризисной конфронтацией Российской Федерации и западных стран.

В сложившихся условиях система обеспечения военной безопасности России безусловно должна быть направлена на достижение главной цели — ***гарантированное обеспечение военной безопасности нашего государства***. Исходя из этого и определены основные тенденции ее изменения.

Первая тенденция заключается в необходимости ***приведения структуры системы обеспечения военной безопасности в соответствие с масштабами и типами военных угроз***. Главное в этой тенденции — объективность их оценки. Недооценка ведет к снижению уровня концентрации всего потенциала государства в военную сферу, а переоценка, наоборот, — к чрезмерной концентрации усилий страны на ведение военных действий. И первое, и второе в итоге может пагубно сказаться на состоянии военной безопасности.

Структура системы обеспечения военной безопасности, силы и средства, привлекаемые для решения задач в этой области должны гарантированно обеспечивать нейтрализацию прогнозируемых угроз военной безопасности России. При этом в зависимости от типа и масштаба военных угроз структура, набор необходимых сил и средств для их нейтрализации, а также задачи, решаемые системой военной безопасности, должны меняться. Так, в некоторых вариантах приоритет может быть отдан невоенным мерам обеспечения безопасности государства, в других — применению военной силы. В соответствии с выбранным вариантом должна трансформироваться структура системы обеспечения военной безопасности, должны быть определены необходимые силы и средства для решения возникших задач.

Безусловно, эта тенденция в обеспечении военной безопасности — одна из важнейших, хотя ее реализация связана с наличием факторов неопределенности, существенно влияющих на ее реализацию. Фактор неопределенности исключает возможность сформировать однозначный прогноз развития обстановки или ситуации военно-политического свойства, способных существенно изменить военно-стратегическую обстановку в приоритетном для интересов России регионе или создать прямую угрозу военной безопасности государства.

Так, сегодня трудно поддается прогнозу дальнейшее развитие обстановки, связанной с ростом противоречий, разрешение которых фактически всегда приводит к применению военной силы. Не исключена возможность эскалации конфликта на Украине — от расширения участников «прокси-сил», используемых для военного противостояния с Россией, до крупномасштабной войны в Европе.

Обстановка в регионах, имеющих стратегическое значение для Российской Федерации, конфликтный потенциал которых при определенных условиях может привести к втягиванию России в вооруженные конфликты, — не менее сложная. Нельзя также уменьшать значение военных угроз внутренней безопасности. Для ослабления нашего государства США и западные страны всеми возможными способами пытаются дестабили-

зировать социально-политическую обстановку в России, используя религиозные, этнические и цивилизационные противоречия, которые также могут привести к применению военной силы.

Поэтому каждому из вариантов прогноза развития обстановки должны соответствовать структура, силы и средства системы обеспечения военной безопасности. Следовательно, подход к определению потенциальных возможностей системы обеспечения военной безопасности должен исходить не от наличествующего потенциала страны, а исходя из геостратегических потребностей Российской Федерации и принципа достаточности военной силы. Это и выражает тенденцию приведения структуры системы обеспечения военной безопасности страны в соответствие с масштабами и типами военных угроз в интересах предотвращения войн и урегулирования вооруженных конфликтов любого масштаба и интенсивности.

Вторая тенденция определяет ***переход к модульному принципу в реализации мер обеспечения военной безопасности***.

Исходя из первой тенденции и условий развития обстановки, военные опасности и угрозы России становятся все более масштабными и разноплановыми. Естественно, трансформация угроз военной безопасности происходит под влиянием изменений в развитии глобальных угроз различного характера. Как следствие, подготовка к вооруженной защите и вооруженная защита страны не могут исчерпываться только военными мерами и требуют консолидации усилий практически всего общества, всех институтов и органов государственной власти[3].

Объективно, весь спектр военных угроз безопасности России в существующей обстановке нейтрализовать лишь военной силой не представляется возможным. Только комплексная реализация всех государственных мер, деятельность всего общества позволяют гарантированно решать задачи военной безопасности. Каждое из направлений деятельности государства и общества в целом обладает своими специфическими функциями, структурой и динамикой.

Рассматривая их как модули, в зависимости от прогноза развития обстановки, типов и масштабов военных угроз, определяются способ нейтрализации военных угроз и необходимый набор модулей. К примеру, в ходе реализации комплекса политических мероприятий в их интересах решаются задачи в информационной, экономической, финансовой, военной и других сферах деятельности государства, для этого создается соответствующий набор модулей. И наоборот, при решении военных задач в их интересах комплексно решаются задачи необходимыми для этого институтами государства со своим специфическим набором модулей.

При этом не нарушается специфика деятельности, присущая этим модулям, и снижается вероятность выхода за рамки собственных компетенций. А комплексность и приоритет функционирования разных модулей, в зависимости от замысла действий и стратегических целей государства, в итоге обеспечивают военную безопасность страны.

Особенно важна эта тенденция в современных условиях обстановки, когда расширяется перечень необходимых сил и средств, участвующих (принимающих участие) в решении задач обеспечения военной безопасности.

Третья тенденция определяет ***смещение приоритета национальной безопасности в область обеспечения военной безопасности***.

Бесспорно, национальная безопасность Российской Федерации обес-

печивается путем достижения целей и решения задач, предусмотренных стратегическими национальными приоритетами, за счет концентрации ресурсов и усилий органов публичной власти, организаций и институтов общества[4]. Реализация стратегических национальных приоритетов обеспечивает национальные интересы, заключающиеся в основном в развитии государства и обеспечении своей военной безопасности.

Исторический опыт показывает, что стремление к обеспечению абсолютного состояния защищенности интересов во всех сферах жизнедеятельности государства является, как правило, трудновыполнимой задачей. По этой причине на практике, особенно в условиях ограниченности различных видов ресурсов государства, как это происходит сейчас, в ходе конфликта России и Запада, управление национальной безопасностью должно осуществляться обеспечением безопасности (защищенности) одних интересов на требуемом уровне, а других — на приемлемом.

На современном этапе, с учетом прогноза дальнейшего развития обстановки, стратегический национальный приоритет — оборона страны — становится определяющим, а цели обеспечения национальной безопасности все более смещаются в область военной безопасности. Нельзя обеспечивать условия для мирного социально-экономического развития Российской Федерации, гарантированно не обеспечив свою военную безопасность.

Поэтому эта тенденция предполагает строгую концентрацию проводимых государством мер в интересах обеспечения военной безопасности. Пока существует прямая угроза существованию России, вся деятельность государства и общества, не связанная с решением задач военной безопасности, должна носить обеспечивающий характер и соответственно регулироваться.

Четвертая тенденция связана с динамикой изменения обстановки и определяет ***повышение оперативности и централизации управления системой обеспечения военной безопасности***.

Система обеспечения военной безопасности, как уже отмечалось, является элементом национальной безопасности и функционирует на плановой основе путем согласованных действий органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества под руководством Президента Российской Федерации за счет комплексного применения политических, организационных, социально-экономических, правовых, информационных, военных, специальных и иных мер, разработанных в рамках стратегического планирования[5].

Принятый в нашем государстве подход к руководству в области национальной и военной безопасности в мирное время, безусловно, обеспечивает достижение поставленных целей и позволяет реагировать на новые (возникающие) угрозы безопасности России.

Президент страны, Совет Безопасности, Федеральное Собрание, Правительство, другие институты государства, в том числе Министерство обороны, в плановом порядке (при необходимости и в случае изменения обстановки) уточняют документы стратегического планирования в области обеспечения военной безопасности, концепции, принципы и наиболее общие методы, а также направления деятельности страны, осуществляемые для достижения целей военной безопасности.

Современные же условия функционирования системы обеспечения военной безопасности в корне отличаются от мирного времени и опреде-

ляются реализуемой США и их союзниками антироссийской политикой, направленной на дестабилизацию социально-политической обстановки в нашей стране, смену власти и создание условий для разрушения территориальной целостности России.

После начала конфликта на Украине динамика изменений обстановки существенно возросла. Западные страны целенаправленно провоцируют кризисные ситуации вдоль границ и зонах национальных интересов России, пытаются всеми возможными методами дестабилизировать обстановку в стране, тем самым расширяя спектр и ускоряя процесс появления новых источников угроз военной безопасности.

Это накладывает существенные временные ограничения на параметры управления системой обеспечения военной безопасности, вынужденной не только реагировать на появление новых угроз, но и централизовано управлять различными государственными и общественными структурами в условиях дефицита времени.

В связи с этим возникают дополнительные требования к организации единого руководства и планирования применения сил и средств, привлекаемых для решения задач обеспечения военной безопасности.

На современном этапе, с учетом прогноза дальнейшего развития обстановки, стратегический национальный приоритет — оборона страны — становится определяющим, а цели обеспечения национальной безопасности все более смещаются в область военной безопасности. Нельзя обеспечивать условия для мирного социально-экономического развития РФ, гарантированно не обеспечив свою военную безопасность.

Таким образом, тенденция повышения оперативности и централизации управления системой обеспечения военной безопасности определяет необходимость оперативного управления и единого планирования функционирования различных структур государства, в том числе военной организации и Вооруженных Сил в интересах обеспечения военной безопасности Российской Федерации.

Пятая тенденция определяет ***повышение значимости потенциала дружественных государств в решении задач военной безопасности***.

Эта тенденция напрямую связана с происходящими изменениями в международной обстановке и ближайшими перспективами совершенствования системы обеспечения военной безопасности.

С одной стороны, запущенный процесс трансформации существующего мироустройства объективно предполагает выстраивание новых отношений между стремящимися к самостоятельности и независимости от гегемонии Запада государствами. Появилось множество новых союзов (коалиций) и двусторонних межгосударственных отношений. При этом жесткого раскола мира не произошло, что привело к появлению большой группы нейтральных государств, стремящихся к достижению политической и военной независимости (автономии) от США и их союзников. За редким исключением, это недолгосрочные союзники России, но потенциал этих стран, в том числе военный, необходимо учитывать при планировании мер обеспечения военной безопасности нашего государства. Несомненный интерес в этой области представляют отдельные страны Африканского континента, ряд государств Латинской Америки и Юго-Восточной Азии.

С другой стороны, заключение союзных договоров нашим государ-

ством в стратегически важных для Запада регионах, прежде всего вблизи границ США, приводит к сдерживанию противников России, не признающих сейчас иных аргументов во внешней политике, кроме силовых. Это существенный военный аргумент в стратегическом сдерживании Запада и основа для дальнейшего совершенствования военной политики России за счет превентивного реагирования на новые вызовы и угрозы военной безопасности.

Поэтому повышение значимости потенциала дружественных государств в решении задач военной безопасности в ближайшей перспективе станет одной из приоритетных тенденций изменения системы обеспечения военной безопасности России.

И в заключение: завершение конфликта на Украине не означает окончания кризисной конфронтации России и Запада. Запущенный процесс трансформации существующего мироустройства сопряжен с ростом противоречий, разрешение которых фактически всегда приводит к применению военной силы. Не исключена возможность эскалации конфликта на Украине в крупномасштабную войну в Европе. Существенно возрастает вероятность целенаправленного втягивания нашего государства в новые военные конфликты.

США и их западные партнеры всеми способами пытаются сохранить свою гегемонию, которая превратилась в способ их существования за счет остального мира. Ими поставлена вполне конкретная цель — нанести России «стратегическое поражение», дестабилизировать обстановку в нашей стране, добиться смены власти и создать условия для ограничения ее суверенитета и разрушения территориальной целостности.

Прямая угроза существования России определяет повышенные требования к системе обеспечения военной безопасности. Главная задача состоит в том, чтобы система военной безопасности была адекватной новой военно-политической и стратегической обстановке и новому статусу России. Только в этом случае система обеспечения военной безопасности позволит: *во-первых*, решать задачи по устранению (блокированию) источников военных угроз нашему государству, *во-вторых*, обеспечить поступательное развитие страны в период трансформации мировых отношений и, *в-третьих*, органически войти в выстраиваемые на современном этапе новые (перспективные) модели глобальной и региональной безопасности.

Показанные автором тенденции изменения системы обеспечения военной безопасности требуют дальнейших исследований и, вероятно, станут основой для ее совершенствования в ближайшем будущем. Некоторые направления, учитывая складывающуюся обстановку и динамичное формирование новых угроз военной безопасности нашему государству, целесообразно реализовать уже на современном этапе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ № Пр-229 от 31.04.2023).

[2] *Яковенко А.В.* Геополитический перелом и Россия. М.: Дипломатическая академия МИД, 2023.

[3] Российская Федерация. Законы. «Об обороне»: Федеральный закон от 31.05.1996 г. № 61-ФЗ.

[4] Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ № Пр-229 от 31.04.2023).

[5] Там же.

Геополитика Российской Федерации в современном мире

Полковник А.Н. КОСТЕНКО,
доктор педагогических наук,
кандидат военных наук

Генерал-майор в отставке В.А. ВАХРУШЕВ,
кандидат военных наук

АННОТАЦИЯ

Анализируются современный геополитический мир, противоречия, которые влияют на международную обстановку, сущность геополитики. Исследованы геополитические процессы перехода от однополярной модели построения международных отношений к многополярной. Показаны основные направления геополитики Российской Федерации в современном мире.

ABSTRACT

The paper reveals the modern geopolitical world, the contradictions affecting the international situation and the essence of geopolitics. The geopolitical processes of transition from the unipolar model of building international relations to the multipolar one are shown. The main directions of geopolitics of the Russian Federation in the modern world are listed.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Геополитика, международные отношения, геополитическое соперничество, геополитическое сотрудничество, многополярный мир, глобализация, Глобальная империя, доминирование США, геополитика России.

KEYWORDS

Geopolitics, international relations, geopolitical rivalry, geopolitical cooperation, multipolar world, globalization, Global Empire, US dominance, Russian geopolitics.

СОВРЕМЕННЫЙ мир с точки геополитики представляет собой *мозаику* геополитических субъектов, имеющих различный политический строй, разный уровень экономического, военного, информационного и культурного развития, с населением, отличающимся по цвету кожи, вероисповеданиям, менталитету, а также другим внутренним особенностям и внешнеполитическим амбициям.

При этом значительное количество субъектов, претендующих на геополитическую значимость, имеют либо неопределенный государственный статус, либо находятся в зависимости от других, более крупных государств, что формирует напряжение в межгосударственных отношениях.

Национальные интересы государств и государственных образований также имеют различную направленность и во многом зависят от их экономических, военных, идеологических, ресурсных и иных внутригосударственных возможностей. С учетом множества внешних условий и факто-

ров, оказывающих влияние на формирование и реализацию национальных интересов, геополитический статус и геополитические возможности государств мира различны и часто вступают в противоречия[1].

Поэтому современную международную обстановку можно охарактеризовать как ***острейшее геополитическое противостояние***. Именно политика США и их сателлитов спровоцировала Россию к безальтернативной необходимости начала специальной военной операции на Украине в интересах отстаивания своих национальных интересов, именно их политика привела к очередной ожесточенной арабо-израильской войне. С учетом продолжающихся военных конфликтов в Сирии, Йемене, Сомали, Ливии, Судане, противостояния на Корейском полуострове, Тайване, а также гражданских войн и конфликтов, об этом можно утверждать уверенно.

Источник этого геополитического противостояния заложен в самом определении «геополитика».

С исторической точки зрения **геополитику** в качестве практической деятельности **можно воспринимать** как ***борьбу мировых держав (империй) за стратегически важные территории, ресурсы и влияние***.

Ретроспективный анализ показывает, что любой империи на стадии роста, расцвета и особенно увядания нужны все новые территории, все больше ресурсов, чтобы сохранить свое влияние, следовательно, и само имперское существование[2].

Сегодня Соединенные Штаты Америки, провозгласившие себя гегемоном, вместе со своими сателлитами имеют все черты Глобальной империи. В отличие от древности эта империя строится не только за счет захвата иноземных территорий, в которых черпаются ресурсы, но и путем установления политического и экономического влияния на слабые государства.

Суть же остается прежней — колонизация, т. е. получение дешевых ресурсов и материальных активов для обеспечения собственного существования[3].

Соединенным Штатам удалось навязать миру политику глобализации, которая основывается на формировании глобальной экономики. Особенностью глобальной экономики является то, что в ее рамках ни одна страна уже не способна существовать и обеспечивать эффективную жизнедеятельность. В самых общих чертах ***глобализация — это геополитический процесс, отражающий растущую взаимозависимость стран и народов, тенденцию к установлению единых стандартов поведения в экономической, политической, информационной и культурной сферах***.

Характерными чертами процессов глобализации сегодня являются:

1. Зависимость реализации интересов конкретных граждан от действий и решений, принимаемых далеко за пределами их собственных стран, другими правительствами или международными организациями.

2. Обострение противоречий между традиционной функцией государства по обеспечению собственного суверенитета и зависимостью национальных органов власти в принятии политических решений от общей обстановки во всемирной политической и экономической системе.

3. Появление наряду с национальными государствами новых субъектов мирового политического процесса — транснациональных организаций и сил, действующих независимо от государств.

4. Создание, благодаря развитию телекоммуникационных и информационных технологий, новой глобальной пространственно-временной инфраструктуры[4].

Таким образом, глобализационные процессы имеют тенденцию замены

управляющих компонентов традиционных национальных государств какими-то новыми наднациональными органами, которые никто не выбирает, а может быть, и не знает. Таким управляющим компонентом и стали США.

Однако объективное течение международных отношений, рост самосознания народов мира и стремление к суверенитету вошло в противоречие с колониальной политикой Глобальной империи, намеренно отказывающейся признавать реалии многополярного мира и договариваться на этой основе о параметрах и принципах мироустройства. Предпринимаются попытки сдержать естественный ход истории, устранить конкурентов в военно-политической и экономической сферах, подавить инакомыслие в своих странах и за рубежом.

Свое имперское превосходство США осуществляли и сейчас пытаются осуществлять путем глобального применения военной силы, гегемонии доллара и контроля глобального информационного пространства.

Глобальное применение военной силы позволяют США не только давить на несогласных с их колониальной политикой, но и наказывать «непослушных», уничтожая правительства и разрушая целые государства (Югославия, Сербия, Ирак, Ливия). При этом для легитимизации своих агрессивных намерений США использовали подконтрольный военно-политический блок НАТО и привлечение к военным операциям других стран-сателлитов.

Политика США, направленная на разрушение больших многонациональных государств, объясняется одним: небольшие государственные образования неспособны отстаивать свои геополитические и национальные интересы. У них отсутствуют ресурсы для обеспечения подлинного суверенитета, следовательно, управлять ими легче. Достаточно сформировать властную элиту или откровенно купить ее представителей, а понятие суверенитета заменить на «солидарность» с политикой гегемона.

Для того чтобы можно было обманывать народ и скрывать свое лицемерие различными популистскими лозунгами, Соединенные Штаты осуществляют почти полный контроль глобального информационного пространства.

В этом пространстве действуют огромные медийные транснациональные корпорации, обладающие финансовыми и материальными ресурсами, которые превышают бюджеты, а иногда и ВВП ряда государств. При этом основные средства массовой информации, в том числе и глобальная сеть Интернет, находятся в финансовой или идеологической зависимости от демократической партии США.

О свободе слова в самих США могут говорить только абсолютно идеологически зашоренные люди. Когда потребовалось, они «разделались» даже с президентом страны Д. Трампом, в том числе отключив его от Твиттера.

Единодушие западноевропейских СМИ по оценке специальной военной операции на Украине свидетельствует о централизованном управлении глобальными информационными ресурсами со стороны США.

Однако глобальное применение военной силы, как и контроль глобального информационного пространства, требуют огромных финансовых вложений. Это и понятно. Военный бюджет США только за последние годы (с 2018 по 2024 финансовый год) увеличился более чем на 38 % — с 639 до более чем 886 млрд долларов. При этом США остаются главным спонсором функционирования НАТО. Более 70 % от полутоdo триллионного годового бюджета НАТО приходится на Соединенные Штаты.

Поэтому гегемония доллара является жизненно важным условием суще-

ствования Глобальной империи. При государственном долге, составляющем более чем 34 трлн долларов, и совокупном долге более 100 трлн долларов Соединенные Штаты должны десятилетиями работать только на то, чтобы компенсировать долговые обязательства (в основном внутренние).

Тем не менее доллар пока сохраняет свою покупательную способность в большинстве стран мира. На ничем не обеспеченную зеленую бумажку можно приобрести ресурсы, производственные мощности, финансовые активы и даже лояльность власть предержащих людей. За прошедшие после Второй мировой войны годы доллар приобрел мировую привлекательность, что позволяет США бесконтрольно осуществлять эмиссию, покупая ежегодно за рубежом материальные активы и услуги, стоимость которых более чем на 1,5 трлн долларов превышает их выручку от своей внешней торговли и дефицита бюджета.

Вот почему страны, которые отказываются от американского доминирования, проведения взаиморасчетов в долларах, становятся злейшими врагами США. По сути дела, формирующийся многополярный мир, предусматривающий взаимный учет национальных интересов различных стран, базирующийся на компромиссах и взаимоуважении, является смертельным для США. **Существовать в таком мире Глобальная империя уже не сможет.**

Сегодня США, провозгласившие себя гегемоном, вместе со своими сателлитами имеют все черты Глобальной империи. В отличие от древности эта империя строится не только за счет захвата иноземных территорий, в которых черпаются ресурсы, но и путем установления политического и экономического влияния на слабые государства. Суть же остается прежней — колонизация, т. е. получение дешевых ресурсов и материальных активов для обеспечения собственного существования.

Таким образом, основной причиной современного геополитического противостояния является основное **глобальное противоречие** между стремлением США сохранить свое мировое доминирование и деятельность Российской Федерации по построению многополярного мира в союзе с новыми мировыми центрами силы (Китай, Индия, Саудовская Аравия, Турция и другие).

Российская Федерация стала **первой** державой, которая открыто встала на защиту своих собственных геополитических и национальных интересов и пошла на открытую конфронтацию с Западным миром, который олицетворяет гегемонию Глобальной империи в лице США.

Соединенные Штаты, не желая входить в открытую военную конфронтацию с Россией, обладающей мощным военным потенциалом и силами стратегического сдерживания, для сохранения имперских амбиций переносят межгосударственное противоборство на другие площадки. Они используют территории национальных государств, чтобы, с одной стороны, показать свое военное могущество, а с другой — устранить любого лидера страны, который хотя бы косвенно противится их интересам или поддерживает позицию России.

По подсчетам некоторых политологов, после Второй мировой войны Вашингтон инициировал 30 «цветных революций», а по сути дела, насильственные государственные перевороты, которые вылились в широкое вооруженное противостояние во многих государствах мира.

В этой связи можно считать, что разрешение американо-российских противоречий по поводу современной системы международных отношений вряд ли может проходить по взаимному компромиссу.

Об этом говорит отказ США и подчиненного им блока НАТО от декабрьских, 2021 года, предложений России дать гарантии ее безопасности и сформировать общую и неделимую безопасность в Европе.

США не хотят и не будут добровольно отказываться от своих лидерских и имперских амбиций в силу того, что это лидерство позволяет им существовать в качестве так называемого образца демократии, свободы и благополучия, а многополярный мир подрывает основы существования этой империи,

В связи с этим становится понятным, почему США с такой враждебностью относятся к нашей стране и Китайской Народной Республике, бросившим вызов однополярному миру. Китай для США остается основным экономическим противником, особенно когда он в союзе с Россией по построению многополярного мира.

Все это обусловливает основную геополитическую угрозу: столкновение Глобальной империи с Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Отсутствие сегодня прямого военного столкновения объединенного Соединенными Штатами Запада с Россией обосновывается **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** наличием у нашей страны превосходящего по эффективности ядерного оружия. В противном случае США во главе с НАТО давно бы вторглись на нашу территорию.

Объявив на последнем саммите НАТО Россию в качестве главной своей угрозы, НАТО и диктующие ее политику США всячески уходят от открытого военного столкновения. Их стратегия заключается в нанесении России максимального урона во всех сферах деятельности с целью сформировать революционную ситуацию и, как в 1917-м или 1990-х годах, свергнуть конституционные органы власти и фрагментировать Российскую Федерацию на небольшие национальные государственные образования. Для этого весь мир, по замыслу США, должен сплотиться, чтобы добиться ***резкого и значительного снижения уровня жизни российских граждан***.

США, не желая входить в открытую военную конфронтацию с Россией, обладающей мощным военным потенциалом и силами стратегического сдерживания, для сохранения имперских амбиций переносят межгосударственное противоборство на другие площадки. Они используют территории национальных государств, чтобы, с одной стороны, показать свое военное могущество, а с другой — устранить любого лидера страны, который хотя бы косвенно противится их интересам или поддерживает позицию России.

Сделать это одними лишь экономическими санкциями не удалось. Российская Федерация после 1990-х годов адаптировалась и вышла из рецессии, став сильнее в экономическом и военном отношении. Однако исторический опыт показывает, что и в достаточно благополучных странах можно спровоцировать революцию. Для этого нужно настроить народ против своей властной структуры.

Опыт Украины 2013—2014 годов показывает, что это можно сделать, пообещав народу «светлое будущее» в составе Европы. Нужно лишь «сбросить коррумпированную элиту и привести к власти новых и честных людей». Только никто не говорит, что этих людей готовили в США и Евро-

пе, и отнюдь не для того, чтобы они улучшали жизнь сограждан, сделав их богатыми и свободными, а для того, чтобы продвигали свои и американские эгоистичные интересы на Украине и вокруг нее.

В результате государственного переворота на Украине сформировали полностью зависимое и подконтрольное США правительство, обострились ее **межгосударственные противоречия** с Российской Федерацией. Такие приемы Запад использует давно, создавая точки напряжения между государствами и играя на них в нужный момент. Так, отстранив группу по мирному урегулированию арабо-израильского конфликта, созданную в 2002 году премьер-министром Испании Хосе Мария Аснаром в составе ООН, Евросоюза, России и США, американская администрация довела ситуацию на Ближнем Востоке до палестинского взрыва в октябре 2023 года.

В 2022 году англосаксы спровоцировали военный конфликт на Украине. До этого более восьми лет Запад поощрял Украину саботировать Минские договоренности. Восемь лет он помогал ей перестраивать и перевооружать армию, национальную гвардию и другие силовые структуры. За три десятилетия информационно-психологического воздействия он сформировал довольно широкую прослойку населения, искренне ненавидящую бывший Советский Союз и — в его лице — Российскую Федерацию. Наконец, Западу удалось установить на Украине режим, который ради сохранения личного благополучия готов был развязать военные действия против Донецкой и Луганской Народных Республик, имея главной целью при этом втягивание в войну России.

Начало специальной военной операции на Украине вызвало на Западе своеобразную эйфорию. Во-первых, им все-таки удалось втянуть Россию в военные действия, во-вторых, это позволило ввести против России беспрецедентные по количеству и мощности санкции, а в-третьих, военная операция России разбудила надежды на «разрушение России изнутри» и восстановление беспредельной гегемонии США во всем мире.

По их мнению, ослабленная санкциями экономика России и людские потери на фронте специальной военной операции должны резко снизить уровень жизни и вызвать недовольство народных масс, а лидеры непримиримой оппозиции — поднять эти массы на восстание против существующих конституционных органов власти.

К счастью, экономика и финансы России, а также моральное состояние большинства российских граждан оказались подготовленными к нападению объединенного Запада на нашу страну. Меры, предпринятые законодательной и исполнительной ветвями власти Российской Федерации, позволили обеспечить противодействие попыткам англосаксов разрушить нашу государственность и сплотить население вокруг Президента. «Лидеры» же оппозиции и небольшая часть оппозиционных общественных деятелей со страху скрылись за границей.

Геополитика Российской Федерации в современном мире определяется ее глобальным противоречием с империей, созданной США из «оккупированных» стран и сателлитов. Это противоречие носит экзистенциональный характер как для нашей страны, так и для Глобальной империи.

В ответ на гибридную войну Запада с Россией наша страна намерена отстаивать свое право на существование и свободное развитие всеми имеющимися средствами. Энергия Российской Федерации направляется на геополитическое сотрудничество с имеющимися и формирующимися центрами силы во всем мире.

Практика показала, что большая часть человечества заинтересована в конструктивных отношениях с Россией и укреплении ее позиций на международной арене в качестве влиятельной мировой державы, вносящей решающий вклад в поддержание глобальной безопасности и обеспечение мирного развития государств.

Геополитика России направлена на сотрудничество с другими государствами. При этом **сущность геополитического сотрудничества** можно определить как добровольную совместную и неформальную деятельность государств и международных организаций по достижению общих геополитических целей, при которой происходит взаимовыгодный обмен знаниями, технологиями, товаром, финансами, ресурсами, культурой и духовными ценностями.

В этой связи геополитика Российской Федерации демонстрирует целый ряд основных направлений, обеспечивающих поступательное движение к многополярному миру — новой, более справедливой и устойчивой системе международных отношений.

В целях содействия адаптации мироустройства к реалиям многополярного мира **Российская Федерация намерена**[5]:

- устранить доминирование США и других недружественных государств в мировых делах и создать условия для отказа от неоколониальных и гегемонистских амбиций;
- восстановить роль ООН в качестве центрального координирующего механизма по достижению целей Устава ООН;
- повысить устойчивость международно-правовой системы, обеспечить верховенство права в международных отношениях как основу справедливого и устойчивого мироустройства, поддержания глобальной стабильности, мирного и плодотворного сотрудничества государств и их объединений;
- противодействовать попыткам подменять, подвергать ревизии и произвольному толкованию принципы международного права, способствовать прогрессивному развитию международного права, в том числе с учетом реалий многополярного мира;
- совершенствовать механизм применения международных санкций, исходя из исключительной компетенции Совета Безопасности ООН в вопросе введения подобных мер и необходимости обеспечения их эффективности;
- обеспечивать стратегическую стабильность, устранять предпосылки для развязывания глобальной войны, рисков применения ядерного и других видов оружия массового уничтожения, способствовать формированию обновленной архитектуры международной безопасности;
- укреплять и развивать систему международных договоров в сферах стратегической стабильности, контроля над вооружениями, предотвращения распространения оружия массового уничтожения, средств его доставки и связанных с их производством товаров и технологий;
- уделять приоритетное внимание использованию мирных средств, прежде всего дипломатии, переговоров, консультаций, посредничества и добрых услуг для разрешения международных споров и конфликтов, их урегулирования на основе взаимного уважения, компромиссов и баланса легитимных интересов;
- укреплять потенциал и международную роль БРИКС, Шанхайской организации сотрудничества, Содружества Независимых Государств, Евразийского экономического союза, Организации Договора о коллективной безопасности, РИК (Россия, Индия, Китай) и других межгосударственных объединений и международных организаций, а также механизмов с весомым участием России;

Геополитика России направлена на сотрудничество с другими государствами. При этом сущность геополитического сотрудничества можно определить как добровольную совместную и неформальную деятельность государств и международных организаций по достижению общих геополитических целей, при которой происходит взаимовыгодный обмен знаниями, технологиями, товаром, финансами, ресурсами, культурой и духовными ценностями. В этой связи геополитика Российской Федерации демонстрирует целый ряд основных направлений, обеспечивающих поступательное движение к многополярному миру — новой, более справедливой и устойчивой системе международных отношений.

• поддерживать интеграцию в рамках дружественных многосторонних институтов, диалоговых площадок и региональных объединений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Латинской Америке, Африке и на Ближнем Востоке;

• содействовать созданию и совершенствованию механизмов обеспечения региональной безопасности и урегулирования кризисов в важных для интересов России регионах;

• оказывать союзникам и партнерам поддержку в обеспечении обороны и безопасности, нейтрализации попыток внешнего вмешательства в их внутренние дела;

• обеспечивать справедливый доступ всех государств к благам мировой экономики и международного разделения труда, а также к современным технологиям в интересах справедливого и равномерного развития;

• адаптировать мировые торговую и валютно-финансовую системы к реалиям многополярного мира и последствиям кризиса экономической глобализации, в интересах расширения участия развивающихся государств в глобальном экономическом управлении;

• поощрять отвечающие интересам России процессы региональной и межрегиональной экономической интеграции в рамках Союзного государства, ЕАЭС, СНГ, ШОС, БРИКС, а также формирования Большого Евразийского партнерства;

• содействовать международному развитию, уделяя ***приоритетное внимание*** социально-экономическому развитию Республики Абхазия, Республики Южная Осетия, государств — членов ЕАЭС, государств — участников СНГ, поддерживающих добрососедские отношения с Россией, а также развивающихся государств, проводящих конструктивную политику в отношении Российской Федерации;

• способствовать ответственному и рациональному освоению биологических, минеральных, энергетических и других ресурсов Мирового океана, развитию морских трубопроводных систем, проведению научных исследований, защите и сохранению морской среды;

• продвигать международное сотрудничество в интересах предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве, прежде всего посредством разработки и заключения соответствующего международного договора;

• противодействовать использованию государствами террористических и экстремистских (в том числе неонацистских) организаций в качестве инструмента внешней и внутренней политики;

• укреплять многоплановое взаимодействие с союзниками и партнерами в сфере борьбы с терроризмом, оказывать им практическое

содействие в проведении контртеррористических операций, в том числе в целях защиты христиан на Ближнем Востоке;

• укреплять международное сотрудничество в интересах недопущения ослабления или пересмотра действующего глобального режима контроля над наркотиками, в том числе недопущения легализации их применения в немедицинских целях;

• противодействовать политике недружественных государств по милитаризации глобального информационного пространства, по использованию информационно-коммуникационных технологий для вмешательства во внутренние дела государств и в военных целях;

• обеспечивать безопасное и стабильное функционирование и развитие информационно-телекоммуникационной сети Интернет на основе равноправного участия государств в управлении данной сетью и недопущение установления иностранного контроля над ее национальными сегментами;

• консолидировать международные усилия, направленные на обеспечение уважения и защиты универсальных и традиционных духовно-нравственных ценностей, нейтрализацию попыток навязывания псевдогуманистических и иных неолиберальных идеологических установок, приводящих к утрате человечеством традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов;

• поддерживать конструктивный диалог, партнерство и взаимообогащение различных культур, религий и цивилизаций;

• оказывать иностранным государствам практическое содействие в сфере защиты от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, в том числе с использованием уникальных российских технологий и опыта чрезвычайного реагирования.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Современный мир вступил в затяжную фазу глобального конфликта, источником которого является базовое ***противоречие*** между приверженцами однополярного мира и странами, которые стремятся к формированию многополярных отношений.

В основе этого противоречия стоит столкновение интересов Глобальной империи во главе с США и остального мира, стремящегося к построению более справедливой системы международных отношений.

2. Российская Федерация в этом противостоянии стала главным противником США в силу целого ряда обстоятельств, в основе которых лежат ее стратегически важное расположение, суверенная позиция во внешней и внутренней политике, непримиримое желание обеспечить безусловную безопасность страны и высокий авторитет в международных делах.

3. Геополитика, как наука, представляет собой специфическую область знаний о закономерностях распределения сфер влияния различных государств и межгосударственных объединений в многомерном пространстве Земли.

Сущность геополитики как деятельности государств заключается в борьбе мировых держав за стратегически важные территории, ресурсы и влияние.

4. Геополитика России, как мировой державы, сформировалась в условиях прямого или косвенного участия в делах европейских стран, воспринимавших Россию чужеродной могучей восточной силой, но в то же время умело использовавших ее в своих корыстных целях.

5. В результате геополитических сдвигов XXI века Российская Федерация вернулась в качестве мирового игрока в геополитическое устройство современного мира.

Современный мир вступил в затяжную фазу глобального конфликта, источником которого является базовое противоречие между приверженцами однополярного мира и странами, которые стремятся к формированию многополярных отношений. В основе этого противоречия стоит столкновение интересов Глобальной империи во главе с США и остального мира, стремящегося к построению более справедливой системы международных отношений. Российская Федерация в этом противостоянии стала главным противником США в силу целого ряда обстоятельств, в основе которых лежат ее стратегически важное расположение, суверенная позиция во внешней и внутренней политике, непримиримое желание обеспечить безусловную безопасность страны и высокий авторитет в международных делах.

6. Становление Российской Федерации в качестве основного геополитического игрока обосновывается следующим:

- глобальное доминирование США подорвано, они уже не способны диктовать другим странам, как вести внешнюю и внутреннюю политику;
- становится все больше сторонников многополярного мироустройства. Расширяются ШОС и БРИКС;
- Россия перестала быть связующим звеном между Западом и Востоком. Она стала самостоятельным геополитическим игроком, вектор сотрудничества которого направлен на страны Азиатско-Тихоокеанского региона, Африку и Латинскую Америку. Страны Запада оказались в геополитической самоизоляции.

7. Сегодня роль России в геополитическом переустройстве мира является главной. Место Российской Федерации — на переднем крае ведения непримиримой борьбы со старой Глобальной империей. Эта борьба ведется во всех сферах международных отношений: политической, дипломатической, экономической, военной, исторической, культурной, спортивной, гуманитарной, правовой и так далее.

8. Из преимущественно сухопутной державы Россия превратилась в одну из сильнейших морских и даже океанских государств. Россия имеет свободный выход в Балтийское, Черное, Белое и Баренцево моря, практически восстановлен Северный морской путь. Российский ВМФ позволяет действовать как в ближней, так и в дальней океанской зоне, военно-морская база в Сирии позволяет контролировать Средиземное море.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». М.: Гарант, 2023.

[2] Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». М.: Гарант, 2023.

[3] *Дугин А.* Основы геополитики. URL: https://libking.ru/books/sci-/sci-politics/92458-aleksandr-dugin-osnovy-geopolitiki.html#book (дата обращения: 30.08.2023).

[4] *Маринченко А.В.* Геополитика: учеб. пособие. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 34—79.

[5] Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Концепция внешней политики Российской Федерации». М.: Гарант, 2023.

Проблемные вопросы организации ПВО в морских десантных операциях в современных условиях

Подполковник М.В. ПОЛУЭКТОВ,
кандидат военных наук

Подполковник В.В. ТРОФИМЕНКОВ

АННОТАЦИЯ

Рассматривается организация противовоздушной обороны (ПВО) в морских десантных операциях (МДО).

ABSTRACT

The paper discusses the organization of air defense in sea landing operations.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Морская десантная операция, организация ПВО, управление подразделениями ПВО в ходе МДО.

KEYWORDS

Sea landing operation, organization of air defense, management of air defense units during a sea landing operation.

ИЗУЧЕНИЕ военных конфликтов последних десятилетий показывает, что в военном противоборстве произошло изменение в распределении ролей различных сфер. Исход вооруженной борьбы в крупномасштабном военном конфликте в современных условиях и в будущем будет зависеть от противостояния в воздушно-космической сфере и на море. Главные задачи по уничтожению средств воздушного нападения (СВН) противника будут решаться путем дальнего огневого их поражения, включая поражение с морских (океанских) направлений.

Результаты изучения боевого опыта показывают, что главным условием достижения успеха в морских десантных операциях является централизация управления всеми войсками (силами) группировки противовоздушной обороны (ПВО). Десантные операции, при подготовке которых не создавалось единой группировки сил и средств ПВО и отсутствовало централизованное управление ими, заканчивались провалом[1].

ПВО (как единая структура) в МДО включает в себя организацию в береговых, морских и морских маневренных районах ПВО следующих систем: разведки, обнаружения воздушного противника и оповещения о нем; истребительного авиационного прикрытия; зенитного ракетного прикрытия; радиоэлектронной борьбы; управления и обеспечения качественной связью.

В настоящее время наиболее важную роль ПВО в МДО будет играть в ходе боевых действий по завоеванию господства на море и в воздухе в районе проведения операции; сосредоточения войск десанта и сил высадки в назначенных районах; посадки (погрузки) войск на десантно-транспортные средства на переход морем; боевых действий по огневому поражению войск и сил противника, противодействующих сосредоточению, посадке десанта и переходу его морем; поражению войск, сил и объектов противодесантной обороны; в ходе развертывания и пересадки десанта на десантно-высадочные средства, боя за высадку и захват необходимых плацдармов; ведения боевых действий войсками десанта на берегу при выполнении дальнейшей и последующей задач.

Решение задач ПВО в морских десантных операциях осуществляется совместными усилиями ВВС, войсковой ПВО, войсками и силами ПВО флота, а это значительно усложняет организацию ПВО и имеет ряд особенностей:

- в ходе таких операций нашим войскам и силам приходится не только удаляться от своего района базирования и функционирующей в нем системы ПВО, но и приближаться вплотную к территории противника и высаживать на нее свои войска;
- по мере приближения десанта к району высадки следует ожидать усиления ударов противника с воздуха.

С высадкой морского десанта и вступлением его в бой подразделения морской пехоты становятся объектами, на прикрытии которых от ударов СВН противника сосредоточиваются основные усилия всех сил и средств ПВО, участвующих в десантной операции.

Организация ПВО осуществляется на основе решения на МДО, принятого командующим флотом или командиром, организующим десантную операцию. На основе его решения частям и подразделениям, назначенным для прикрытия десанта от разведки и ударов противника с воздуха в операции, указываются: состав сил и средств ПВО для прикрытия десанта и их задачи; порядок их маневра (выхода) в исходные районы десантирования, сроки и степени готовности; маршруты прохода (пролета) десанта; порядок организации взаимодействия с истребительной авиацией, с войсками (силами) ПВО флота и приморского объединения (армии ВВС и ПВО) по этапам операции; порядок организации управления и обеспечения боевых действий сил и средств ПВО десанта.

Развертывание сил и средств ПВО в боевой порядок производится заблаговременно, до начала посадки десанта на десантно-транспортные средства. Штатные и приданные для усиления десанта части и подразделения ПВО обычно действуют совместно с его войсками. Для прикрытия десанта

в районах сосредоточения, ожидания и посадки на десантно-транспортные средства кроме штатных средств десантируемых войск может назначаться и часть средств ПВО армейского (окружного) подчинения. Такие же силы и средства ПВО обычно назначаются и для усиления прикрытия от ударов с воздуха морского десанта при решении им задач на берегу после высадки.

Основной задачей сил и средств ПВО флота в МДО является прикрытие от ударов с воздуха во взаимодействии с истребительной авиацией армии ВВС и ПВО десанта на переходе морем и в бою за высадку.

Построение сил и средств ПВО разнородных группировок флота в операции организуется в несколько эшелонов. В первом эшелоне ПВО действует истребительная авиация дальнего действия из положения «дежурство в воздухе» при наращенном радиолокационном поле самолетами и кораблями РЛД. Для снижения возможностей противника по обнаружению десанта применяются средства РЭБ.

Во втором эшелоне действуют истребительная авиация наземного и корабельного базирования из положения «дежурства на аэродроме (палубе)», корабельные ЗРК средней и большой дальности, комплексы РЭБ. Радиолокационное поле при этом по возможности создается самолетами, вертолетами РЛД корабельного базирования, кораблями РЛД.

В третьем эшелоне ПВО осуществляется силами и средствами ПВО и РЭБ каждого корабля на самооборону, а также силами и средствами ПВО в системе объектовой ПВО группировок флота в пунктах базирования.

Взаимодействие флота с приморским объединением ВВС и ПВО (округами) для ПВО сил десанта в море в основном заключается в организации истребительного авиационного прикрытия и боевого применения самолетов дальнего радиолокационного наблюдения[2].

Примером недостаточно эффективной организации ПВО является уничтожение морского десанта немцев, следовавшего для захвата острова Гогпанд. Так, в сентябре 1944 года наше командование, учитывая, что собственная противовоздушная оборона морского десанта была слабой, а истребительное прикрытие базовой авиацией недостаточно эффективно из-за большого удаления аэродромов, основную задачу по уничтожению десанта возложило на авиацию Балтийского флота, истребители которого блокировали аэродромы противника в Раквере. Затем удары по кораблям десанта нанесли штурмовики, после чего десант противника был вынужден отойти от Гогланда. Всего в результате действий нашей авиации были потоплены 10 десантных транспортов, два боевых корабля, повреждено и сбито 22 истребителя противника[3].

Для планирования ПВО в операции и согласования применения сил и средств ПВО разных видов ВС назначается начальник ПВО МДО. В зависимости от того, на кого возложено руководство самой операцией, начальником ее ПВО может быть назначен начальник ПВО флота (приморской группировки войск). На основании утвержденного плана ПВО в МДО им разрабатываются боевые распоряжения по ПВО силам высадки, войскам десанта, силам оперативного прикрытия, а также частям ПВО.

Прикрытие от ударов с воздуха морского десанта при высадке на берег является наиболее сложной и ответственной задачей. Противник в этот период будет стремиться использовать все имеющиеся у него средства воздушного нападения. С нашей же стороны прикрытие будет затрудняться ограниченными возможностями маневра кораблей

сил высадки и применения войсковых зенитных средств десанта. Прикрытие от ударов с воздуха морского десанта при высадке на берег организуется путем создания в районе высадки тактической зоны господства в воздухе, существующей в течение всего периода высадки десанта.

Одновременно с высадкой первого эшелона морского десанта выгружаются на берег и развертываются его штатные и приданные войсковые средства ПВО. По мере выгрузки их на берег и приведения в боевую готовность организуется прикрытие от ударов с воздуха боевых порядков войск.

Прикрытие от ударов с воздуха войск морского десанта при ведении ими боевых действий на берегу выполняется штатными и приданными наземными войсковыми средствами ПВО и поддерживающей истребительной авиацией.

Оповещение сил высадки и войск десанта о воздушном противнике организуется начальником ПВО сил высадки и осуществляется через групповой пост ПВО. Для оповещения используются данные воздушной обстановки, получаемые от совмещенного командного пункта ПВО и авиации (СКП ПВО и А) армии ВВС и ПВО, соединения ПВО сухопутной группировки войск, действующей на приморском направлении и кораблей сил высадки.

Для отражения внезапных ударов противника с воздуха кораблям сил высадки на переходе морем и в районе высадки назначаются ответственные сектора стрельбы, совпадающие с ответственными секторами наблюдения. В отражении внезапных ударов противника с воздуха участвуют также штатные средства ПВО морского десанта, расположенные на палубах десантных и транспортных кораблей.

В ходе отражения ударов противника зенитные ракетные комплексы (ЗРК) кораблей и десанта используются в первую очередь для ведения огня по крылатым ракетам, низколетящим и групповым воздушным целям. Зенитная артиллерия кораблей и десанта ведет огонь по целям, не обстрелянным или не пораженным ЗРК. При эшелонировании воздушных целей по высоте ЗРК ведут огонь в основном по целям на большой и средней высоте, батареи зенитной артиллерии — по целям, идущим на малой и предельно малой высотах. Зенитные средства войск десанта используются для ведения огня на самооборону.

Средства ПВО десантируемых войск по возможности должны размещаться на верхней палубе десантных кораблей (транспортов) и включаться в общую систему ПВО десантного отряда (ДЕСО). Для этого на соединениях десантных кораблей для каждого проекта корабля разработаны частные наставления с указанием размещения зенитных огневых средств подразделений десанта и организации их боевого применения (рис.).

Рис. Размещение на посадочной площадке вертолета ЗРК «Тор»

Управление размещенными на корабле средствами ПВО десанта осуществляется командиром корабля через командира подразделения ПВО десанта. Целеуказание средствам ПВО выдается с флагманского корабля по корабельной трансляции передачей курсового угла, угла места и дистанции до воздушной цели. Могут также использоваться маломощные полевые радиостанции, а в отдельных случаях — и сигнальные ракеты, обозначающие сектор стрельбы в направлении на атакующие воздушные цели.

В интересах ПВО строи тактических групп кораблей должны, как правило, предусматривать полное или частичное огневое взаимодействие всех десантных кораблей. По этой причине наиболее целесообразными строями десантных кораблей в тактической группе являются: клин, обратный клин, квадрат, ромб, сложного фронта. Для осуществления огневого взаимодействия зенитных огневых средств десантных кораблей радиусы окружностей, в которые вписываются строи и максимальные расстояния между двумя соседними кораблями в строях, не должны превышать величин 5—12 и 10—25 кабельтовых соответственно.

Подразделения, вооруженные ЗРК малой дальности и ближнего действия, могут входить в состав морского десанта, а ближнего действия, кроме того, — в состав воздушного десанта.

Подразделения ПВО бригады (мсд, морской пехоты) всем составом или частью сил могут осуществлять непосредственное прикрытие сил, действующих в составе морского и воздушного десантов на всех этапах подготовки и ведения ими боевых действий.

В период подготовки морского десанта командир зенитного ракетного подразделения участвует в разработке штабом десантируемой части плана ее боевых действий. У командира десантируемой части он получает задачу, уясняет ее, оценивает обстановку и принимает решение.

Командир зенитного ракетного подразделения после принятия решения на прикрытие десанта дополнительно определяет порядок использования средств ПВО для ведения огня по воздушным (а для зенитных артиллерийских средств и по надводным) целям. Командирам подразделений указываются наименование транспортного средства (его номер), место стоянки, время и порядок погрузки подразделения и места боевой техники на транспортном средстве.

Порядок погрузки устанавливается с учетом выгрузки подразделения в необходимое для выполнения боевых задач время при захвате прикрываемыми подразделениями плацдарма. Зенитное ракетное подразделение, как правило, грузится в полном составе на одно транспортное средство. Средства ПВО, способные вести огонь самостоятельно, грузятся на верхнюю палубу, готовятся к отражению ударов авиации противника и применяются по решению командира десанта и корабля.

Оповещение о воздушной обстановке подразделения ПВО получают от корабельных радиолокационных станций и кораблей радиолокационного дозора. По надводным целям зенитное артиллерийское подразделение ведет огонь, как правило, только на самооборону[4,5].

С началом высадки десанта подразделение ПВО по мере выгрузки немедленно занимает назначенные позиции и прикрывает десантируемые подразделения.

Боевые действия подразделения ПВО после высадки определяются поставленными далее задачами, указаниями, полученными от командира десанта на месте высадки, и сложившейся обстановкой. Все это говорит о том, что морской десантной операции присущи сильные и слабые стороны.

К сильным сторонам можно отнести:

• наличие специально подготовленных соединений и частей морской пехоты и планомерную подготовку к действиям в качестве морского десанта соединений и частей сухопутных (воздушно-десантных, воздушно-штурмовых) войск;

• возможность выделения значительных сил флота и авиации для обеспечения высадки морских десантов;

• широкое применение десантно-высадочных средств, а также вертолетов, что позволяет достичь при десантировании высоких темпов высадки одновременно на широком фронте и на большую глубину.

К слабым сторонам можно отнести:

• сложность организации и управления силами, участвующими в операции;

• сосредоточение значительного количества сил в ограниченной акватории у побережья противника;

• большая уязвимость десантных кораблей и десантно-высадочных средств от огня противника во время высадки;

• зависимость успеха проведения операции от господства на море и в воздухе особенно в районе высадки десанта.

Таким образом, исходя из выше изложенного, для командиров формирований ПВО, действующих в составе морского десанта, можно отметить ряд проблемных вопросов:

• определение рациональных боевых порядков — при выполнении формированиями морской пехоты различных тактических задач;

• организацию разведки воздушного противника, прием и оповещение о нем при высадке и на берегу;

• обеспечение непрерывности управления силами и средствами ПВО, действующими в МДО;

• обеспечение электромагнитной совместимости на узком участке высадки и осуществление взаимодействия между силами и средствами ПВО, действующими в МДО, и зенитными огневыми средствами корабельной ударной группы (ЗОС КУГ) при отражении ударов СВН противника как в ходе предварительной авиационной подготовки района высадки, так и в ходе непосредственного прикрытия десантируемых войск.

Обобщение и анализ накопленного опыта войск в том числе специальной военной операции показывает, что ПВО формирований морской пехоты должна быть комплексной, должна эффективно использовать возможности всех сил и средств ПВО, в том числе взаимодействующих и соседних.

Все это диктуется сложностью и напряженностью ПВО боя, требующего выработки единого порядка применения сил и средств с учетом последовательности уничтожения СВН противника.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Марков В.Ф.* Эволюция принципов военного искусства и их место в общей системе военно-научных знаний для Военно-Морского Флота // Военная Мысль. 2022. № 10. С. 41—51.

[2] *Русанов И.А.* Угрозы с моря // Журнал «Воздушно-космическая оборона». 2005. № 3.

[3] К вопросу о морском десанте. URL: https://aftershock.news/?q=node/307707&full (дата обращения: 12.09.2023г.)

[4] *Монаков М.С.* Военно-морская наука в России: происхождение, возникновение и становление национальной системы знаний о вооруженной борьбе на море. М.: Куликово поле, 2011. 558 с.

[5] *Мурашов Е.А.* Основы тактики Военно-Морского Флота: учебное пособие для вузов // БГТУ «ВОЕНМЕХ». СПб. 2002. 166 с.

Обоснования понятия «тактика войск связи», ее структуры, содержания и направления развития с учетом опыта специальной военной операции

Полковник В.Г. ИВАНОВ,
кандидат военных наук

Полковник С.Ю. БАШИРОВ

Полковник в отставке В.Н. ЛУКЬЯНЧИК,
кандидат военных наук

АННОТАЦИЯ

Рассмотрены основные элементы теории тактики войск связи — системы научных знаний о природе и закономерностях действий соединений, частей и подразделений связи, о формах, способах и приемах подготовки, боевого применения и всестороннего обеспечения на различных этапах операции (боя).

ABSTRACT

The paper considers the basic elements of the theory of tactics of communication troops — a system of scientific knowledge about the nature and regularities of actions of formations, units and subunits of communication, about the forms, methods and techniques of training, combat application and comprehensive support at various stages of the operation (battle).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Система связи, структура системы связи, тактика войск связи, категории тактики войск связи, функциональность системы связи, боевое обеспечение связью, восстановление связи.

KEYWORDS

Communication system, structure of communication system, tactics of communication troops, categories of tactics of communication troops, functionality of communication system, combat support of communication, recovery of communication.

УСПЕШНОЕ выполнение войсками задач в операции (бою) во многом зависит от состояния системы управления войсками и оружием, техническую основу которой составляет система связи.

Опыт проведения специальной военной операции (СВО) изменил взгляды на порядок ведения военных действий, бывшие прежде эпизодическими действия по нарушению управления войсками противника превратились в специальные операции, ставшие неотъемлемым компонентом общевойсковых операций. В этих целях разрабатываются и совершенствуются необходимые средства разведки и поражения, а также тактика их применения. В этих условиях комплексному воздействию противника на войска и систему связи должна быть противопоставлена

тактика соединений, частей и подразделений связи, обеспечивающая своевременное и полное выполнение стоящих перед ними задач с минимальными потерями в технике и живой силе.

Рациональная тактика войск связи обеспечивает эффективность применения подразделений связи, средств связи и позволяет сократить потери сил и средств связи и как следствие повысить функциональность системы связи. В итоге при прочих равных условиях повысятся устойчивость и оперативность управления войсками в условиях деструктивного воздействия противника.

Опыт проведения СВО показал необходимость изменения в теории тактики, при этом внимание требуется уделить научному обоснованию форм и способов ведения боевых действий соединениями и воинскими частями в вооруженных конфликтах, поиску путей повышения их мобильности, разработке оптимальных организационно штатных структур соединений и воинских частей, вопросам эффективного управления и всестороннего обеспечения боевых действий.

Для внесения ясности в понимание терминов необходимо дать определения основных из них. **Та́ктика** (греч. τακτικά — искусство построения войск), составная часть военного искусства, охватывает теорию и практику подготовки и ведения боя подразделениями, частями (кораблями) и соединениями различных видов Вооруженных сил, родов войск (сил) и специальных войск, а также отдельных средств поражения на суше, в воздухе и на море[1].

Наряду с тактикой родов войск и специальных войск в отдельную категорию выделена общая тактика, которая исследует закономерности общевойскового боя и вырабатывает рекомендации по его подготовке и ведению совместными усилиями соединений и частей различных видов Вооруженных Сил. Основу общей тактики составляет тактика сухопутных войск. В тактике соединений, частей каждого вида выделяются положения, общие для всех входящих в него родов войск и специальных войск. Это классическое определение и принятое структурное деление понятия «тактика» легли в основу разработанного понятийного аппарата для тактики войск связи.

Войска связи относятся к специальным войскам, т. е. к войскам, предназначенным для выполнения специальных задач по обеспечению боевой и повседневной деятельности войск. Особенность применения этих войск состоит в том, что они напрямую не ведут боевых действий. Поэтому наряду с общей тактикой и тактикой родов войск в отдельную категорию выделена тактика специальных войск.

Тактика соединений, частей и подразделений связи, являясь частью тактики специальных войск, увязана прежде всего с тактикой того вида ВС, рода войск или специальных войск, в состав которых они организационно включены[2]. Это определяется тем, что войска связи в ходе операции (боя) действуют совместно с войсками других родов войск и специальных войск объединения (соединения). Следовательно, общая тактика (тактика вида и рода войск и специальных войск) является общей категорией для всех воинских формирований, входящих в рассматриваемое объединение (соединение) и оказывает, в частности, на тактику войск связи определяющее влияние. Следовательно, вышеуказанное позволяет сформулировать определение понятия **«тактика войск связи»** — является составной частью тактики специальных войск, охватывающая теорию и практику подготовки и боевого применения соединений, частей и подразделений связи для обеспечения управления войсками (силами) в операции (бою) (рис. 1).

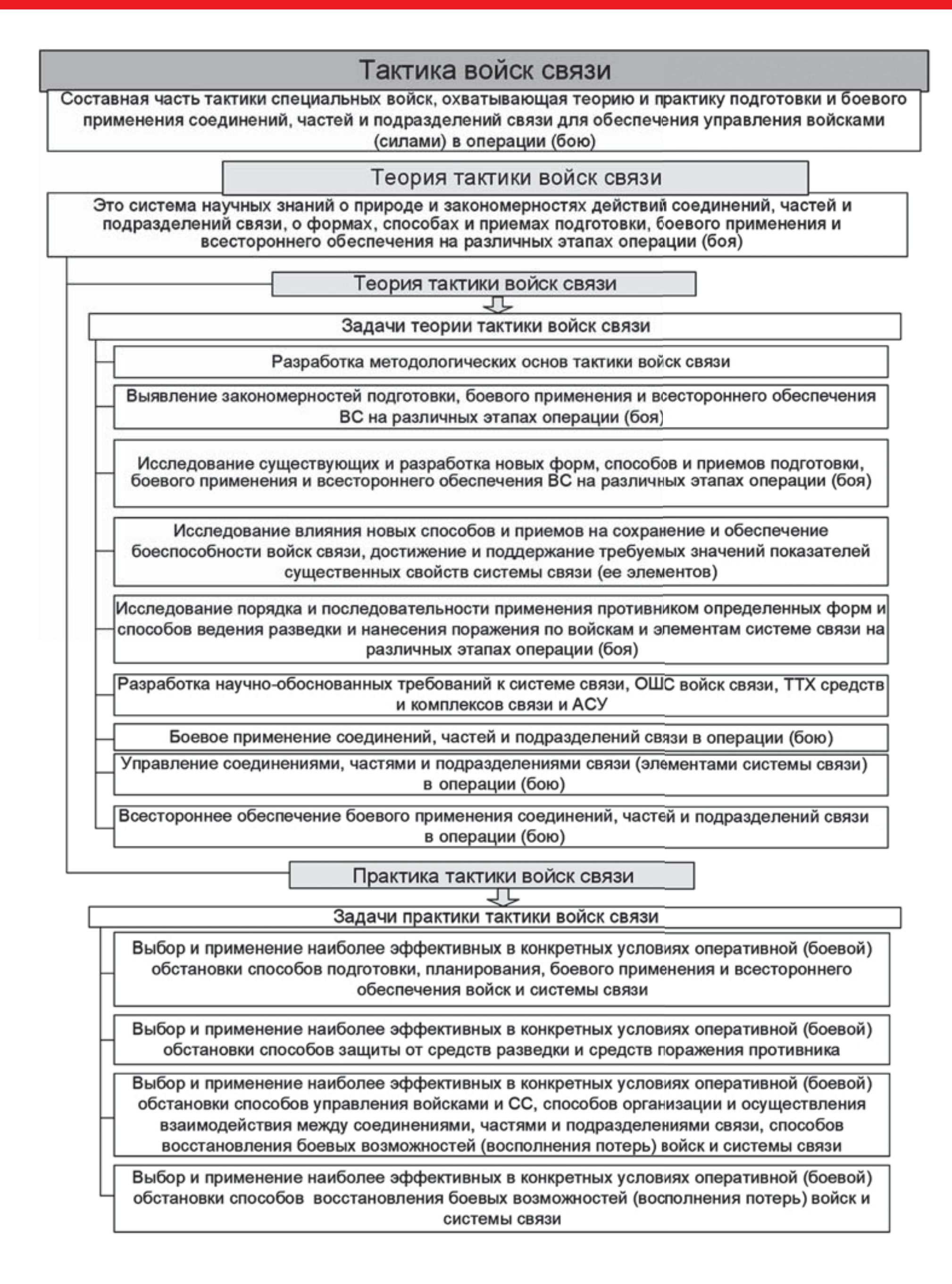

Рис. 1. Составляющие тактики войск связи

Тактика войск связи отражает те формы, способы и приемы действий, которые присущи только соединениям, частям и подразделениям связи.

Она учитывает организационно-штатную структуру, целевое назначение и боевые возможности конкретных формирований войск связи, особенности и тактико-технические характеристики средств связи находящихся у них на снабжении войск, оперативные условия боевых действий, применяемую противником тактику комплексного воздействия,

а также влияние физико-географических условий на способность выполнять боевые задачи.

По своему содержанию тактика войск связи представляет собой взаимоувязанную совокупность теории и практики подготовки, боевого применения и всестороннего обеспечения войск связи в операции (бою) (рис. 2).

Рис. 2. Структура тактики войск связи

Теория тактики войск связи — это система научных знаний о природе и закономерностях действий соединений, частей и подразделений связи, о формах, способах и приемах подготовки, боевого применения и всестороннего обеспечения на различных этапах операции (боя).

Она вырабатывает определенные принципы, нормы и рекомендации действий ВС в различных условиях обстановки. Важнейшие из них находят свое отражение в соответствующих нормативно-правовых документах по связи.

Практика тактики войск связи охватывает деятельность должностных лиц (ДЛ) органов управления (ОУ) всех степеней и личного состава войск связи по подготовке и осуществлению боевого применения соединений, частей и подразделений связи.

Практическая область тактики войск связи — это творческое применение и претворение в боевой и повседневной деятельности соединений, частей и подразделений связи апробированных результатов научных исследований и теоретических наработок.

Основные положения тактики войск связи представляют собой ее научные и методологические аспекты. В них определяются задачи и содержание тактики войск связи, раскрываются основные ее понятия и категории, разрабатываются формы, способы и приемы подготовки, боевого применения и всестороннего обеспечения войск и системы связи, разрабатываются методики расчета их показателей и критерии оценки.

Основные категории тактики войск связи представлены на рисунке 3.

Тактика соединений, частей и подразделений связи, являясь частью тактики специальных войск, увязана прежде всего с тактикой того вида ВС, рода войск или специальных войск, в состав которых они организационно включены. Это определяется тем, что войска связи в ходе операции (боя) действуют совместно с войсками других родов войск и специальных войск объединения (соединения). Следовательно, общая тактика (тактика вида и рода войск и специальных войск) является общей категорией для всех воинских формирований, входящих в рассматриваемое объединение (соединение) и оказывает, в частности, на тактику войск связи определяющее влияние.

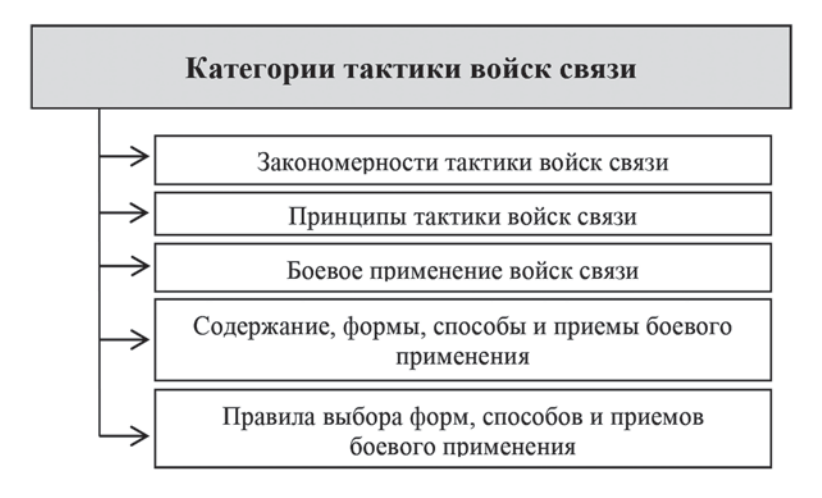

Рис. 3. Основные категории тактики войск связи

В общем смысле закономерность — это объективно существующая, по-вторяющаяся существенная связь (зависимость) явлений, следовательно, исследование закономерностей тактики войск связи имеет цель выявить те условия и факторы, которые определяют, к каким действиям и как надо готовить войска связи. Это позволяет получить научно обоснованные рекомендации и выявить необходимые зависимости для решения фундаментальных задач развития тактики войск связи.

Изучение особенностей подготовки и действий войск связи[3,4] позволяет выделить три группы взаимоувязанных между собой закономерностей (рис. 4—6).

Закономерности тактики войск связи

I группа закономерностей

Зависимости форм, способов и приемов подготовки, боевого применения и всестороннего обеспечения войск и системы связи от различных факторов и условий выполнения соединениями, частями и подразделениями связи боевых задач

Изучение закономерностей позволяет дать ответ на такие вопросы: от чего зависит содержание форм и способов подготовки, боевого применения и всестороннего обеспечения войск и системы связи; каков характер этих зависимостей; какие из них найдут свое применение в современной операции (бою); каковы тенденции их совершенствования и развития

Зависимость от уровня развития основного вооружения того рода войск, в состав которого включены рассматриваемые войска связи, а также от количественных и качественных характеристик состоящих на их вооружении средств и комплексов связи и автоматизации, от применяемых технологий передачи и обработки информации

Зависимость от избранного вида и способа предстоящих боевых действий, стратегии и тактики их ведения

Зависимость от структурно-функциональной организации системы управления

Зависимость от применяемой противником тактики всестороннего воздействия на войска и систему связи

Зависимость от физико-географических и оперативных условий подготовки и проведения операции (боя)

Зависимость от ОШС и боевых возможностей войск связи

Рис. 4. Первая группа закономерностей тактики войск связи

Закономерности тактики войск связи
II группа закономерностей
Зависимости, определяющие боевую готовность войск связи
Изучение закономерностей дает ответ на вопрос: какие соединения, части, подразделения связи в состоянии какой степени БГ должны находиться, для того чтобы обеспечить возможность применения (реализуемость) требуемых форм, способов и приемов в случае начала различных по напряженности военных действий
Зависимость от степени состояния боевой готовности находится соединение, часть и подразделение связи
Зависимость от укомплектованности и качества подготовки органов управления и личного состава, готовности средств и комплексов связи
Зависимость от наличия и состояния запасов материальных средств и ремонтно-технической базы
Зависимость от динамики военно-политической обстановки
Зависимость от возможности осуществления всестороннего обеспечения войск и системы связи в ходе операции

Рис. 5. Вторая группа закономерностей тактики войск связи

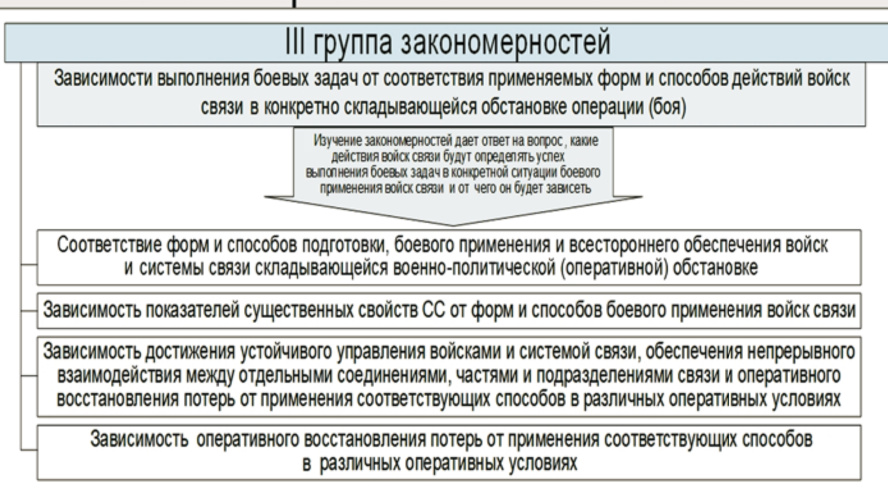

Рис. 6. Третья группа закономерностей тактики войск связи

Следует отметить, что выявленные закономерности тактики войск связи тесно взаимоувязаны и обуславливают друг друга. Предложенное их деление на группы условно и осуществлено только в интересах из анализа и изучения. Это подтверждается тем, что данные закономерности положены в основу методологического аппарата тактики войск связи.

На их основе сформулированы основные принципы тактики войск связи.

Принципы тактики войск связи — это основные исходные положения, важнейшие научно обоснованные и проверенные практикой рекомендации по подготовке, боевому применению и всестороннему обеспечению войск и системы связи в операции (бою).

Они отражают наиболее существенные связи и отношения различных сторон деятельности начальников связи, командиров (штабов), соединений, частей и подразделений связи, экипажей.

Принципами тактики войск связи являются конкретизированные применительно к особенностям действий частей и подразделений связи общие принципы управления и организации связи.

В зависимости от этапов и условий применения их целесообразно разделить на принципы подготовки и принципы действий войск связи. Содержательная сторона этих принципов диалектически развивается и находит свое выражение в практической деятельности ДЛ ОУ всех степеней, личного состава соединений, частей и подразделений связи. Принципы тактики войск связи позволяют систематизировать взгляды ДЛ ОУ на характер применения войск связи в операции (бою) и свести их в стройную единую систему.

Применение войск связи представляет собой организованное использование соединений, частей и подразделений связи под общим и непосредственным руководством начальника связи и командиров (штабов) для обеспечения управления войсками в мирное и военное время[5].

Как всякое явление, оно имеет сущность, содержание и внешнее проявление. Под **содержанием** принято понимать совокупность определенным образом упорядоченных систем (элементов) и процессов, образующих предмет или явление. Содержание явления «применение войск связи» составляют понятия «подготовка», «боевое применение» и «всестороннее обеспечение»[6].

Для наиболее полного представления о характере применения войск связи используются понятия высокой степени общности. Такими исторически сложившимися в практике категориями являются **формы**, **способы** и **приемы** применения войск связи.

По отношению к содержанию, форма является способом его существования и выражения (внешнего проявления). Таким образом, форма и содержание — это две стороны одного объекта, где содержание представляет ведущую, определяющую сторону, а форма — ту сторону, которая модифицирована (изменена) в результате воздействия различных факторов.

Формы применения войск связи представляют собой внешнее проявление содержания соответствующих способов и заключаются во взаимоувязанных действиях соединений, частей и подразделений связи, направленных на обеспечение непрерывного, устойчивого и скрытого управления войсками (силами) в мирное время и при ведении военных действий[7]. Они отражают взаимосвязь различных сторон применения сил и средств связи, их организационную структуру в виде согласованных и взаимоувязанных между собой пространственно-временных и количественно-качественных характеристик.

Формы применения войск связи отвечают на вопрос, как организовано применение сил и средств связи, и дают представление о его размахе, структуре, взаимосвязях и качестве.

Они являются важнейшими категориями тактики как составной части военного искусства.

Основное предназначение форм применения войск связи заключается в объединении усилий различных по целевому назначению сил и средств связи на всех этапах боевого применения для достижения стоящих целей. Использование этой категории позволяет разделить применение войск связи как единое явление на взаимоувязанные составные части и тем самым повысить степень эффективности и организованности

(управляемости) их применения при выполнении различных задач.

Важнейшей характеристикой содержания действий войск связи являются способы их осуществления.

Способы применения войск связи представляют собой избранный порядок и приемы подготовки, боевого применения и всестороннего обеспечения сил и средств и систем связи для решения задач как в мирное время, так и при ведении военных действий. Являются содержанием той или иной формы боевого применения, выражают общую их идею и определяют отличие друг от друга форм одного этапа боевого применения.

Под термином «прием» принято понимать устоявшуюся последовательность действий при решении какой-то типовой задачи в процессе применения войск связи. Приемы могут применяться как в составе способов, так и самостоятельно и обладают всеми свойствами, присущими способам.

Способ боевого применения становится тактическим только в боевой обстановке, когда он применен к конкретным условиям, противопоставлен конкретному способу комплексного воздействия противника и, обеспечивая достижение целей этапа боевого применения, снижает эффективность этого воздействия. По этой же причине следует провести грань между формами боевого применения и тактическими формами.

Процесс перехода форм и способов боевого применения войск связи в тактические происходит при условии применения ДЛ ОУ соответствующих правил выбора — системы критериев отбора по признаку обеспечения в складывающейся обстановке выполнения боевой задачи, максимально возможного снижения потерь сил и средств связи и экономии ресурсозатрат.

Существующие взаимосвязи основных категорий, составляющих содержание понятия «тактика войск связи», представлены на рисунке 7.

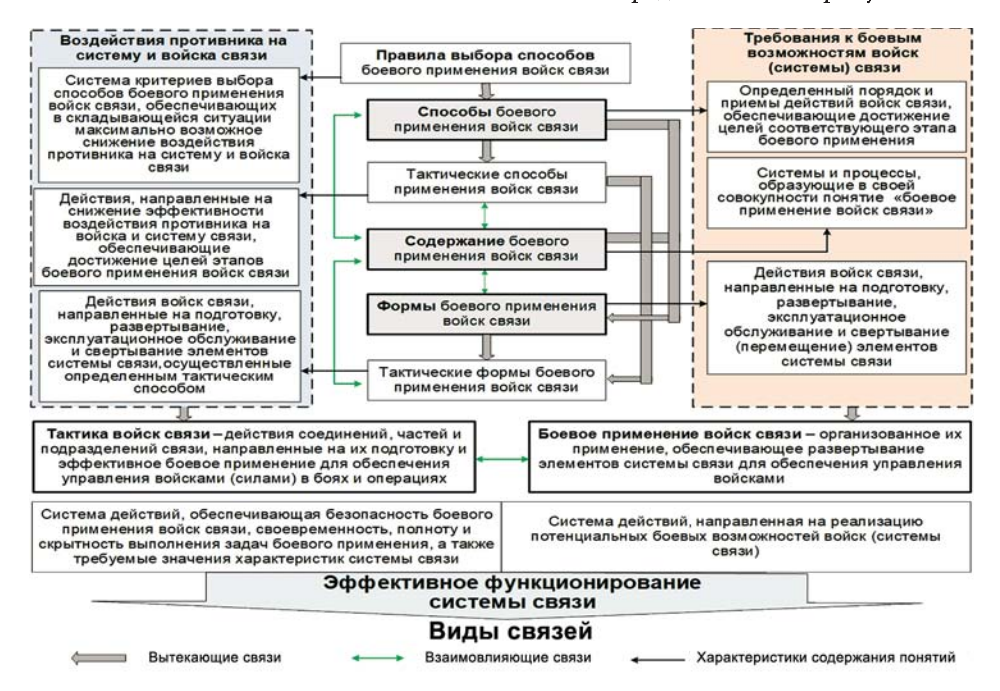

Рис. 7. Взаимосвязи основных категорий, составляющих содержание понятия «тактика войск связи»

Многообразие форм обусловлено многообразием способов боевого применения войск связи, как действий, имеющих различную целевую направленность. Они напрямую влияют на достижение определенных показателей, что определяет их тактическую пригодность только для определенных условий.

Объединение сходных по этому признаку форм и способов боевого применения войск связи в классы существенно облегчит задачу принятия тактического решения на всех уровнях. Это позволит разработать систему правил для ДЛ ОУ, по которым они бы выбирали тактические способы (приемы).

Данное обстоятельство определяет насущную необходимость проведения классификации форм и способов применения войск связи.

В соответствии с общими положениями и принятой терминологией теории классов применены понятия **класс**, **вид** и **род**[8]. **Класс** — конечная или бесконечная совокупность, выделенная по некоторому признаку. Предметы, образующие класс, называются элементами. Элементами класса тоже могут быть классы.

Если все элементы класса имеют общие свойства, то такой класс называется индивидуальным.

Вид — часть элементов рассматриваемого класса, обладающая всеми его свойствами, но имеющая свои специфические отличия. Для вида этот класс будет **родом**.

Предлагается естественная классификация, т. е. выбранные классификационные признаки устойчивы, отражают хотя бы одно существенное свойство элемента и имеют ясный физический смысл. Этот подход позволяет выявить закономерности связей между видами форм применения войск связи, закономерности их перехода от одного вида к другому и закономерности появления новых форм.

Способ боевого применения становится тактическим только в боевой обстановке, когда он применен к конкретным условиям, противопоставлен конкретному способу комплексного воздействия противника и, обеспечивая достижение целей этапа боевого применения, снижает эффективность этого воздействия. По этой же причине следует провести грань между формами боевого применения и тактическими формами.

Разработанная классификационная система форм и способов боевого применения войск связи представлена на рисунке 8.

Анализ руководящих документов по связи и исследований позволяет представить боевое применение войск связи в виде периодически повторяющихся циклов, включающих в себя период подготовки и период непосредственного боевого применения. В периоде подготовки выделяются два этапа: этап планирования; этап непосредственной подготовки.

Каждому этапу будет соответствовать определенная форма боевого применения войск связи, отличная по своему содержанию от соответствующих форм на другом этапе. Эти отличия определяются спецификой решаемых на каждом этапе задач, а значит, они объективны и устойчивы. Следовательно, этапы боевого применения могут служить в качестве классификаторов операционного назначения форм боевого применения войск связи (в смысле содержания выполняемых действий, ограниченных выполнением одной задачи) (см. рис. 8).

Каждый способ будет направлен на достижение одного или нескольких целевых свойств этапов боевого

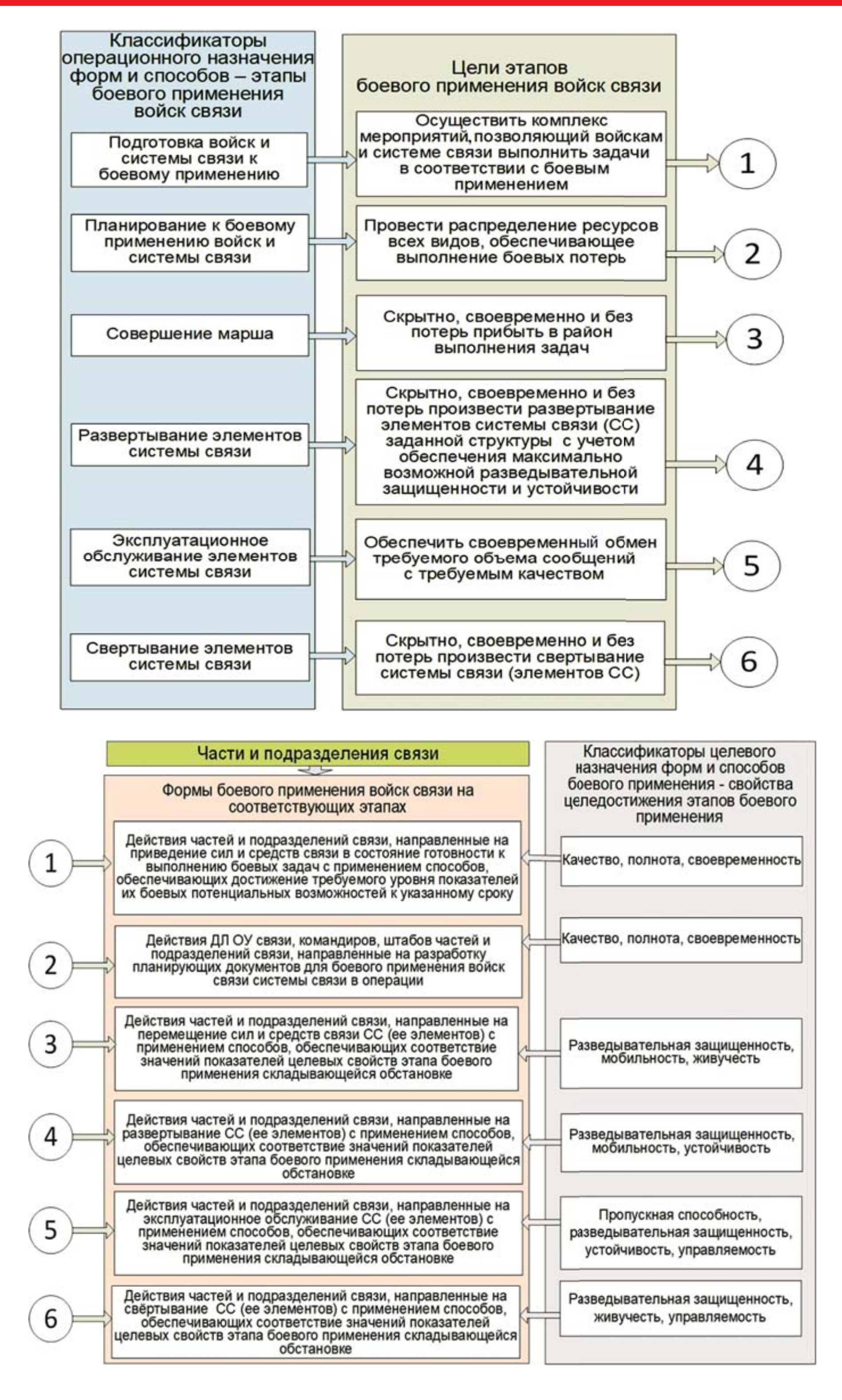

Рис. 8. Классификационная система форм и способов боевого применения войск

применения, которые вытекают из соответствующих задач и являются постоянной категорией.

У соединений, частей и подразделений связи различной специализации формы боевого применения будут различны.

Отличие форм боевого применения друг от друга будет также определяться иерархической принадлежностью формирования войск связи (соединение, часть, рота, взвод, экипаж). Перечисленные категории являются устойчивыми, так как закреплены нормативно-правовыми документами по связи. Это позволяет применить их в качестве классификаторов иерархической и специальной принадлежности форм боевого применения войск связи. Данные классификаторы будут являться видовыми, так как выделяемые ими формы и способы боевого применения будут обладать общими свойствами, но будут иметь отличия по масштабам и специфике выполняемых работ.

Разработанная классификационная система (см. рис. 4) является универсальной открытой системой, в которой заложены возможности развития и совершенствования. Она позволяет проследить механизм возникновения новых форм и способов боевого применения войск связи, а также условия деградации существующих и является условием, влияющим на разработки новых форм и способов боевого применения, к которым можно отнести: разработку новых этапов боевого применения; разработку новых штатных структур войск связи; появление новых целевых свойств этапов боевого применения или изменение существующих требований к значениям показателей существующих.

Формы и способы построения системы связи и применения войск связи в ходе СВО определяются характерными чертами ее ведения, к основным из них относятся:

• применение группировок войск (сил) в штате мирного времени;

• оказание явной и скрытой военно-технической помощи противоборствующей стороне развитыми в военно-техническом отношении государствами, объединенными в военно-политический союз;

• очаговый характер ведения боевых действий общевойсковыми формированиями на разобщенных направлениях;

• относительно статичное положение оперативных группировок войск и высокая мобильность тактических групп;

• отсутствие элементов оперативного оборудования района ведения боевых действий, значительное удаление баз материально-технического обеспечения действий группировки войск (сил);

• преимущественное ведение боевых действий в населенных пунктах либо в районе крупных объектов инфраструктуры;

• широкое распространение маневренных и диверсионных действий со стороны противника;

• угроза возникновения аварий и экологических катастроф на крупных промышленных объектах, находящихся в зоне вооруженного столкновения;

• стремление противоборствующих сторон решать оперативные и тактические задачи дальним огневым поражением, в основном артиллерийскими системами;

• широкое применение всеми сторонами технологически сложных комплексов вооружения, в том числе и БПЛА;

• существенное влияние на успех вооруженной борьбы ведения радиоэлектронной борьбы и противоборства в киберпространстве;

• создание и широкое применение тактических разведывательно-ударных систем (например, связка квадрокоптер и миномет);

• поражение объектов системы управления высокоточным оружием.

Формы и способы применения войск связи в операции прежде всего должны обеспечить реализацию принципа постоянной готовности системы связи к обмену всеми видами информации в установленные контрольные сроки.

Базовыми формами применения войск связи являются действия по развертыванию системы связи, боевое дежурство на узлах связи, информационно-обеспечивающие действия по обмену информацией и специальные действия по выполнению мероприятий видов обеспечения, прежде всего боевого.

Поскольку войска связи применяются в составе штата мирного времени при условии их комплектования военнослужащими контрактной службы, то способы применения войск связи определяются прежде всего ограниченным количеством личного состава.

Основным принципом формирования данных подразделений должен быть принцип модульности сил и средств, который позволяет применять подразделения связи в любых условиях и во всех звеньях управления. Для этого могут формироваться сводные группы связи. В составе сводной группы связи целесообразно создавать 4—5 маневренных групп, по своим возможностям соответствующих узлам связи командно-наблюдательных пунктов батальонных тактических групп. На основе 2—3 маневренных групп может развертываться узел связи пункта управления полка или ему равного воинского формирования. Маневренные группы должны оснащаться аэромобильными комплектами связи для быстрого развертывания направлений связи в интересах управления десантами, рейдовыми отрядами, разведывательными подразделениями и другими высокомобильными элементами боевого порядка (табл. 1).

Таблица 1

Действия по развертыванию УС

Способы действий	Пояснение
Форма применения: действия по развертыванию УС	
Рассредоточенный	ПУ разбивается на модули, в состав которых включаются УС (группы связи). Модули осуществляют информационное взаимодействие между собой и получают доступ к транспортной сети связи через ЗУС
Сосредоточенный	Развертывается в тыловых районах
Минимального использования средств и сил связи	Для развертывания УС используется минимально достаточный набор средств связи

В условиях возрастания возможностей разведки и средств поражения противника одной из наиболее эффективных мер, позволяющих существенно снизить вероятность нанесения удара противником по ПУ, является своевременное совершение маневра.

При реализации новых способов высокая пропускная способность обеспечивается не путем увеличения пропускных способностей отдельных линий связи, а путем создания широко разветвленной и многосвязной сети связи, предоставляющей весь комплекс услуг связи на основе пакетной коммутации с реализацией динамической маршрутизации (табл. 2—3).

Таблица 2

Действия по развертыванию транспортной сети связи

Способы действий	Пояснение
Форма применения: действия по развертыванию транспортной сети связи	
Последовательный и поэтапный	Развертывание осуществляется от развертывания УС ПУ ТЗУ до УС ПУ ОЗУ с последующим развертыванием ТрСС. Определяются этапы развертывания и их сроки
Параллельный	При ограниченных сроках на подготовку операции. Осуществляется развертывание ТрСС в составе всех элементов и подсистем одновременно во всех звеньях управления
Направленческий	Применения сил и средств линейных подразделений при построении ТрСС на отдельном направлении
Зональный	Развертывание устойчивых зон связи в районах с высокой плотностью войск
Комбинированный	Развертывания по звеньям управления или по элементам ТрСС

Таблица 3

Действия по развертыванию сети связи общего пользования

Способы действий	Пояснение
Форма применения: действия по развертыванию сети связи общего пользования	
Линейный	Развертывание линий связи на отдельных НС (к отдельным элементам оперативного построения, выполняющим наиболее важные задачи)
Зональный	Развертывание полевых зональных узлов связи (ВУС, РП) в определенной полосе (зоне) боевых действий
Комбинированный	Предполагает одновременную реализацию первого и второго способов (их сочетание). Способ обеспечивает централизованное управление развертыванием и функционированием транспортной сети связи

Для обеспечения высокой доступности системы связи разработаны и активно применяются способы применения ретрансляторов наземного, воздушного и космического базирования, а также их комплексирования для увеличения дальности связи и охвата связью всей территории ведения боевых действий (табл. 4).

Таблица 4

Действия по развертыванию линий связи

Способы действий	Пояснение
Форма применения: действия по развертыванию линий связи	
Без ретрансляторов	Развертывание линий связи без применения ретрансляторов
С ретрансляторами связи на наземных объектах	Развертывание линий связи с использованием ретрансляторов связи, установленных на наземных объектах (мачтах, вышках сотовой связи и т. д.)

Продолжение таблицы 4

Способы действий	Пояснение
Форма применения: действия по развертыванию линий связи	
С ретрансляторами связи на летно-подъемных средствах	Развертывание ретрансляторов на летно-подъемных средствах (СУРТ, БПЛА)
С использованием ресурсов операторов связи	В качестве вставок на линии связи используется ресурс операторов связи

Еще один способ, доказавший свою эффективность, получил широкое распространение. Это способ построения сети радиосвязи на основе территориально разнесенных радиосетей, организованных на радиостанциях малой мощности шестого поколения, через стационарный или полевой открытый сегмент сети передачи данных. Данный способ предполагает развертывание зон радиосвязи на маломощных радиостанциях с последующим их объединением с помощью сетевых шлюзов в единую комплексную систему радиосвязи с обменом данными по *IP*-протоколу, что позволяет обеспечивать бесшовную дальность связи, намного превышающую нормативную. Фактически при реализации данного способа построения маломощные радиостанции становятся средствами связи оперативного значения (табл. 5).

Таблица 5

Действия по развертыванию зональных узлов связи

Способы действий	Пояснение
Форма применения: действия по развертыванию зональных УС и ретрансляционных пунктов	
Типовой	ЗУС завертываются с использованием штатных сил и средств связи линейных подразделений
Универсальный (несистемный)	Развертывание ЗУС осуществляется силами комплексных мобильных команд с использованием каналообразующего оборудования двойного назначения (БШПД, волоконно-оптических средств и т. д.) на основе несистемных решений в зависимости от наличия средств связи и условий в районе операции

Важнейшее значение приобретают детальный учет и грамотное использование физико-географических условий района выполнения задач. В условиях, когда существенно увеличилась дальность ведения видовой разведки, в том числе и с использованием БПЛА, перемещение колонами на автомобильной технике создает серьезные угрозы срыва выполнения боевой задачи. В район выполнения задач комплексы связи должны прибывать скрытно, под легендой гражданских либо гуманитарных объектов.

В условиях зачастую не высокого уровня подготовки специалистов связи широкое применение находят мобильные команды высококлассных специалистов.

Важное значение при ведении боевых действий имеют специальные действия по разведке связи в целях определения возможности использования местных телекоммуникационных систем и трофейных средств связи.

В современных условиях особое внимание уделяется выучке войск связи, подготовленности команди-

ров подразделений связи к решению внезапно возникающих нестандартных задач.

Очевидна и обратная связь этих явлений, а также ситуации, когда разработанные штатные структуры повлекут за собой появление новых этапов боевого применения и изменение (сокращение или увеличение) состава целевых свойств существующих принципов построения системы связи.

Заслуживает внимания предложенный подход к оценке и определению количественной градации классов способов развертывания элементов системы связи по показателям избыточности и разведзащищенности, а также классов качества связи на этапе эксплуатационного обслуживания. Он сводится к выработке ряда правил построения структуры системы связи, привязки к ним количественных значений показателей существенных свойств и определению условий, которым они соответствуют.

Применение подразделений технического обеспечения связью и АСУ в ходе СВО показало необходимость разработки и внедрения новых форм и способов их применения (табл. 6—8).

Таблица 6

Действия по техническому обеспечению

Способы действий	Пояснение
Форма применения: действия по техническому обеспечению	
Эшелонирование	Часть сил и средств в интересах войск, действующих на главном направлении, и в интересах войск, действующих на других направлениях, часть сил в интересах всех войск группировки
Восстановление техники связи в местах выхода из строя	При реализации данного способа применяются выездные ремонтные бригады
Восстановление техники связи на ППТО	Применяется при необходимости проведения сложных видов ремонта

Таблица 7

Действия подразделений по восстановлению элементов системы связи

Способы действий	Пояснение
Форма применения: действия подразделений по восстановлению элементов системы связи	
Использование резервных сетей и линий связи	Данный способ реализуется в первую очередь применением эксплуатационных резервов, имеющихся у командиров воинских формирований связи, а во вторую — резервов, выделенных в распоряжение НС
Использование ресурса операторов связи	Данный способ характерен для восстановления связи с использованием ресурса операторов связи с использованием средств связи двойного назначения
Силами и средствами начальника связи вышестоящего штаба	Данный способ характерен для восстановления элементов системы связи после нанесения им поражения и при отсутствии линейных и узловых резервов
Маневр силами и средствами на узлах связи	Замена неисправной каналообразующей, коммутационной и оконечной аппаратуры на резервную, ее перераспределение за счет изменения способов использования, пополнение состава дежурных смен и экипажей
Локального восстановления	Данный способ характерен для восстановления линий связи. Применение вставок на поврежденных участках линий или новых линий на отдельных направлениях

Таблица 8

Действия по восстановлению боеспособности формирований связи

Способы действий	Пояснение
Форма применения: действия по восстановлению боеспособности формирований связи	
Проведение аварийно-спасательных работ	Применение сил и средств отрядов (команд) ликвидации последствий, в ходе спасательных и восстановительных работ
Оказание медицинской помощи личному составу	Оказание медицинской помощи, проведение реабилитационных мероприятий
Устранение повреждений техники связи	Восстановление средств и техники связи с применением ремонтных подразделений
Пополнение личным составом и техникой связи	Применяются резервы начальника связи и командиров соединений и воинских частей связи

При разработке перспективных форм и способов боевого применения войск связи следует выявлять как положительные, так и отрицательные их стороны, а также конкретные оперативные условия, в которых они будут наиболее эффективны (тактически пригодны).

Оценку тактической пригодности способов боевого применения войск связи следует определять по степени соответствия численных значений реальных боевых возможностей потенциальным. Следовательно, соответствующую оценку следует проводить с учетом показателей, отражающих механизм возможного снижения их численных значений.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что тактика войск связи, формы и способы применения подразделений связи в настоящее время проходят стадию своего становления. После их окончательного формирования можно с уверенностью полагать, что разработанные теоретические основы станут существенной опорой для развития практики применения системы и подразделений связи.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Общая тактика: учебник / Ю.Б. Байрамуков [и др.]; под общ. ред. Ю.Б. Торгованова. 2-е изд., испр. и доп. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 346 с.

[2] *Иванов В.Г.* Модель технической основы системы управления специального назначения в едином информационном пространстве на основе конвергентной инфраструктуры системы связи: монография. СПбПУ. СПб., 2018. 214 с.

[3] *Иванов В.Г., Панихидников С.А.* Теория и практика построения технической основы системы управления специального назначения: монография. СПбГУТ. СПб., 2016. 184 с.

[4] *Воробьев И.Г., Романов В.М.* Развитие форм и способов построения системы связи тактического звена управления // Военная Мысль. 2022. № 6. С. 61—70.

[5] *Иванов В.Г.* Модель технической основы системы управления…

[6] Там же.

[7] *Воробьев И.Г., Романов В.М.* Развитие форм и способов построения системы связи тактического звена управления.

[8] *Иванов В.Г.* Модель технической основы системы управления…

Основные факторы, влиявшие на тактику танковых соединений и частей в обороне в 1980-е — начале 1990-х годов

Подполковник запаса О.В. АНТИПЕНКО

АННОТАЦИЯ

Анализируются основные изменения в тактике ведения обороны танковыми соединениями и частями, происходившие в 1980-е — начале 1990-х годов под влиянием таких факторов, как совершенствование вооружения и военной техники, развитие организационно-штатных структур воинских формирований, внедрение потенциальным противником новых форм и способов ведения наступления и др. Раскрываются некоторые аспекты воздействия аналогичных факторов на развитие тактики оборонительного боя в современных условиях.

ABSTRACT

The paper analyzes the main changes in the tactics of defensive combat of armored formations and units that took place in the 1980s and early 1990s under the influence of such factors as the improvement of armaments and military equipment, the development of organizational and staff structures of military formations, the introduction by the potential enemy of new forms and methods of conducting offensive operations, etc. The paper reveals some aspects of the influence of similar factors on the development of defensive combat tactics in modern conditions.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Танковые соединения и части, развитие вооружения и военной техники, организационно-штатная структура, взгляды потенциального противника, доктринальные положения.

KEYWORDS

Armored formations and units, development of weapons and military equipment, organizational structure, views of potential adversaries, doctrinal provisions.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ (ВС) России в настоящее время находятся на весьма сложном этапе своего развития, обусловленном проведением специальной военной операции на Украине. В этих условиях особое значение приобрели вопросы совершенствования построения и способов ведения тактической обороны. При этом резко возросшие боевые возможности войск (особенно развитых государств), их насыщение новыми средствами вооруженной борьбы создали объективные предпосылки для поиска новых подходов к развитию тактики оборонительного боя.

Чтобы найти и обосновать наиболее эффективные способы достижения устойчивости и активности обороны в современных военных конфликтах, важно учитывать взгляды и практический опыт предыдущих лет, в том числе последних десятилетий развития советского военного

искусства. В те годы в военной теории произошел переход от парадигмы массового применения ядерного оружия к разработке способов боевых действий с использованием лишь обычного оружия и высокоточных средств поражения.

При изыскании новых способов ведения обороны следует учитывать, что тактика — составная часть военного искусства, которая наиболее динамично реагирует на изменения материальной основы вооруженной борьбы. Анализ исторического опыта применения танковых соединений и частей на пороге внедрения качественно новых видов оружия поможет, на наш взгляд, извлечь необходимые исторические уроки и не допустить прежних ошибок.

Как показали исследования, **на развитие тактики танковых соединений и частей в обороне в 1980-е — начале 1990-х годов влияли в основном такие факторы, как совершенствование вооружения и военной техники (ВВТ), преобразования организационно-штатной структуры воинских формирований, возрастание боевых возможностей потенциального противника и изменения его взглядов на организацию и ведение наступления**. Под воздействием данных факторов происходило формирование нового характера оборонительного боя танковых соединений и частей, уточнялись и обновлялись принципы и способы его ведения.

Во второй половине 1980-х годов советская военная доктрина была подчинена главной задаче — недопущению войны, как ядерной, так и обычной, и защите страны в случае агрессии. Принципиальная идея заключалась в том, что государства — участники Варшавского договора никогда не должны быть инициаторами военных действий, а Советский Союз ни в коем случае не применит первым ядерное оружие. Главной военно-политической задачей руководства СССР стало поддержание обороноспособности страны на уровне необходимой оборонной достаточности.

В связи с коренным пересмотром доктринальных взглядов и массовым внедрением в ВС стран НАТО высокоточного оружия (ВТО) в 1980-е годы возникла необходимость существенного пересмотра отечественной военной теории. **В числе важнейших задач оказалась выработка новых подходов к организации и ведению обороны для гарантированного отражения агрессии любого потенциального противника.** Роль данного вида боевых действий значительно возросла по сравнению с наступлением, особенно в начальный период войны. Так, министр обороны СССР генерал армии Д.Т. Язов в декабре 1987 года отмечал недостаточное внимание к обороне как к виду боевых действий и подчеркивал необходимость отрабатывать в ходе учений вопросы организации и ведения обороны в полном объеме[1]. С распадом Варшавского договора и Советского Союза данная проблема стала еще более актуальной.

К началу 1990-х годов ядерное оружие, несмотря на предпринимаемые усилия по контролю за ним и ограничению его количества в ядерных державах, продолжало оставаться наиболее мощным средством поражения. В этих условиях тактическое ядерное оружие развивалось по пути совершенствования боеприпасов с задаваемыми поражающими факторами. Его внедрение влияло на основные черты оборонительного боя, в частности, придавало ему очаговый характер, предъявляло повышенные требования к самостоятельности танковых соединений и частей и обеспечению их защищенности.

Вследствие возросшей вероятности ведения боевых действий только с использованием обычных средств

поражения в Советской Армии планировалось применение в обороне ракетных систем в качестве ВТО, в том числе в составе разведывательно-ударных комплексов (РУК). Для этих целей в конце 1980-х годов на вооружение принят тактический ракетный комплекс «Точка-У»[2] (рис. 1) с дальностью пуска до 120 км.

Также повышалось значение артиллерии как важного средства огневого поражения. В 1980-х годах советское военное руководство пришло к выводу, что общевойсковые соединения Сухопутных войск (СВ) необходимо оснащать самоходными артиллерийскими установками (САУ) в основном одного калибра — 152 мм. Базовой артиллерийской системой в полках намечалось иметь 152-мм самоходную гаубицу «Акация», а в дивизиях — 152-мм новейшую на то время САУ «Мста-С», принятую на вооружение в 1989 году, и 122-мм реактивную систему залпового огня (РСЗО) БМ-21 «Град»[3] (рис. 2).

Рис. 1. Тактический ракетный комплекс «Точка-У»

Рис. 2. РСЗО БМ-21 «Град» на огневой позиции

Совершенствование РСЗО в тот период шло по пути создания снарядов с кассетной боевой частью, снаряженной самонаводящимися боевыми элементами осколочного и кумулятивного типа, что позволяло наиболее эффективно их применять при ведении оборонительного боя.

Особенностью огневого поражения наступающего противника в 1990-е годы стал переход от методов «площадного» подавления объектов к нанесению прицельных ударов практически по каждому из них. Это было обусловлено возросшей точностью ведения огня благодаря созданию РУК, разведывательно-огневых комплексов (РОК) и появлению высокоточных боеприпасов типа «Краснополь». Возрастание возможностей артиллерии танковых соединений и частей оказало существенное влияние на эффективность огневого поражения противника в обороне путем ее участия в нанесении ответного (ответно-встречного) и последующих массированных огневых ударов.

Развитие отечественных противотанковых средств в рассматриваемый период шло по пути увеличения дальности поражения и бронепробиваемости, повышения их маневренности, возможностей по ведению огня в условиях ограниченной видимости за счет использования радиолокационных и тепловизионных прицельных комплексов.

На вооружение танковых и мотострелковых частей поступали противотанковые ракетные комплексы «Фагот», «Флейта», «Метис», которые применялись как с боевых машин, так и с переносных пусковых установок. Принятие на вооружение самодвижущейся 125-мм противотанковой пушки «Спрут-Б» также позволило увеличить боевые возможности танковых соединений по борьбе с бронеобъектами противника.

Поскольку ударная авиация потенциального противника получила возможность наносить поражение обороняющимся войскам без вхождения в зону действия их зенитных ракетных комплексов (ЗРК), потребовались новые решения в организации противовоздушной обороны (ПВО) дивизии (полка). Для этого принятые на вооружение зенитный пушечно-ракетный комплекс «Тунгуска-М» (рис. 3), ЗРК «Тор» и «Тор-М1» в ходе развития системы вооружения войсковой ПВО интегрировались в единые системы зенитных ракетных и радиолокационных комплексов оперативного и тактического звена.

Рис. 3. Зенитный пушечно-ракетный комплекс «Тунгуска-М»

Во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов приняты на вооружение танки Т-64БВ, Т-72БА, Т-80БВ, Т-80У, Т-90 (рис. 4), которые могли вести огонь противотанковыми управляемыми ракетами, оснащались комплексом динамической защиты и имели усиленную броню. Кроме того, в конструкции танка Т-90 были реализованы некоторые новые технические решения, в частности, появились комплекс оптико-электронного подавления и тепловизионный прицел, стало возможным дистанционное управление зенитным пулеметом с места командира и др.

Рис. 4. Танк Т-90

Также в танковые соединения и части с 1987 года начали поступать боевые машины пехоты БМП-3, которые отличались более высокой огневой мощью по сравнению с БМП-2, поскольку оснащались 100-мм орудием-пусковой установкой, 30-мм автоматической пушкой и комплексом управляемого ракетного вооружения.

Хорошими темпами развивалась в рассматриваемый период армейская авиация СВ. В конце 1980-х годов завершились испытания вертолетов нового поколения Ми-28 и Ка-50 «Черная акула» (рис. 5), а в начале 1990-х — Ка-52 «Аллигатор» и Ка-60 «Касатка». Применение данных вертолетов в интересах танковых соединений и частей существенно повысило их возможности по уничтожению бронеобъектов, ведению разведки, корректированию огня, управлению войсками и радиоэлектронному подавлению систем управления наступающего противника.

Рис. 5. Вертолет огневой поддержки Ка-50 «Черная акула»

Эффективность ведения соединениями и частями боевых действий и применения ВВТ находится в прямой зависимости от устойчивости систем управления. В связи с этим в 1980-е годы получили дальнейшее развитие средства радиоэлектронной борьбы (РЭБ). С одной стороны, это повысило возможности обороняющихся соединений по дезорганизации управления войсками и оружием противника, а с другой — усложнило управление своими частями и подразделениями в условиях радиопомех, что требовало изыскания и внедрения эффективных способов действий в условиях ведения РЭБ.

В 1980-е — начале 1990-х годов значительно возросли возможности инженерных частей и подразделений по нанесению противнику потерь, что во многом обусловливалось появлением средств дистанционного минирования, а также совершенствованием заграждений, в том числе земляных и минно-взрывных. Важным шагом в вопросе инженерного оборудования полосы (участка) обороны танковых соединений и частей стала установка на танках оборудования для самоокапывания типа «Крот», что позволило существенно сократить сроки подготовки их огневых позиций.

В целом **развитие ВВТ для танковых войск в исследуемый период шло по следующим основным направлениям**:

- объединение боевых и обеспечивающих средств различного базирования в многофункциональные системы и комплексы;
- увеличение досягаемости, точности и эффективности действия боеприпасов, а также огневой производительности средств поражения;
- повышение гибкости боевого применения, мобильности, живучести, надежности, автономности, помехозащищенности образцов ВВТ, снижение их демаскирующих признаков, универсализация и унификация.

Перспективные направления совершенствования организационно-штатных структур танковых соединений и частей в рассматриваемый период определялись исходя из требований советской военной доктрины, имевшей оборонительную направленность, и необходимости ведения боевых действий как с применением, так и без применения ядерного оружия.

В конце 1980-х годов поиски оптимальной организации танковых дивизий привели к разработке для них двух штатов — оборонительной направленности и усиленного состава. Но уже в начале 1990-х годов пришли к заключению о нерациональности создания соединений, приспособленных лишь к одному виду боевых действий, и целесообразности перехода на бригадную систему организации войск.

В этом направлении уже начинали предприниматься конкретные шаги, однако ряд военных ученых выступили с критикой их поспешности, поскольку фактически отсутствовали глубокие научные обоснования. Возникли трудности с определением задач, возлагаемых на новые формирования в ходе ведения боевых действий, а также с организацией их всестороннего обеспечения. В конечном итоге данный процесс приостановили, и в качестве основного тактического соединения СВ были сохранены дивизии, хотя при этом и от уже созданных бригад не отказались[4].

Несмотря на серьезные трудности в вопросах финансирования ВС, в 1990-е годы предпринимались определенные шаги по совершенствованию организации танковых соединений и частей. Поступление новых образцов ВВТ повышало их боевые возможности и неизбежно вызывало необходимость оптимизации организационно-штатных струк-

тур. Так, вместо артиллерийских полков в штат некоторых танковых дивизий предусматривалось ввести самоходный артиллерийский полк и отдельный батальон РЭБ, а в состав танковых полков — самоходные артиллерийские, противотанковые и зенитные дивизионы.

Кроме того, в отношении танковых соединений и частей предполагалось реализовать требование, в соответствии с которым они еще в мирное время должны быть полностью укомплектованы личным составом, ВВТ, материальными средствами и готовы к немедленному выполнению любых поставленных задач. Однако намеченные преобразования не были в полной мере реализованы в связи с экономическим кризисом в стране, изменения ограничились изъятием из состава соединений вертолетной эскадрильи и отдельного ракетного дивизиона.

Планировавшееся совершенствование организационно-штатных структур танковых соединений и частей было направлено на повышение их боевых возможностей для ведение высокоманевренных, эффективных оборонительных действий с наземным и воздушным противником в условиях применения любых видов оружия, в том числе и новейших, поступавших на оснащение ВС стран НАТО.

Существенное влияние на тактику ведения оборонительного боя танковыми соединениями и частями в рассматриваемый период оказали изменения взглядов потенциального противника на ведение наступления, обусловленные возросшими боевыми возможностями ВС стран НАТО. Стремясь наиболее эффективно использовать новейшие вооружения, военные специалисты США и их союзников в 80-е годы прошлого века пришли к выводу о перспективности огневого поражения группировок обороняющегося противника на всю глубину его оперативного построения в качестве основного способа разгрома[5].

На основе этой идеи в США была разработана ***концепция воздушно-наземной операции***. Ее основные положения вошли в Полевой устав армии США FM 100-5 1982 года[6]. В основу данной концепции положено требование глубокого поражения противника, которое должно осуществляться с целью задержать или остановить его вторые и последующие эшелоны, изолировать район боевых действий и разгромить разобщенные группировки по частям. При этом считалось возможным применение первыми ядерного и химического оружия.

В декабре 1982 года, развивая концепцию воздушно-наземной операции, комитет планирования НАТО одобрил ***концепцию борьбы со вторыми эшелонами*** в качестве общей основы для оперативной и боевой подготовки ВС стран альянса[7]. Ее суть заключалась в объединении двух таких понятий, как «пространственное поле сражения», предусматривающее поражение войск противника на всю глубину оперативного построения, и «интегрированное поле сражения», под которым понимались боевые действия с участием всех родов войск, использующих различные виды оружия, не исключая тактическое ядерное и химическое. Основу ударных группировок СВ США и НАТО составляли бронетанковые формирования, обладающие большой ударной и огневой мощью, надежной защитой и высокой проходимостью вне дорог.

Определенные изменения в эти годы произошли и в оперативном построении армейского корпуса ВС США и других стран НАТО. Обязательными элементами становятся второй эшелон и аэромобильный десант, появляются также оперативная

подвижная группа, корпусной РУК, группировка корпусной армейской авиации. Войска прикрытия, выделяемые при ведении наступления, становятся самостоятельным элементом оперативного построения.

В 1990-е годы на основе опыта применения ВС США в зоне Персидского залива и в других военных конфликтах концепция воздушно-наземной операции получила дальнейшее развитие. Так, **несколько изменилось содержание боевых действий за счет повышения мобильности войск, возрастания роли маневра и охвата по воздуху, которым отдавался приоритет даже перед огневым поражением**. Для охвата по воздуху предполагалось широко применять аэромобильные и воздушные десанты, в том числе и в составе общевойсковых формирований, а для борьбы со вторыми эшелонами — рейдовые вертолетные отряды и аэромобильные подразделения[8].

В тот период в ВС США и их союзников произошло значительное наращивание обычных средств поражения, прежде всего за счет широкого оснащения войск ВТО. **Западные военные специалисты полагали, что массовое внедрение новых видов ВТО позволит наносить противнику ущерб, сопоставимый с ударами тактическим ядерным оружием[9].** Разрабатывались и внедрялись перспективные приемы и способы применения обычных средств поражения, в частности, такие как выборочные удары ВТО, радиоэлектронные, электронно-огневые удары и др. Ядерное оружие предполагалось задействовать лишь в качестве крайнего средства.

Основным способом разгрома обороняющегося противника армиями США и их союзников по НАТО при ведении наступления в начале 90-х годов прошлого столетия стало одновременное глубокое огневое поражение его первых и вторых эшелонов с последовательным нанесением по ним ударов войсками[10]. При этом цели наступления предусматривалось достигать не столько посредством физического уничтожения противостоящего противника, сколько путем подавления его воли к сопротивлению.

Ширина полосы наступления объединений и соединений, а также глубина их боевых задач несколько увеличились по сравнению с взглядами американского командования в 1980-е годы. Так, полоса наступления армейского корпуса стала составлять 80 км и более, а механизированной (бронетанковой) дивизии — 20—40 км. Это было обусловлено в первую очередь увеличением их возможностей по нанесению огневого поражения обороняющемуся противнику.

Применение оперативно-тактической авиации в интересах наступающих войск командованием НАТО в 1990-е годы рассматривалось как дополнительная их огневая поддержка. В ходе нанесения авиационных

Существенное влияние на тактику ведения оборонительного боя танковыми соединениями и частями в рассматриваемый период оказали изменения взглядов потенциального противника на ведение наступления, обусловленные возросшими боевыми возможностями вооруженных сил стран НАТО. Стремясь наиболее эффективно использовать новейшие вооружения, военные специалисты США и их союзников в 1980-е годы пришли к выводу о перспективности огневого поражения группировок обороняющегося противника на всю глубину его оперативного построения в качестве основного способа разгрома.

ударов основное внимание уделялось уничтожению бронированных целей, взводных и ротных опорных пунктов, позиций ракетных войск и артиллерии, пунктов управления и живой силы на поле боя на глубину до 80 км в интересах армейского корпуса и до 30 км — в интересах дивизии. Корпусу для непосредственной авиационной поддержки планировалось выделять до 300—400 самолетовылетов в сутки, а дивизии — 80—120.

Большое значение в ходе ведения наступательной операции потенциальный противник придавал изоляции района боевых действий. При этом глубина изоляции в интересах дивизии первого эшелона составляла от 30 до 100 км, а корпуса — 100—300 км.

На основе изложенного можно констатировать, что в 1990-е годы взгляды руководства ВС США и их союзников по НАТО на наступление объединений и соединений получили существенное дальнейшее развитие. Основными тенденциями изменений стали увеличение ширины полосы наступления и глубины боевых задач, насыщение боевых порядков танками, расширение количества мобильных компонентов, переход от последовательного к одновременному поражению обороняющихся войск на всю глубину их оперативного построения, возрастание роли маневра и охвата по воздуху.

Данные тенденции обусловили необходимость совершенствования тактики оборонительного боя танковых соединений и частей ВС России.

Прежде всего пересмотру подлежали сложившиеся взгляды на виды обороны и их взаимосвязь с наступлением. В зависимости от боевой задачи, наличия сил и средств, а также от характера местности было признано целесообразным деление обороны на позиционную и маневренную. Оборона важнейших рубежей (объектов) вновь приобретала позиционный характер, а в качестве основного требования, предъявляемого к ней, все чаще стали выдвигать необходимость обеспечения ее непреодолимости.

Наряду с этим в связи с возросшей наземно-воздушной мобильностью наступающих группировок ВС стран НАТО от соединений и частей в обороне требовалось практически незамедлительно наносить противнику предварительное радиоэлектронное и огневое поражение не только в ближней зоне, но и на дальних подступах. **Важное внимание также уделялось реализации эффективных мер по защите войск от ВТО и средств радиоэлектронного подавления противника, их своевременному выявлению и немедленному уничтожению.**

Основные требования к оборонительному бою танковых соединений и частей во многом определялись развитием теории оборонительной операции. Ключевым из данных требований оставалась необходимость обеспечения устойчивости и активности обороны в условиях мощного огневого и радиоэлектронного воздействия противника, значительного его превосходства в силах и средствах и массового применения десантно-диверсионных сил.

При изыскании путей достижения устойчивости и активности обороны особое внимание уделялось подготовке частей и подразделений к длительному ведению боевых действий, в том числе в условиях изоляции, и необходимости проявления упорства в бою. Вместе с тем нанесение по наступающему противнику эффективных ядерных ударов перестало считаться важным условием достижения устойчивости и активности обороны танковых дивизий.

По мнению отечественных военных специалистов, **в 1990-е годы оборонительному бою стали присущи следующие характерные черты**:

• решительность целей;

• высокая напряженность и динамичность боевых действий, их воздушно-наземный характер;

• одновременное мощное огневое воздействие на всю глубину построения боевых порядков сторон с применением ВТО;

• многообразие способов выполнения боевых задач;

• постоянная готовность к быстрому переходу в контрнаступление;

• сложная радиоэлектронная обстановка.

Танковые соединения и части планировалось применять в обороне преимущественно на главных направлениях и в основном в составе вторых эшелонов и резервов для нанесения контрударов (проведения контратак) и разгрома вклинившегося противника, а при выделении в состав первых эшелонов — для повышения устойчивости и активности обороны. Наряду с этим они могли обороняться и на отдельном направлении.

Переходить к обороне танковые соединения и части могли как преднамеренно, так и вынужденно, занимать ее заблаговременно, еще до начала войны, или в ходе военных действий, находясь в непосредственном соприкосновении с противником или при отсутствии такового (рис. 6).

В ходе ведения маневренной обороны танковым дивизиям требовалось вынуждать противника наступать в направлении, где подготовлена устойчивая позиционная оборона, или вовлекать в район, обеспечивающий выгодные условия для его огневого поражения и последующего разгрома.

Широкая универсальность танковых соединений и частей позволяла им в короткие сроки менять огневые позиции, опорные пункты и районы

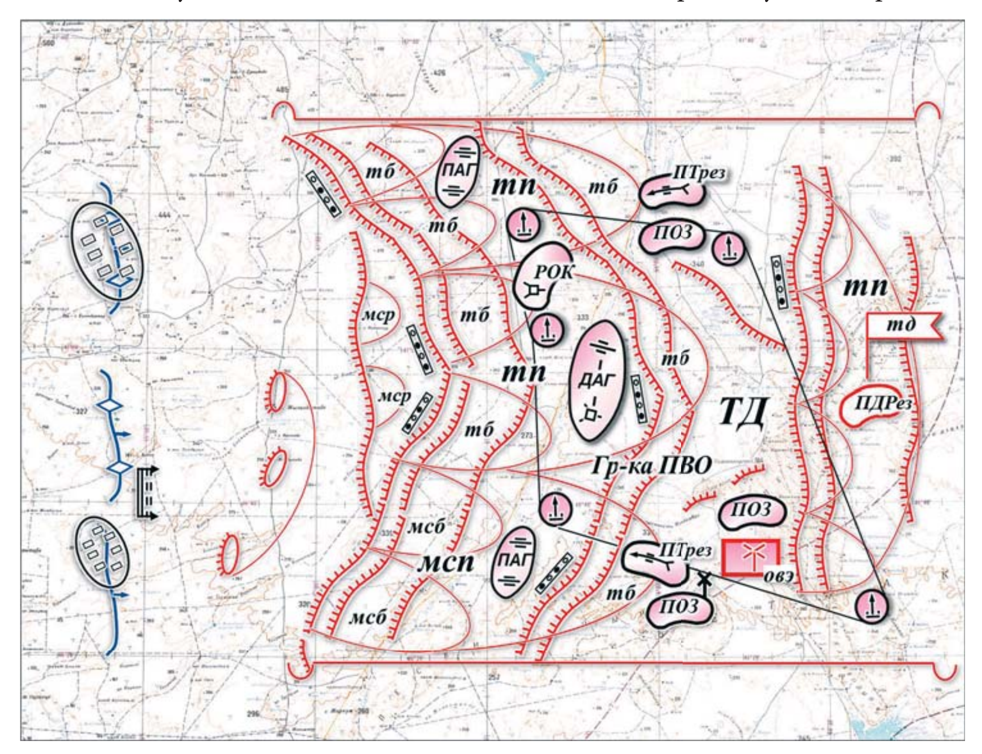

Рис. 6. Боевой порядок танковой дивизии в обороне при отсутствии непосредственного соприкосновения с противником (вариант)

обороны, наносить поражение противнику с огневых рубежей, проводить контратаки, упорно удерживать выгодные рубежи и районы, одинаково успешно вести позиционную и маневренную оборону, придавая ей устойчивый и маневренный характер.

Умелое использование результатов ударов авиации, РОК, огня артиллерии и других средств поражения, широкое применение тактических воздушных десантов позволяли танковой дивизии сосредоточивать или переносить основные усилия на необходимое направлении в нужное время даже из положения рассредоточения. Перемены, произошедшие в содержании оборонительного боя танковых соединений и частей, сделали его по своему характеру общевойсковым, а по значимости для разгрома противника — равным наступлению.

Таким образом, **взгляды отечественных военных ученых и руководства ВС на роль и место оборонительных действий в общей системе вооруженной борьбы в рассматриваемый исторический промежуток изменились — от повышения значения оборонительных действий в начале 1980-х годов до признания обороны важнейшим и наиболее распространенным видом боя в начале войны в конце 1980-х — начале 1990-х годов**. В характере обороны возросло значение мощного, одновременного, глубокого огневого поражения противника до уровня основного условия достижения успеха.

Основными факторами, предопределившими изменение официальных взглядов на построение и ведение обороны танковыми соединениями и частями в 1980-е — начале 1990-х годов, стали развитие ВВТ, совершенствование организационно-штатных структур соединений и частей, развитие взглядов потенциального противника на ведение наступления. Существенное влияние оказали также положения военной доктрины, определявшие роль и место оборонительных действий в общей системе вооруженной борьбы, требования оперативного искусства и тактики к обороне, исследование и обобщение опыта локальных войн, вооруженных конфликтов и учений.

Необходимо отметить, что и в современных условиях данные факторы продолжают воздействовать на развитие тактики оборонительного боя, но на новой основе, с учетом сегодняшних реалий, обусловленных дальнейшим развитием средств вооруженной борьбы, информационных технологий, военной науки, реализацией новаторских подходов к строительству, организации, комплектованию, подготовке и применению танковых войск, а также изменением взглядов потенциального противника на ведение наступления в современных и будущих военных конфликтах.

Так, в связи с оснащением войск все более эффективными системами ВТО, разработкой и созданием перспективных образцов лазерного, гиперзвукового оружия и робототехники, внедрением различного рода электронных устройств и информационных технологий происходят коренные преобразования в содержании и характере боевых действий. Извечное противоборство наступающей и обороняющейся сторон сейчас особенно обострилось.

В прошлом преимущество над противником достигалось в основном за счет создания высоких плотностей сил и средств на решающих направлениях. Однако теперь этот путь во многом исчерпал себя. **В современных условиях требуется обеспечивать не столько количественное, сколько качественное технологическое превосходство над противником путем формирования**

на поле боя сложного конгломерата новейших эффективных сил и средств, интегрированных в единую систему на основе внедрения искусственного интеллекта (ИИ).

Существенное увеличение элементов построения обороны усложняет порядок и способы ее подготовки и ведения, что диктует необходимость поставок в войска новейших автоматизированных систем управления, средств связи и обмена информацией, внедрения ИИ, повышения разнообразия сил и средств, участвующих в поражении противника, совершенствования компетенций, умений и навыков командиров частей и подразделений в организации обороны.

Кроме того, рост динамики и скоротечности боевых действий требует увеличения глубины воздействия по наступающему противнику, а также гибкости управления поражением его группировок, способности быстро переходить от централизованного к децентрализованному управлению войсками и оружием и обратно. При этом важно понимать, что надежность поражения противника достигается только комплексным применением различных огневых средств и других эффективных систем воздействия, а расширение круга задач и объектов, подлежащих уничтожению (подавлению), вызывает необходимость повышения боевой мощи танковых войск.

Наращивать боевую мощь танковых войск целесообразно, на наш взгляд, не столько увеличением боевых единиц, сколько введением в их состав подразделений, которые могут расширить сферы и возможности боевого применения соединений и частей. Данные подразделения следует оснащать образцами вооружения на новых физических принципах, которые способны создавать зоны сплошного лучевого и инфразвукового поражения, проникать в системы управления противника и выводить их из строя, а также робототехникой, беспилотными летательными аппаратами различного назначения, боевыми машинами поддержки танков, средствами дистанционного минирования и др.

Появление принципиально новых видов оружия всегда привлекает к себе внимание военных ученых и специалистов, которые нередко начинают абсолютизировать его роль. Следует однако иметь в виду, что роль перспективного оружия становится заметной только после широкого насыщения им войск и его освоения личным составом. При внедрении новых ВВТ необходимо использовать выработанные годами принципы организационного строительства в ходе формирования современных танковых соединений и частей, придавая им способность эффективно вести оборонительные действия против наземного и воздушного противника в условиях применения им любых инновационных видов оружия.

Наряду с этим с высокой долей уверенности можно предполагать, что **в военных конфликтах XXI века кульминационная фаза ведения обороны все больше будет смещаться на ее начальный этап**. Это обусловлено тем обстоятельством, что, если раньше исход борьбы с наступающим противником решался в результате непосредственного боевого соприкосновения, то сегодня существует реальная угроза значительных (до 50 % и более) потерь в силах и средствах еще до его перехода в атаку.

Все большее значение сейчас должно придаваться надежному обеспечению стыков и флангов, непрерывности поражения войск противника, а также реализации принципа личной ответственности командира соединения (части) за организацию обороны. Важно также правильно определять состав сил и средств, на-

значаемых от танковых частей и подразделений для выполнения конкретных боевых задач.

С учетом изложенного становится очевидно, что **при организации обороны в современных условиях необходимо в должной степени обеспечить живучесть своих сил и средств как до перехода противника в атаку, так и при ее отражении, его эффективное поражение, особенно на дальних подступах до начала ближнего боя, а также предусмотреть решительный и своевременный маневр огнем, силами и средствами на угрожаемые направления**.

В заключение следует отметить, что в 1980-е — начале 1990-х годов основным способом проверки теоретических положений по организации и ведению обороны являлась учебно-боевая практика. Однако некоторые инновационные подходы к развитию тактики оборонительного боя танковыми соединениями и частями не всегда представлялось возможным подтвердить, обосновать и внедрить из-за ограниченного количества крупных тактических учений и маневров по оборонительной тематике, в том числе опытных и исследовательских, по причине острого дефицита средств на данные цели. Тем не менее даже этот ограниченный опыт имел определенное значение для развития тактики танковых войск в обороне.

В настоящее время проблема совершенствования тактики ведения оборонительного боя танковыми соединениями и частями вновь выходит на первый план в деятельности военно-научных организаций, что прежде всего обусловлено опытом специальной военной операции на Украине. Для ее плодотворного решения важно не только досконально изучить и обобщить современный боевой опыт, но также использовать многие наработки предыдущих лет, в том числе представленные в настоящей статье, для изыскания наиболее эффективных приемов и способов применения танковых войск в обороне. Только такой многосторонний подход позволит, на наш взгляд, обеспечить дальнейшее оптимальное развитие тактики ведения оборонительных действий в современных и будущих военных конфликтах.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Приказ министра обороны СССР от 3 декабря 1987 г. № **230. М.: Воениздат, 1987. С. 36.

[2] *Кириллов А.В.* Развитие отечественной теории оборонительной операции общевойсковой армии (сентябрь 1945 — начало 90-х годов). Диссертация доктора исторических наук. М.: ВАФ, 2001. С. 70—71.

[3] *Квашнин А.В., Золотов Л.С., Виноградов В.А. и др.* Сухопутные войска России. История создания, становления и развития. М.: Воениздат, 2001. С. 478.

[4] Там же. С. 451, 516—517.

[5] Наступательная и оборонительная операции армейского корпуса США, проводимые по концепции «Воздушно-наземной операции (сражения)»: учеб. пособие. М.: ВАФ, 1985. С. 3.

[6] Вооруженные силы основных капиталистических государств. М.: Воениздат, 1988. С. 13.

[7] Наступательная операция группы армий и армейского корпуса по взглядам командования вооруженных сил зарубежных государств: учеб. пособие. М.: ВАФ, 1995. С. 9.

[8] *Греков Ю.П., Дорофеев Ю.В., Квашнин А.И. и др.* // Информационный сборник Сухопутных войск. 1991. № 1 (65). С. 3.

[9] Наступательная операция группы армий и армейского корпуса… С. 15.

[10] Там же.

Автоматизированные системы управления войсками: определение и классификация

Полковник запаса А.А. ПРОТАСОВ,
доктор военных наук

Полковник в отставке В.Н. КОЗИЧЕВ,
доктор технических наук

Полковник в отставке В.Н. КАРГИН,
кандидат технических наук

АННОТАЦИЯ

Приведены определения и классификация автоматизированных систем управления войсками (силами), сформулированные по результатам многолетней научной деятельности и полученного научно-практического опыта в ходе военно-научного сопровождения процессов создания автоматизированных систем в интересах автоматизации административно-управленческой деятельности должностных лиц органов управления и интегрируемых в автоматизированную систему управления Вооруженными Силами РФ.

ABSTRACT

The paper presents definitions and classification of automated control systems of troops (forces), formulated on the basis of results of long-term scientific activity and scientific and practical experience gained in the course of military-scientific support of the processes of creation of automated systems, created in the interest of automation of administrative and managerial activities of officials of management bodies and integrated into the automated control system of the Armed Forces of the Russian Federation.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Автоматизированные системы управления войсками, автоматизированные информационные системы, комплекс средств автоматизации.

KEYWORDS

Automated control systems of troops, automated information systems, automation complex.

СОВРЕМЕННЫЕ методы и способы ведения военных действий характеризуются резким увеличением объемов информации и знаний, используемых при управлении войсками (силами).

При этом ***управление*** включает следующие процессы[1,2]:

• определение целей управляемых объектов, способов их достижения, а также воздействие на управляемые объекты, необходимое для достижения намеченных целей и реализующееся путем сбора и анализа информации о состоянии объектов управления и условиях функционирования;

• планирование и принятие решений в соответствии со складывающейся обстановкой, постановка задач управляемым объектам;

• организация обеспечения выполнения и контроля исполнения поставленных задач.

При этом ***«объектами»**** в ходе административно-организационного управления, как правило, выступают организованные определенным образом коллективы специалистов, объединенных в органы управления, которые обладают необходимыми правами и несут ответственность за решение всех задач, стоящих перед управляемой системой. Иными словами, под органами управления понимается предусмотренный штатом или временно создаваемый коллектив должностных лиц, организационно объединенных для выполнения определенных функций по управлению войсками (силами), а также для решения задач обеспечения военной безопасности и обороны государства. Применительно к управлению Вооруженными Силами Российской Федерации (ВС РФ) органы управления содержат: органы военного управления (ОВУ), включающие центральные ОВУ, ОВУ видов, родов войск, военных округов, флотов, объединений ВС РФ; органы управления войсками, включающие органы управления соединений; органы управления войск, не входящих в виды и рода войск ВС РФ; органы управления воинских частей и организаций ВС РФ; органы управления других воинских формирований и органов.

Следует отметить, что в ходе решения задач административно-организационного управления необходимо рассматривать чрезвычайно большие объемы информации, нормативы и различные условия, многие из которых взаимозависимы, случайны и не поддаются строгому предварительному учету.

Данное обстоятельство привело к информационной перегрузке ряда органов управления, так как существующие способы и средства переработки информации в ходе административно-управленческой деятельности** должностных лиц перестали отвечать

* Различают два основных вида управления: управление, при котором объектами управления выступают технические средства, и управление, при котором объектами управления выступают люди, так называемый административно-организационный вид управления, которому посвящена данная статья.

** Под административно-управленческой деятельностью понимается деятельность должностных лиц органов управления, включающая информационно-расчетную, логико-аналитическую и распорядительную деятельность по управлению войсками (силами) в ходе подготовки и проведения операций (боевых действий).

потребностям практики. Выход из создавшегося положения заключается в согласовании объема и содержания передаваемых сведений с действительными потребностями тех лиц и организаций, которым они направляются, а также в необходимости производить более тщательный отбор информации и определять степень ее обобщения с учетом индивидуальных особенностей потребителей. Успешное решение задач управления возможно только с использованием соответствующих средств связи и ***специально разработанных автоматизированных систем административно-организационного управления, которые принято называть автоматизированными системами управления войсками (силами) (АСУ войсками (силами))***.

Основным предназначением АСУ войсками (силами) является обеспечение комплексной автоматизации всех или большинства основных функций органов управления, а именно[3,4]:

- сбора и анализа информации;
- планирования и принятия решений;
- доведения решений до исполнителей;
- контроля исполнения.

Комплексностью автоматизации вышеперечисленных функций органов управления автоматизированные системы управления отличаются от автономного использования технических средств (вычислительной техники, оргтехники, средств связи и т. д.), размещенных на объектах информатизации (объектах вычислительной техники), или автоматизации отдельных функций или задач управления (информационных, информационно-логических и информационно-расчетных систем, систем доведения команд и сигналов и т. д.). Кроме того, непременным условием комплексности автоматизации функций органов управления в АСУ войсками (силами) является обеспечение их интеграции в АСУ ВС РФ.

Необходимо отметить, что создание АСУ войсками (силами) в нашей стране осуществляется более 60 лет (начиная с 50-х годов прошлого века). При этом термины и определения в области автоматизированных систем в зависимости от целей их создания и применения неоднократно изменялись, а их смысловое содержание уточнялось. Данное обстоятельство значительно усложняло процессы разработки (модернизации) автоматизированных систем. Кроме того, в существующих нормативных и нормативно-правовых актах, регламентирующих различные аспекты деятельности ВС РФ, термины ***«автоматизированная система управления Вооруженными Силами Российской Федерации»*** и ***«автоматизированная система управления войсками (силами)»*** трактуются по-разному (приводятся с разными определениями), что существенно затрудняет процессы инфокоммуникационного общения должностных лиц органов управления в ходе административно-управленческой деятельности. Основной причиной сложившихся обстоятельств является отсутствие упорядоченной совокупности этих стандартизованных терминов и их определений в действующих документах стандартизации оборонной продукции.

Целью настоящей статьи является формулировка базовых терминов и их определений в области АСУ войсками (силами) в виде некой иерархической терминологической подсистемы для их применения во всех видах документации и литературы, входящих в сферу применения работ по стандартизации и использующих результаты этих работ при их создании.

Необходимо отметить, что основой терминов и их определений в области АСУ войсками (силами) яв-

ляется понятие «***автоматизированная система***», приведенное в ГОСТ 34.003–90[5] и включающее «персонал и комплекс средств автоматизации его деятельности, реализующий информационную технологию выполнения установленных функций». Применительно к терминам и их определениям в области АСУ войсками (силами) основным видом деятельности является административно-управленческая деятельность должностных лиц органов управления при выполнении возложенных на них функций и задач. С использованием в качестве основы данного термина в ходе выполнения ряда научно-исследовательских работ были сформулированы ряд терминов и определений в области АСУ войсками (силами), которые приведены в ГОСТ РВ 0112–002–2021[6]. Вместе с тем возникает необходимость дополнения этого перечня терминов и их определений и увязки их в единую иерархическую терминологическую подсистему базовых терминов «автоматизированная система» и их определений, которые должны быть отражены в разрабатываемых (пересматриваемых) документах стандартизации оборонной продукции и должны создавать терминологическую основу для проведения работ по классификации АСУ войсками (силами).

Базовым термином в области АСУ войсками (силами) является термин «***автоматизированная система управления Вооруженными Силами Российской Федерации***», которую можно представить в виде совокупности автоматизированных систем военного назначения, обеспечивающих управление Вооруженными Силами Российской Федерации в мирное и военное время. При этом под ***автоматизированной системой военного назначения*** понимается система, состоящая из персонала и комплекса средств автоматизации, обеспечивающая автоматизацию функционирования определенных структурных элементов Вооруженных Сил Российской Федерации, систем оружия и военной техники. Основным предназначением автоматизированных систем военного назначения является повышение эффективности работы органов управления в их повседневной деятельности при подготовке и ведении операций (боевых действий). Автоматизированные системы военного назначения, как правило, включают:

- АСУ войсками (силами);
- системы, встроенные в образцы вооружения, военной и специальной техники;
- специальные и специализированные системы.

Как видно из приведенного состава автоматизированных систем военного назначения, их неотъемлемой частью являются ***автомати-***

Необходимо отметить, что создание АСУ войсками (силами) в нашей стране осуществляется более 60 лет (начиная с 50-х годов прошлого века). При этом термины и определения в области автоматизированных систем в зависимости от целей их создания и применения неоднократно изменялись, а их смысловое содержание уточнялось. Данное обстоятельство значительно усложняло процессы разработки (модернизации) автоматизированных систем. Кроме того, в существующих нормативных и нормативно-правовых актах, регламентирующих различные аспекты деятельности ВС РФ, термины «автоматизированная система управления Вооруженными Силами Российской Федерации» и «автоматизированная система управления войсками (силами)» трактуются по-разному.

зированные системы управления войсками (силами), которые можно рассматривать как совокупность комплексов средств автоматизации, пользователей и обслуживающего персонала, обеспечивающих автоматизацию деятельности органов управления по поддержанию боевой готовности и боевой способности войск (сил) и руководству ими при выполнении поставленных задач.

В зависимости от предназначения и выполняемых функций (задач) АСУ войсками (силами) подразделяются на автоматизированные системы боевого управления и автоматизированные информационные системы. При этом ***автоматизированные системы боевого управления*** представляют собой совокупность комплексов средств автоматизации, обеспечивающих деятельность должностных лиц органов управления по постановке задач управления войсками (силами) и контролю хода их выполнения с формированием и выдачей команд, приказов, сигналов боевого управления и получением подтверждений и донесений об их выполнении, а ***автоматизированные информационные системы*** — совокупность комплексов средств автоматизации, обеспечивающую автоматизацию деятельности должностных лиц органов управления по сбору, хранению, поиску, обработке, передаче и отображению информации, в том числе на электронных картах, оценке обстановки, моделированию результатов действий войск (сил), планированию их применения и поддержке принятия решений.

Следует отметить, что в составе АСУ войсками (силами) можно выделить еще один вид автоматизированных систем, это ***автоматизированные системы административно-управленческой деятельности***, которые, как правило, являются комплексными системами, предназначенными для автоматизации всех основных процессов управления, а именно: сбора и анализа информации, разработки вариантов решения и планов, доведения решений до исполнителей и контроля исполнения — и представляющие собой совокупность комплексов средств автоматизации, пользователей и обслуживающего персонала, обеспечивающую автоматизацию деятельности должностных лиц органов управления по уяснению поставленной задачи и оценке обстановки, поддержке принятия решений, включая автоматизацию процессов сбора, хранения, поиска, обработки, передачи и отображения информации о текущей (складывающейся) обстановке, в том числе на электронных картах, моделировании операций (боевых действий), планировании применения войск (сил), постановки задач по управлению войсками (силами) и контролю хода их выполнения с формированием и выдачей команд, приказов, сигналов боевого управления и получением подтверждений и донесений об их выполнении.

Как видно из приведенных определений различного рода автоматизированных систем, неотъемлемой их частью являются ***комплексы средств автоматизации*** (КСА), которые представляют собой совокупность всех компонентов АСУ войсками (силами), обеспечивающих выполнение конкретных задач по автоматизации процессов управления в различных сферах деятельности должностных лиц органов управления. При этом ***компонентом автоматизированной системы управления войсками (силами)*** является часть автоматизированной системы управления войсками (силами), выделенная по определенному признаку или совокупности признаков и рассматриваемая как единое целое.

На рисунке приведен типовой состав компонентов КСА АСУ войсками (силами).

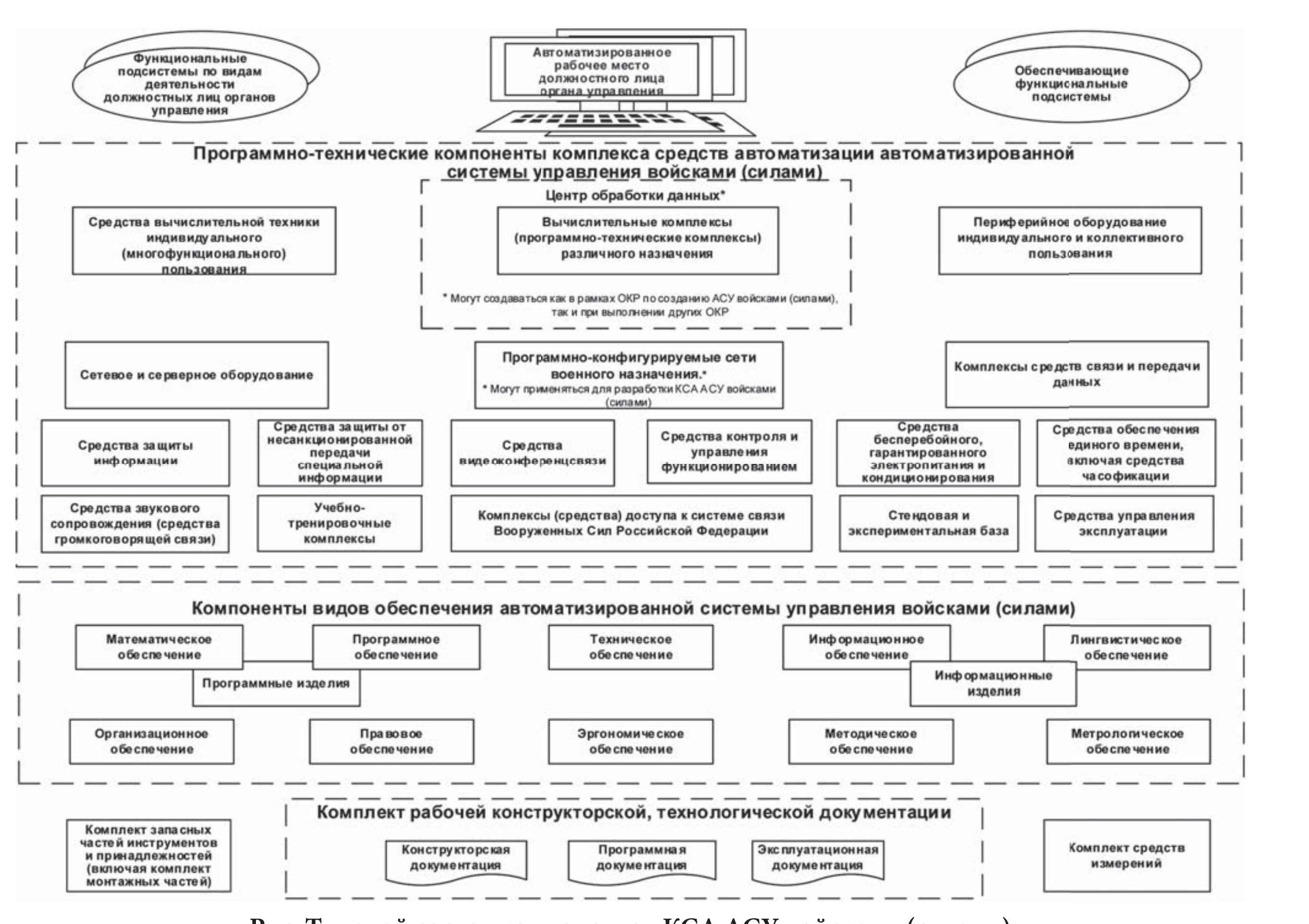

Рис. Типовой состав компонентов КСА АСУ войсками (силами)

Необходимо отметить, что приведенный типовой состав КСА АСУ войсками (силами) характерен для стационарных КСА АСУ войсками (силами) полного состава верхнего уровня управления ВС РФ. Для стационарных КСА других уровней управления ВС РФ и для мобильных КСА возможно определение минимально необходимого состава (базовой комплектации КСА АСУ войсками (силами)) программно-технических средств для формирования КСА АСУ войсками (силами) по результатам проведения научно-исследовательских работ по обоснованию разработки и определению возможности создания (модернизации) АСУ войсками (силами) или на основе руководящих указаний (других нормативных документов) генерального конструктора по АСУ и связи ВС РФ (головного исполнителя опытно-конструкторской работы по созданию АСУ войсками (силами)).

Приведенная иерархическая терминологическая подсистема базовых терминов «автоматизированная система» и их определений позволяет осуществить классификацию АСУ войсками (силами).

В основе любой классификации организационно-технических систем лежат классификационные признаки, в основу которых положены определенные критерии (показатели). На наш взгляд, классификационными признаками для АСУ войсками (силами) являются:

- основное назначение;
- область применения;
- структура АСУ войсками (силами);
- способ реализации продукции производственно-технического и военного назначения;
- оперативность выполнения реализованных процессов, функций и задач;
- надежность функционирования;
- способ базирования;
- наличие подключений к сетям связи общего пользования;
- требования к защите информации в АСУ войсками (силами).

Приведенные классификационные признаки, на наш взгляд, наиболее полно отражают свойство АСУ войсками (силами) как организационно-технического объекта (системы) по приведенным критериям (показателям). При этом базовым классификационным признаком является «Основное назначение», по которому АСУ войсками (силами) подразделяются на:

- автоматизированные системы боевого управления;
- автоматизированные информационные системы;
- автоматизированные системы административно-управленческой деятельности.

По классификационному признаку ***«Область применения»*** АСУ войсками (силами) подразделяются на:

- АСУ войсками (силами), создаваемые для автоматизации информационно-расчетной, логико-аналитической и распорядительной деятельности должностных лиц органов управления различных звеньев управления ВС РФ;
- АСУ войсками (силами), создаваемые для автоматизации процессов, функций и задач должностных лиц полигонов, испытательных центров, организаций;
- специальные автоматизированные системы, создаваемые для автоматизации процессов разведки, наблюдения, навигации, опознавания, целеуказания, наведения и других специальных процессов, функций и задач должностных лиц органов управления.

Классификационные признаки ***«Основное назначение»*** и ***«Область применения»*** используются для определения функциональных тре-

бований, характерных для АСУ войсками (силами) соответствующего назначения. При этом под ***информационно-расчетной деятельностью*** должностных лиц органов управления будем понимать вид административно-управленческой деятельности должностных лиц органа управления, заключающейся в выполнении операций по сбору, хранению, обработке и передаче информации, а также по проведению на ее основе необходимых расчетов (в том числе с использованием информационно-расчетных задач и математических моделей) в интересах планирования и выработки решений в ходе административно-управленческой деятельности.

Под ***логико-аналитической деятельностью*** должностных лиц органов управления будем понимать вид административно-управленческой деятельности органов управления, заключающейся в выполнении операций по логическому анализу входящих (поступающих) данных, формированию различного рода аналитических зависимостей в интересах планирования и выработки решений в ходе административно-управленческой деятельности.

В составе АСУ войсками (силами) можно выделить еще один вид автоматизированных систем, это автоматизированные системы административно-управленческой деятельности, предназначенные для автоматизации процессов: сбора и анализа информации, разработки вариантов решения и планов, доведения решений до исполнителей и контроля исполнения — и представляющие собой совокупность комплексов средств автоматизации, обеспечивающую автоматизацию деятельности должностных лиц органов управления.

Под ***распорядительной деятельностью*** должностных лиц органов управления будем понимать вид административно-управленческой деятельности органа управления, заключающейся в формировании команд и сигналов по результатам планирования и выработки решений, а также в их передаче и контроле исполнения.

По классификационному признаку ***«Структура АСУ войсками (силами)»*** АСУ войсками (силами) подразделяются на:

- АСУ войсками (силами) на базе автономных средств вычислительной техники;
- АСУ войсками (силами) на базе локальных вычислительных сетей;
- АСУ войсками (силами) на базе центров обработки данных;
- территориально-распределенные АСУ войсками (силами), компоненты которой объединены с использованием средств телекоммуникационной составляющей АСУ войсками (силами).

При этом необходимо отметить: практика создания различного рода АСУ войсками (силами) показывает, что они могут создаваться на различных программно-аппаратных платформах, что существенно затрудняет их интеграцию в перспективную АСУ ВС РФ.

По классификационному признаку ***«Способ реализации продукции производственно-технического и военного назначения»*** АСУ войсками (силами) подразделяются на:

- АСУ войсками (силами), создаваемые в виде изделий, применяемых в административно-управленческой деятельности должностных лиц органов управления;
- АСУ войсками (силами), встроенные в образцы вооружения военной и специальной техники, создаваемые для автоматизации процессов

управления сложными организационно-техническими системами (в том числе оружием).

По классификационному признаку ***«Оперативность выполнения реализованных процессов, функций и задач»*** АСУ войсками (силами) подразделяются на:

- АСУ войсками (силами), выполняющие реализованные процессы, функции и задачи за время, не более заданного;
- АСУ войсками (силами), выполняющие реализованные процессы, функции и задачи в реальном (близком к реальному) масштабе времени.

По классификационному признаку ***«Надежность функционирования»*** АСУ войсками (силами) подразделяются на:

- АСУ войсками (силами), обеспечивающие значения показателей вероятностно-временных характеристик в заданных пределах;
- отказоустойчивые АСУ войсками (силами), обеспечивающие выполнение процессов, функций и задач после отказа одного или нескольких компонентов со значениями вероятностно-временных характеристик в заданных пределах;
- катастрофоустойчивые АСУ войсками (силами), обеспечивающие выполнение процессов, функций и задач в условиях природных катаклизмов, а также террористических, диверсионных и военных (боевых) действий противника со значениями вероятностно-временных характеристик в заданных пределах.

По классификационному признаку ***«Способ базирования»*** АСУ войсками (силами) подразделяются на:

- стационарные АСУ войсками (силами);
- мобильные АСУ войсками (силами).

При этом мобильные АСУ войсками (силами) могут создаваться на базе индивидуальных переносных (выносных, носимых, скрытно-носимых) устройств (планшетные компьютеры, портативные абонентские терминалы (портативные рабочие станции), коммуникаторы, карманные персональные компьютеры) и других устройств.

По классификационному признаку ***«Наличие подключений к сетям связи общего пользования»*** АСУ войсками (силами) подразделяются на:

- АСУ войсками (силами), не имеющие подключения к сетям связи общего пользования;
- АСУ войсками (силами), имеющие подключение к сетям связи общего пользования.

Классификационный признак ***«Требования к защите информации в АСУ войсками (силами)»*** целесообразно рассмотреть более подробно.

Основы классификации автоматизированных систем и их составных частей были определены в руководящих документах Гостехкомиссии России (в настоящее время — ФСТЭК России) в 1992 году[7,8,9].

В последующие годы эта классификация автоматизированных систем и особенно их составных частей развивалась, детализировалась и конкретизировалась с учетом развития средств вычислительной техники, информационных технологий, методов и способов обеспечения безопасности информации, совершенствования нормативно-правовых и методических документов.

В руководящем документе[10] установлена классификация АС и предъявляемые к ним требования по защите информации. В качестве основных классификационных признаков определены:

- количество пользователей автоматизированной системы (однопользовательская или многопользовательская автоматизированная система);
- конфиденциальность информации в автоматизированной системе (одного или разных уровней конфи-

денциальности (степени секретности) информация, максимальный уровень конфиденциальности);

• полномочия пользователей по доступу к информации и ресурсам автоматизированной системы (все пользователи имеют равный доступ или не все пользователи имеют равный доступ к информации и ресурсам автоматизированной системы).

При задании требований по безопасности информации также учитываются и дополнительные признаки (особенности) — условия размещения на объектах автоматизации, условия применения АС, особенности режима на объектах размещения и др.

В руководящем документе[11] установлена классификация составных частей автоматизированной системы (отдельные программные, технические, программно-технические средства — обобщенно называемые средствами вычислительной техники) и предъявляемые к ним требования (показатели защищенности) по защите информации. В документе определены классы защищенности средств вычислительной техники от несанкционированного доступа к информации и соответствующие показатели защищенности.

В целях повышения уровня доверия к безопасности программных средств АС (СВТ) в 1999 году принят руководящий документ[12], в котором установлены классификация и требования по уровню контроля отсутствия недекларированных возможностей в программном обеспечении АС (СВТ).

В последующие годы ФСТЭК России и ФСБ России разработаны и введены в действие комплексы нормативных документов, в которых детализированы классификация и требования по безопасности информации составных частей автоматизированных систем и средств вычислительной техники (базовые системы ввода/вывода (*BIOS*), системы доверенной загрузки, операционные системы и т. д.). Указанные документы устанавливают профили защиты и определяют использование этих средств в автоматизированных системах и средствах вычислительной техники соответствующих классов. Система таких нормативных документов постоянно развивается и к настоящему времени содержит уже несколько десятков документов.

В заключение статьи остановимся на проблемных вопросах терминологического обеспечения АСУ войсками (силами) как сложной организационно-технической системы. На наш взгляд, наиболее важными проблемными терминологическими вопросами являются терминологическое обоснование, формулировка и стандартизация следующих процессов:

• интеллектуализация административно-управленческой деятельности должностных лиц органов управления;

Классификационные признаки, на наш взгляд, наиболее полно отражают свойство автоматизированных систем управления войсками (силами) как организационно-технического объекта (системы) по приведенным критериям (показателям). При этом базовым классификационным признаком является «Основное назначение», по которому автоматизированные системы управления войсками (силами) подразделяются на:

• автоматизированные системы боевого управления;

• автоматизированные информационные системы;

• автоматизированные системы административно-управленческой деятельности.

• импортозамещение, включая электронную компонентную базу, электронные радиоизделия, программное обеспечение;

• безопасная разработка программного обеспечения, включая технологии проектирования и инструментальные средства разработки;

• свободно распространяемое программное обеспечение и др.

Терминологическое обеспечение данных процессов облегчит процессы инфокоммуникационного общения должностных лиц органов управления в ходе административно-управленческой деятельности и обеспечит создание АСУ войсками (силами) на основе принципа информационной безопасности и технологической независимости.

Таким образом, приведенные в настоящей статье базовые термины «автоматизированная система» и их определения в виде иерархической терминологической подсистемы и классификация АСУ войсками (силами), создаваемые в интересах автоматизации административно-управленческой деятельности должностных лиц органов управления и интегрируемые в АСУ ВС РФ, могут являться основой для разработки новых (пересмотра действующих) документов стандартизации оборонной продукции, для определения требований к тактико-техническим заданиям на создаваемые (модернизируемые) АСУ войсками (силами) соответствующего назначения и применения в существующих нормативных и нормативно-правовых актах, регламентирующих различные аспекты деятельности ВС РФ.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Баранюк В.А. и др.* Основы создания больших АСУ / В.А. Баранюк, Е.С. Бичугов, А.И. Черкащенко, Ш.У. Уразгельдиев М.: Советское радио, 1979. 360 с.

[2] *Козичев В.Н., Протасов А.А., Ширманов А.В.* Автоматизированные системы управления специального назначения. М., ООО Рипп «Новые авторы», 2019. 448 с.

[3] Там же.

[4] *Баранюк В.А. и др.* Основы создания больших АСУ.

[5] ГОСТ 34.003-90 «Информационная технология. Комплекс стандартов на автоматизированные системы. Автоматизированные системы. Термины и определения» (дата введения в действие 01.01.92 г.).

[6] ГОСТ РВ 0112-002-2021 «Автоматизированные системы управления войсками. Термины и определения». М.: ФГУП «СТАНДАРТИНФОРМ», приказ о принятии государственного военного стандарта № 46-ст от 03.09.2021 г. (дата введения в действие 1 июля 2022 г.).

[7] Руководящий документ «Средства вычислительной техники. Защита от несанкционированного доступа к информации. Показатели защищенности от несанкционированного доступа к информации». Гостехкомиссия России, 1992.

[8] Руководящий документ «Защита от несанкционированного доступа к информации. Ч. 1. Программное обеспечение средств защиты информации. Классификация по уровню контроля отсутствия недекларированных возможностей». Гостехкомиссия России, 1999.

[9] Руководящий документ «Автоматизированные системы. Защита от несанкционированного доступа к информации. Классификация АС и требования по защите информации». Гостехкомиссия России, 1992.

[10] Там же.

[11] Руководящий документ «Средства вычислительной техники».

[12] Руководящий документ «Защита от несанкционированного доступа к информации. Ч. 1. Программное обеспечение средств защиты информации. Классификация по уровню контроля отсутствия недекларированных возможностей».

О развитии системы управления подразделениями службы контроля прицеливания и астрономо-геодезического обеспечения РВСН

Подполковник Е.В. ПШЕНИЧНЫХ,
кандидат технических наук

Полковник запаса В.А. СМИРНОВ,
кандидат технических наук

АННОТАЦИЯ

Рассмотрено текущее состояние системы управления частями и подразделениями службы контроля прицеливания и астрономо-геодезического обеспечения Ракетных войск стратегического назначения, сформулированы факторы и направления, влияющие на ее развитие.

ABSTRACT

The paper deals with the current state of the management system of units and subdivisions of the target control and astronomical-geodetic support service of the Strategic Missile Forces and formulates the factors and directions influencing its development.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Служба КП и АГО, система управления силами, направления развития.

KEYWORDS

Target control and astronomical-geodetic support service, force management system, development areas.

В СОВРЕМЕННЫХ условиях военно-политической обстановки в мире Ракетные войска стратегического назначения (РВСН) остаются главной компонентой «ядерной триады» России, основным гарантом ее безопасности и территориальной целостности.

Одним из видов обеспечения РВСН, направленных на постоянное поддержание ракетных соединений и частей в высокой степени боевой готовности, а также на обеспечение подготовки и ведения боевых действий, является контроль прицеливания и астрономо-геодезическое обеспечение (КП и АГО)[1]. Решение этих задач в РВСН возложено на службу КП и АГО, функционирующую в штабах всех уровней, а также на части и подразделения, непосредственно подчиненные ей.

Управление подразделением — это целенаправленная деятельность командира, штаба, отделений, служб и других органов управления по подготовке подчиненных к поддержанию их в установленной готовности, выполнению поставленных задач, а также руководству ими при выполнении данных задач. С этим термином в РВСН тесно связано такое понятие, как управление войсками (подчиненными) и оружием[2].

Для безусловного и четкого боевого управления и управления по-

вседневной деятельностью частей и подразделений на всех уровнях (звеньях) управления в РВСН созданы соответствующие ***системы управления***, являющиеся совокупностью взаимозависимых и взаимосвязанных элементов, образующих единство и упорядоченную целостность.

Элементами ***системы управления*** частями и подразделениями, непосредственно подчиненными службе КП и АГО, являются:

- субъекты управления (органы управления);
- объекты управления, под которыми понимаются люди, организованные в коллективы для решения определенных задач, а также оружие и боевая техника;
- цели, методы, стратегии, процедуры, предписания, технологии, которые регламентируют выполнение управленческих функций, юридически закрепленных правил и норм, составляют в совокупности механизм управления;
- средства управления, включающие коммуникационные каналы, которыми реализуется процесс взаимодействия в системе управления, и материальную инфраструктуру управления.

В современных условиях состояние и развитие этой системы является одним из важнейших показателей организационного и технического совершенства РВСН, а также уровня их боевой готовности. Высокий уровень ее эффективности достигается внутренней сбалансированностью, соответствием организационным целям, доступностью контроля, гибкостью и адаптивностью.

К основным факторам и условиям, определяющим направления развития системы управления частями и подразделениями КП и АГО, относятся:

- перевооружение РВСН на новые ракетные комплексы и как следствие создание нового и модернизация существующего вооружения, военной и специальной техники для решения задач КП и АГО;
- создание Единого геоинформационного пространства как конкретного программно-технического и информационно-лингвистического изделия, представляющего собой совокупность взаимосвязанных территориально распределенных ресурсов в виде баз пространственных данных на всю территорию Земли и комплексов средств автоматизации, объединенных информационно-телекоммуникационными средствами в единую автоматизированную систему с представлением единого геопортального доступа к пространственным данным в реальном или близком к реальному масштабу времени[3];
- расширение функционала навигационного обеспечения и становление геоинформационного обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации как вида оперативного (боевого) обеспечения[4];
- развитие систем искусственного интеллекта, широкое применение роботизированных комплексов различного назначения.

Масштабная коренная перестройка Вооруженных Сил Российской Федерации, в том числе РВСН, в рамках основных положений военной реформы не могла не затронуть службу КП и АГО. Были значительно реформированы соответствующие отделы штабов объединений и отделений штабов соединений. При этом изменились не только объем задач, возлагаемых на службу, но и требования к качеству выполнения данных задач, в том числе по точности и оперативности их решения. В настоящее время по данным показателям эти задачи могут быть охарактеризованы как беспрецедентные, не имеющие аналогов в других видах (родах) Вооруженных Сил Российской Федерации. Для решения рассматриваемых задач части и подразделения КП и АГО

В современных условиях состояние и развитие системы управления частями и подразделениями, подчиненными службе КП и АГО является одним из важнейших показателей организационного и технического совершенства РВСН, а также уровня их боевой готовности. Высокий уровень ее эффективности достигается внутренней сбалансированностью, соответствием организационным целям, доступностью контроля, гибкостью и адаптивностью.

обладают широкой номенклатурой систем (средств) топогеодезического и навигационного назначения.

Следует отметить, что в целом существующая система управления подразделениями и частями КП и АГО даже с учетом вышеизложенных факторов имеет ряд недостатков системного и технологического характера, основными из которых являются:

- несоответствие уровня организации управления частями и подразделениями КП и АГО современному содержанию целей и задач, новым формам и способам их применения;
- недостаточный уровень обеспеченности объектов управления современными системами (средствами) топогеодезического и навигационного назначения, а также современными комплексами средств автоматизации, связи и передачи данных;
- отсутствие научно-методического обеспечения применения современных систем (средств) топогеодезического и навигационного назначения для решения задач, возложенных на подразделения и части службы КП и АГО РВСН.

Вместе с тем за последнее десятилетие руководству службы КП и АГО РВСН удалось сформировать техническую основу для развития систем (средств) топогеодезического и навигационного назначения. Был задан и успешно завершен ряд научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по их совершенствованию (модернизации). В ходе их выполнения получены следующие основные результаты.

Создан комплекс средств базы эталонирования для замены морально и физически устаревших баз эталонирования гирокомпасов (рис. 1). При этом функционал созданного комплекса существенно расширен посредством дополнения его метрологическими средствами, позволяющими проводить освидетельствование всех имеющихся в распоряжении службы КП и АГО средств топогеодезического назначения. В составе данного комплекса также разработаны стационарная система определения астрономического азимута опорного (эталонного) направления (рис. 2) и автоматизированный комплекс определения составляющих уклонения отвесной линии (рис. 3), не имеющие аналогов не только в России, но и в мире. В целях обеспечения эксплуатации и боевого применения ракетных комплексов мобильного базирования создан мобильный интегрированный комплекс оперативной подготовки навигационно-геодезических и цифровых картографических данных (рис. 4). Для решения задач контроля прицеливания изделий РВСН созданы отечественные переносные высокоточные гироскопические приборы автономного азимутального ориентирования (рис. 5).

В 2024 году планируется завершить работы по созданию высокоточного полевого автоматизированного астрономо-геодезического комплекса, который призван заменить физически и морально устаревший (производившийся до 1990 года) астрономический комплекс (рис. 6).

Рис. 1. Комплекс средств базы эталонирования гирокомпасов

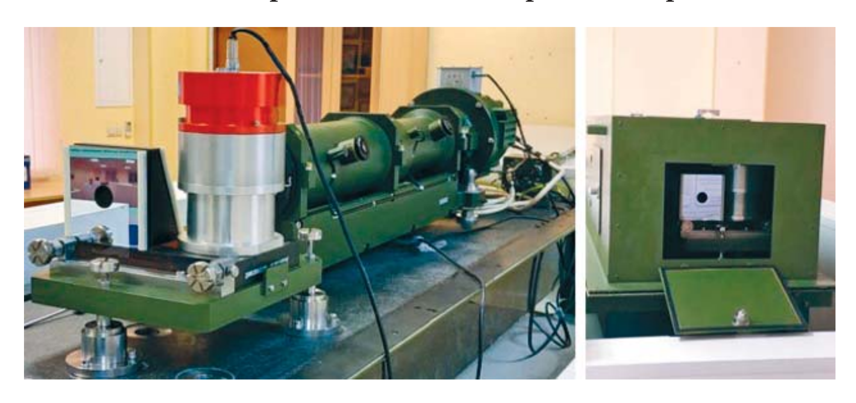

Рис. 2. Стационарная система определения астрономического азимута опорного (эталонного) направления

Рис. 3. Автоматизированный комплекс определения составляющих уклонения отвесной линии

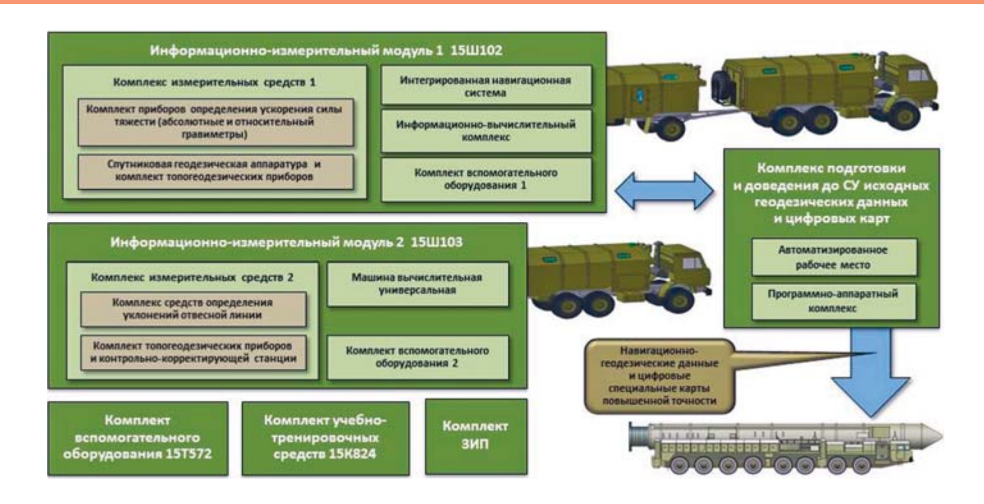

Рис. 4. Мобильный комплекс подготовки навигационно-геодезических и цифровых картографических данных

Автоматический прибор определения азимута 15Ш108

Полевой автоматизированный прибор определения азимута 15Ш109

Рис. 5. Переносные высокоточные гироскопические приборы автономного азимутального ориентирования

Автоматизированный астрономический универсал

Блок аккумуляторных батарей

Рис. 6. Высокоточный полевой автоматизированный астрономо-геодезический комплекс

Масштабная коренная перестройка Вооруженных Сил Российской Федерации, в том числе РВСН, в рамках основных положений военной реформы не могла не затронуть службу КП и АГО. Были значительно реформированы соответствующие отделы штабов объединений и отделений штабов соединений. При этом изменились не только объем задач, возлагаемых на службу, но и требования к качеству выполнения данных задач, в том числе по точности и оперативности их решения.

С привлечением научно-исследовательских организаций Министерства обороны России службой КП и АГО РВСН в настоящее время успешно решается задача создания научно-методического обеспечения применения современных систем (средств) топогеодезического и навигационного назначения в составе существующих и вводимых в эксплуатацию ракетных комплексов.

Результаты проведенных исследований позволяют сформулировать задачи, направленные на достижение целей развития службы КП и АГО и ее системы управления.

1. Дальнейшая оптимизация и совершенствование организационно-штатной структуры службы КП и АГО.

2. Оснащение подразделений и частей службы КП и АГО современными системами (средствами) астрономо-геодезического, навигационного и геоинформационного обеспечения, контроля прицеливания.

3. Формирование единой номенклатуры (максимальной унификации) систем (средств) астрономо-геодезического, навигационного и геоинформационного обеспечения, контроля прицеливания для комплексов различного типа.

Решение данных задач позволит создать систему управления подразделениями и частями службы КП и АГО РВСН, способную в долгосрочной перспективе с достаточной эффективностью решать все поставленные перед службой задачи, тем самым обеспечить качественную эксплуатацию, а при необходимости — эффективное применение по предназначению всех стоящих и планируемых к постановке ракетных комплексов РВСН.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Справочник по терминологии в оборонной сфере. Термины РВСН (электронное издание). Министерство обороны РФ. URL: https://dictionary.mil.ru/dictionary/Terminy-RVSN.

[2] Там же.

[3] *譯Зализнюк А.Н.* Единое геоинформационное пространство как составная часть цифровой реальности // Сборник докладов и выступлений на III Военно-научной конференции «Пути повышения эффективности топогеодезического и навигационного обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации». ВТУ ГШ ВС РФ, 2019. С. 41—49.

[4] *Рутько И.М.* Тенденции развития системы топогеодезического, навигационного и геоинформационного обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации // Сборник докладов и выступлений на III Военно-научной конференции «Пути повышения эффективности топогеодезического и навигационного обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации». ВТУ ГШ ВС РФ, 2019. С. 76—81.

Отечественный и зарубежный опыт количественного обоснования решений в области применения сил (войск) флота

Капитан 1 ранга запаса А.Н. ПРОКАЕВ,
доктор технических наук

Капитан 1 ранга А.А. ШАБУНИН,
кандидат военных наук

АННОТАЦИЯ

Рассматривается исторический опыт и анализ подходов к количественному обоснованию решений в области применения сил (войск) флота в нашей стране и за рубежом.

ABSTRACT

The paper deals with historical experience and analysis of approaches to quantitative justification of decisions in the field of application of naval forces (troops) in our country and abroad.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Обоснование решений, применение сил (войск), количественные методы.

KEYWORDS

Justification of decisions on the use of forces (troops), quantitative methods of decision justification.

НА ПРОТЯЖЕНИИ многих десятилетий теоретическим фундаментом количественного обоснования решений в области вооруженной борьбы в нашей стране и за рубежом являлась научная дисциплина «Исследование операций», зарождение которой относят к 30-м годам прошлого века.

Начиная с 1935 года командование ВВС Великобритании привлекало ученых к решению научных задач, связанных с обороной страны, и прежде всего противовоздушной обороной. После вступления США во Вторую мировую войну командование ВС США осознало целесообразность привлечения ученых также к задачам, связанным с планированием военных действий различного уровня. Так, в 1942 году была организована группа ученых, получившая название «группа исследования операций» (от англ. *operations research*), где под «операцией» понимается некоторое целенаправленное действие. Руководителем (согласно американской терминологии — «директором») группы был назначен капитан 1 ранга В. Бейкер, офицер противолодочных сил Атлантического флота, а научным руководителем — Ф. Морз, физик из Массачусетского технологического института.

Следует заметить, что о своей профессиональной деятельности Ф. Морз отчитывался лично перед начальником морских операций США (согласно нашей терминологии — главнокомандующим ВМС). К концу войны данная группа насчитывала в своем составе свыше 70 человек. Добавим,

что командование ВВС США проявляло в этом вопросе еще большую активность, организовав за годы войны свыше двух десятков подобных групп при различных воинских формированиях как на территории США, так и за рубежом. Имеющиеся исторические документы не позволяют точно установить количество ученых, которые были заняты исследованием операций во время Второй мировой войны, однако даже осторожные оценки свидетельствуют о том, что их общее количество в Великобритании, США и Канаде превышало 700 человек.

По окончании войны необходимость в указанных научных группах отпала, однако появление научной дисциплины «Исследование операций» стало следствием систематизации полученных ими теоретических и практических результатов[1].

Сведения о привлечении ученых или об использовании научных методов, получивших впоследствии название «методов исследования операций» при планировании военных действий в других странах, в том числе в СССР, отсутствуют, однако можно предположить, что количественные методы для обоснования применения сил и средств вооруженной борьбы там все-таки использовались. В качестве примера можно привести известную работу академика А.Н. Колмогорова[2], оказавшую в последующие десятилетия значительное влияние на теорию количественного обоснования решений в оперативно-тактической области.

Пик популярности исследования операций в мире приходится на 1960—1980-е годы, и СССР здесь не был исключением. В 1962 году в соответствии с директивой главнокомандующего ВМФ в Военно-морской академии была образована учебно-методическая группа исследования операций под руководством полковника И.Я. Динера. Несмотря на значительный дефицит источников, и особенно на русском языке, уже в 1965—1967 годах данной группой был выпущен ряд учебных пособий, а в 1968 году издан учебник «Исследование операций»[3], не потерявший теоретической значимости и по сей день.

По крайней мере с середины 1960-х годов и по настоящее время количественное обоснование решений на применение сил (войск) флота производится на основании положений различных руководящих документов Вооруженных Сил РФ и ВМФ — уставов, руководств и методик. Как правило, данные документы или полностью посвящены теме выполнения так называемых оперативно-тактических расчетов (ОТР) по количественному обоснованию боевых действий определенного вида (противолодочных, противоминных и т. д.), или содержат Приложения, в которых излагаются методики проведения указанных ОТР.

В 1963 году во вновь образованном Высшем военно-морском училище радиоэлектроники им. А.С. Попова открылся факультет электронно-вычислительной техники, осуществлявший подготовку специалистов в области эксплуатации электронно-вычислительных машин (ЭВМ), а также их математического обеспечения, впоследствии — математического обеспечения автоматизированных систем управления (МО АСУ). Основным предназначением военных специалистов в области МО АСУ являлась разработка алгоритмов и выполнение ОТР в информационно-вычислительных центрах (ИВЦ) органов военного управления (ОВУ) различного уровня с использованием «больших» ЭВМ типа БЭСМ-4М, БЭСМ-6 и др. Появление в конце 1990-х — начале 2000-х годов в ОВУ ВМФ более новых автоматизированных средств (АС), позволяющих выполнять указанные ОТР (например, АСУ «Море»), а также систем поддержки принятия решений

(СППР) различного назначения (например, УПАК ППР «Автоматизм») не изменило указанной выше ситуации. Математические алгоритмы, реализованные в данных системах, являли собой запрограммированные методики «ручных расчетов» из вышеуказанных документов — строгое соответствие алгоритмов методикам, изложенным в руководящих документах, являлось необходимым условием их внедрения.

Именно с этой целью в середине 1970-х годов в 24 ЦНИИ МО РФ был создан Центральный фонд алгоритмов и программ ВМФ (ЦФАП ВМФ) — предполагалось, что алгоритмы всех АС ВМФ должны пройти тщательную проверку, быть включенными и содержаться в ЦФАП. Очевидно, что это требование явилось существенным шагом вперед с точки зрения практики ОТР, но никак не с точки зрения теории обоснования решений. Можно с уверенностью утверждать, что большинство из указанных алгоритмов ОТР было разработано на основе положений научной дисциплины «Исследование операций».

Теоретические проблемы количественного обоснования решений в отечественной теории и практике применения сил (войск) ВМФ

Как указано выше, школа исследования операций существовала в Военно-морской академии с начала 1960-х годов, к ней можно отнести таких известных ученых, как И.Я. Динер, Н.С. Волгин, Н.В. Махров, В.А. Юровский, Ф.А. Матвейчук и ряд других. Трудами этих ученых разработано большое количество учебников и учебных пособий[4—8], в которых изложены методы математического моделирования применения сил и средств флота, составляющие главное содержание дисциплины «исследование операций», а также теоретические основы ее использования при управлении силами. Следует заметить, что в настоящее время многие положения указанных трудов, особенно в части организации математического моделирования и последующей программной реализации полученных моделей, устарели. Вместе с тем десятилетия доминирования идеологии исследования операций оказывают существенное влияние на процесс количественного обоснования решений до сих пор. Проблема «наследия» исследования операций подробно рассмотрена в монографии профессора Военно-морской академии А.Г. Горева[9], при изложении данного вопроса мы воспользовались его работой. Кратко сформулируем основные проблемы и противоречия.

Исследование операций в данных учебниках и учебных пособиях рассматривается как процесс объективного количественного обоснования решений и планов, включающий два основных этапа: этап математического моделирования и этап выработки предложений на основе результатов моделирования. Таким образом, все методы математического моделирования, используемые в исследовании операций, опираются на весьма серьезное допущение, что исследуемый с помощью этих методов процесс может (и должен) быть адекватно формализован. Однако вооруженное противоборство, по признанию большинства как отечественных, так и зарубежных специалистов, представляет собой трудноформализуемый процесс. Данный процесс протекает в условиях значительной неопределенности, вызванной дефицитом информации и стремлением противоборствующих сторон ввести противника в заблуждение. Для корректного моделирования такого процесса «традиционные» методы исследования операций оказываются практически неприменимыми.

В указанных работах безоговорочно доминирует требование строгого соответствия используемого показателя эффективности цели операции (далее, если не указано другое, под операцией будем понимать в том числе и боевые действия) — принцип академика А.Н. Колмогорова, впервые сформулированный им для оценки эффективности артиллерийской стрельбы и получивший впоследствии более широкое применение[10]. Из этого следует, что показатель эффективности должен быть один, иначе корректно произвести сравнительный анализ альтернативных вариантов будет невозможно. В результате на протяжении многих лет в теории и практике принятия решений ОВУ ВМФ укоренился подход, при котором требуется находить не то решение, которое является лучшим в рамках установленных ресурсных и иных ограничений, а то, которое удовлетворяет заданному критерию эффективности. В общем виде такая задача формулируется следующим образом: «...решить поставленную задачу с эффективностью, не ниже заданной...». Рассмотрим далее, с какими негативными последствиями сопряжен данный подход.

Реальный опыт вооруженного противоборства показывает, что данное условие трудно выполнить на практике, в связи с чем в учебниках и учебных пособиях, а затем и в положениях упомянутых руководящих документов указывается, что показатели эффективности делятся на основной и дополнительные. Но тогда задача выбора наилучшего решения уже превращается в многокритериальную, особенно если указанных дополнительных показателей действительно много. Задачи такого типа обычно относят не к области исследования операций, а к области теории принятия решений, о чем будет сказано ниже.

Большинство методов исследования операций — это методы теории вероятности. Утверждается, что показатель эффективности может быть двух видов: первый — это вероятность (например, выполнения поставленной задачи), второй — математическое ожидание (например, количества пораженных объектов, обнаруженных целей и др.). Однако в работах ряда авторов можно встретить описание до 18 видов вероятности. Согласно, например, «Модели принятия решений…»[11], все виды вероятности можно условно разделить на две основные группы — объективная и субъективная вероятность. Объективная вероятность — это «полигонная», «статистическая» вероятность, она является «собственным» свойством того процесса или явления, который она описывает. Главное свойство объективной вероятности — повторяемость, возможность проверки в контролируемых условиях. В свою очередь, субъективная вероятность определяет степень нашей уверенности о ходе или состоянии процесса или явления, это то, что мы о них думаем, а не то, что есть на самом деле. Если вероятность не может быть проверена в контролируемых условиях, она относится к группе субъективных вероятностей. Из этого следует, что *все вероятностные модели вооруженной борьбы* (расчетные методики, программные комплексы и т. д.) — *это модели субъективной вероятности.*

Расчет показателей эффективности, как правило, сопровождается погрешностями, являющимися следствием целого ряда причин. Здесь и погрешности аналитического моделирования, вызванные недостаточной корректностью формул из-за принятых допущений, и начальные погрешности, связанные с недостоверностью исходной информации о значениях параметров, входящих

в формулы. Существует понятие «чувствительность модели», определяющее «поведение» модели в зависимости от изменения входных параметров. Приведем пример проверки чувствительности простейшей модели. Для поражения цели: ее необходимо обнаружить, затем попасть в нее боеприпасом заданного вида, при этом попадание должно привести к выводу цели из строя. Предположим, каждый из указанных трех этапов реализуется с вероятностью, равной 0,8, тогда перемножив эти вероятности, получим значение, равное 0,512. Если же данные вероятности будут равны 0,7, то искомая вероятность будет уже равна 0,343, а если 0,9 — то 0,729. Поскольку из теории измерений известно, что точность результата не может быть выше точности его компонентов, то можно сделать вывод, что даже в такой простой формуле изменение значений составляющих ее вероятностей на 0,1 приводит к тому, что результат вычислений представляет собой интервал значений от 0,3 до 0,8. И это при том, что каждая из составляющих вероятностей (обнаружения, попадания, вывода из строя), как правило, сама является результатом предварительного моделирования.

Как указано выше, второй «допустимой» формой показателя эффективности является математическое ожидание (МО), во многих документах этот показатель еще более усложнен и звучит как «МО доли...». Здесь следует напомнить, что в теории вероятности оценка распределения случайной величины только величиной МО без оценки величин отклонений от него (дисперсия, эксцесс и др.) не имеет смысла. А ведь указанная оценка точности случайной величины может существенно повлиять на принятие решения. Предположим, МО дальности полета ракеты противника, недавно поступившей на вооружение, оценивается как 100 км. Мы исходим из того, что данная величина является случайной, распределена по нормальному закону, при этом значение среднеквадратического отклонения (СКО) составляет 1 км. Тогда можно предположить, что практически достоверно указанная дальность попадает в интервал 97—103 км. Ситуация выглядит совсем по-другому, если СКО составляет, например, 10 км. Тогда указанный интервал составит уже 70—130 км. Но дальность полета ракеты — это физически измеримый параметр. А как быть с МО доли пораженных объектов, вытраленных мин и т. д.? И часто ли проводятся оценка чувствительности моделей и расчет точности полученных значений в ходе ОТР?

С учетом сказанного вернемся к вопросу постановки задач и оценке эффективности по критериальному принципу («...с эффективностью, не ниже заданной»). Во-первых, из каких соображений выбирается указанный критерий? Чтобы этот критерий был обоснован, необходимо быть уверенным в его достижимости. Откуда эта уверенность может взяться, учитывая субъективно-вероятностный характер большинства показателей эффективности? Во-вторых, как проверить степень выполнения поставленной задачи, если используемый показатель эффективности носит вероятностный характер и его точная оценка (а уж тем более проверка) принципиально невозможна?

В данной явно проблемной ситуации можно сделать ряд выводов, многие из которых заимствованы из работ[12—15], а также из личного общения с их авторами. Абсолютно все расчетные методики, равно как имитационные и другие модели (а процессов вооруженной борьбы — в особенности), имеют серьезные допущения и ограничения, неизбежно приводящие к погрешностям в определении

показателей. Поскольку расчет показателей для альтернативных вариантов производится с использованием одних и тех же методик, ошибки в определении показателей носят систематический (т. е. неслучайный) характер и имеют примерно одинаковые значения. Отсюда следует, что количественные методы обоснования решений можно корректно использовать только для *сравнительной оценки* альтернативных вариантов.

Зарубежный опыт обоснования решений на применение ВМС

Можно с уверенностью утверждать, что в 1966 году книги по теории принятия решений уже поступали в библиотеку Военно-морской академии в виде переводов, выполненных издательством МО СССР[16]. Как минимум с середины 1990-х годов ученые Военно-морской академии публиковали труды[17] на эту тему, а также подвергали критике изложенный выше критериальный подход исследования операций на семинарах, в монографиях и научных статьях[18,19,20]. Тем не менее «идеологических» изменений в вопросе количественного обоснования решений на применение сил (войск) флота до сих пор не произошло. К сожалению, наш вероятный противник, как это часто бывало, проявил и в этом вопросе большую гибкость.

Планирование действий формирований ВМС США в 1990—2000-х годах выполнялось в соответствии с документом *NDP 5* «Планирование в ВМС»[21]. Впоследствии, в связи с переходом к «концепции объединенности», в 2010-х годах документы группы *NDP* уступили место документам *JP* (*Joint Publication*). В связи с этим в настоящее время планирование действий ВМС США в составе объединенных оперативных формирований определяется документом *JP 5-0* «Планирование совместных действий»[22], в котором излагаются концепция и принципы планирования действий коалиционных сил, возглавляемых США. Данный документ в целом унаследовал у своих предшественников традиционные для ВС США принципы планирования, но детализировал их с учетом «концепции объединенности» и современных реалий.

Следует заметить, что термин «планирование» (*planning*) здесь имеет несколько иной смысл, чем это принято у нас: планирование в ВС США и их союзников включает совокупность этапов подготовки операции, начиная от оценки обстановки и завершая разработкой директивных документов для постановки задач силам (войскам). Более детально процесс планирования изложен в документе *NWP 5-01* «Оперативное планирование в ВМС», версии данного документа за 1998[23] и 2014[24] годы можно найти в сети Интернет в открытом доступе. Методология оперативного планирования в ВМС США существовала в виде «академической концепции» под названием «оценка ситуации» еще в 1910 году, и только в 1948-м она была документально утверждена начальником морских операций (главнокомандующим ВМС США)[25]. Анализ истории оперативного планирования в ВМС США[26], а также сравнение документов[27,28,29] позволило авторам сделать вывод о том, что за прошедшие десятилетия его идеология не претерпела существенных изменений. Анализ содержания *NWP 5-01* позволяет также заключить, что положения теории принятия решений[30] нашли свое отражение в руководящих документах ВС США и их союзников не позднее середины 1990-х годов, но скорее всего, значительно раньше.

Документ *NWC 4111* является учебным пособием (*Instructional*

Workbook) для слушателей Колледжа ВМС США в г. Ньюпорт — основного научно-образовательного учреждения, осуществляющего межвидовую подготовку офицеров ВМС и ВС США и других стран, а также разработку руководящих документов в части применения сил ВМС. Данный документ именуется «*Commander's Estimate of the Situation*» — «оценка ситуации командиром» (традиционная аббревиатура — *CES*), в отечественной терминологии это соответствует методике принятия командиром решения. Следует также добавить, что в настоящий момент процесс планирования межвидовых действий в ВС США в значительной степени унифицирован, поэтому *CES* ориентирован именно на планирование совместных действий (*Joint Planning Process*). Например, во введении к *NWC 4111G* указано, что он базируется на положениях *NWP 5-01*[31], *CJCSM 3500.5A* «Руководство по подготовке штабов объединенных оперативных формирований», *MCWP 5-1* «Планирование в корпусе морской пехоты», *MCDP-6* «Командование и управление в корпусе морской пехоты», *JP 5-0* «Руководство по планированию совместных операций», а также ряда других документов, перечень которых составляет полтора десятка строк.

До недавнего времени *CES* в версии *NWC 4111G* от 2004 года[32] находился в открытом доступе на сайте Колледжа ВМС США. В настоящий момент данный документ можно найти в сети Интернет в версии *NWC 4111H* за 2008 год[33]. *CES* в полном объеме являет собой также Приложение А к *NWP 5-01*[34]. С учетом компактности изложения дальнейшее описание процесса количественного обоснования решений в ВМС США будем производить, опираясь на положения *CES*. Существенных различий между указанными версиями нет, при необходимости мы на них укажем.

Количественное обоснование производится на третьем этапе процесса «оценки ситуации командиром» — этап именуется *Analysis of Friendly Courses of Action (War Gaming)*, что можно перевести как «Анализ вариантов действий своих сил (проведение военных игр)»[35]. Этап анализа вариантов действий противоборствующих сил именуется здесь «...основой процесса оценки ситуации командиром...», и это, как указано далее, «...есть не что иное, как военная игра — «ручная» или с использованием компьютера»[36]. Слово «игра» не должно вводить в заблуждение. Военные игры (*war gaming*) в США действительно имеют давнюю традицию, проводятся на различных уровнях (от тактического до стратегического) и заслуживают отдельного описания. Здесь же слово «игра» употребляется в том же смысле, какое оно имеет в наименовании теории игр — математической теории конфликтных ситуаций. Слово «игра» здесь употребляется в смысле исследования процесса противодействия конфликтующих сторон в целях оценки эффективности «стратегий» (термин теории игр) — своих и противника.

Предполагается, что на первых двух этапах «оценки ситуации» были выработаны различные варианты действий своих сил и сил противника исходя из целей и возможностей наших сил, а также нашего представления о целях и возможностях сил противника. В ходе военной игры (далее — игра) производится оценка, «...какие шансы имеет каждый вариант действий наших сил против каждого варианта действий сил противника»[37]. Здесь же особо подчеркивается, что игра является критическим этапом «оценки ситуации», и на него *должно быть выделено больше времени, чем на любой другой.* В зависимости от наличия времени, каждый вариант действий своих сил должен быть «проигран», по

крайней мере против наиболее вероятного и наиболее опасного варианта действий сил противника.

Общие правила проведения игр следующие[38]:

• в процессе игр необходимо исключить влияние персональных предпочтений, таких как защита «своего» варианта и желание угодить мнению командира;

• четко фиксировать все достоинства и недостатки каждого варианта;

• постоянно оценивать «достижимость» (целей операции), «выполнимость» (заданным составом сил) и «приемлемость» (с точки зрения управляющих факторов, см. далее) вариантов, отсеивать их в ходе игры, если выяснится, что какое-либо из указанных требований не может быть выполнено;

• избегать формулирования предварительных выводов и сбора фактов для их подтверждения до завершения игры;

• избегать сравнения вариантов действий сил в процессе игры, это должно выполняться на следующем этапе «оценки ситуации» — на этапе «сравнение вариантов действий сил».

По поводу выбора метода игры *CES* рекомендует следующее: «Существует множество различных методов проведения игр, включая наиболее сложные методы компьютерного моделирования. Время и ресурсы, доступные для проведения игры, будут влиять на выбор метода прежде всего. Тем не менее метод может быть достаточно простым, таким как словесное описание с изображением ситуации на карте. Каждое критическое событие в ходе рассматриваемых вариантов должно быть «разыграно» с использованием методов, позволяющих оценить эффективность действий сил с учетом их взаимодействия, противодействия противника, а также влияния внешних факторов»[39].

Опуская детали проведения игр, вернемся к теме нашего исследования. Способы сравнения вариантов действий сил могут отличаться, главное, чтобы они помогали командиру в конечном итоге озвучить решение[40]. Для упрощения процесса сравнения создается «матрица решения», пример которой приведен на рисунке[41].

GOVERNING FACTORS	**WT**	**COA #1**		**COA #2**		**COA #3**		**COA #4**	
SIMPLICITY	**3**	2	6	1	3	4	12	3	9
SURPRISE	**1**	2	2	3	3	3	3	4	4
SPEED	**2**	1	2	2	4	3	6	4	8
MASS	**4**	3	12	1	4	2	8	4	16
RISK	**2**	4	8	3	6	4	8	4	8
FLEXIBILITY	**4**	3	12	3	12	4	16	3	12
SUSTAINABILITY	**3**	3	9	3	9	2	6	3	9
C2	**3**	3	9	2	6	1	3	3	9
TOTAL		21		18		23		28	
WEIGHTED TOTAL			60		47		62		**75**

Рис. Матрица решения

Данная матрица в числовом виде отображает *субъективно* выбранные и *субъективно* «взвешенные» «управляющие факторы» — критерии, на основе которых штаб будет определять сравнительную эффективность вариантов действий сил[42].

Отмечается, что данные факторы должны отражать такие аспекты обстановки, которые, с точки зрения командира, являются критически важными для достижения цели операции[43]. Данные факторы выбираются на предыдущем этапе — этапе проведения игр. Их может быть различное количество — в *Joint Operational Planning Process* (*JOPP*)[44] приводятся их возможный перечень и рекомендация по выбору: «Не важно, какие управляющие факторы выбраны, важно, чтобы каждый представитель группы планирования одинаково понимал их значение. Например, фактор «риск» без дополнительных объяснений может привести к различным толкованиям — «риск для сил», «риск для самолетов/кораблей/коалиции», «риск для успеха операции» и т. д.». На рисунке такими факторами являются: простота (*simplicity*), внезапность (*surprise*), скорость (*speed*), сосредоточение сил на главном направлении (*mass*), риск (*risk*), гибкость (*flexibility*), устойчивость (*sustainability*), управление (*C2*).

Во втором столбце указывается «вес» (*WT*) каждого из факторов, определяющих степень его относительной важности для данной операции.

Каждый из четырех последующих столбцов разделен пополам и соответствует одному из рассматриваемых вариантов действий сил (*COA — Course of Action*, дословно «направление, ход действий»). Цифры в левой части каждого столбца соответствует значениям, присвоенным каждому из факторов в каждом из вариантов действий сил. Цифры в правой части являются их «взвешенными» значениями, т. е. умноженными на значение веса каждого фактора.

Наконец, нижние строки матрицы отображают сумму указанных цифр — абсолютных (*Total*) и взвешенных (*Weighted Total*) значений соответственно. На рисунке 1 наибольшая сумма как абсолютных, так и взвешенных значений получилась в варианте 4 (28 и 75 соответственно), но это совпадение. Если бы значения весов факторов были другими, могло случиться так, что «абсолютный» максимум соответствовал бы одному варианту, а «взвешенный» — другому.

В *Commander's Estimate of the Situation* (*CES*)[45] даются следующие рекомендации по составлению матрицы решения и интерпретации полученных результатов. Во-первых, указывается, что данная матрица является только вспомогательным инструментом, и не более того. Вариант с наибольшим значением суммы не обязательно является лучшим решением. В *Joint Operational Planning Process* (*JOPP*)[46] дополнительно указывается, что поскольку управляющие факторы выбираются произвольно и их невозможно сравнивать однозначно, матрица не может дать математического или какого-либо иного научного решения в том, что является абсолютно субъективным процессом. Главное достоинство матрицы — это ее наглядность, которая позволяет командиру и штабу лучше видеть сильные и слабые стороны каждого из вариантов.

Далее говорится, что заполнение цифр, соответствующих каждому из вариантов действий, производится по результатам его «розыгрыша» с каждым из вариантов действий сил противника. Эти цифры говорят только о *сравнительных* достоинствах или недостатках каждого из факторов в каждом из вариантов. Обязательного требования «взвешивать» факторы нет — штаб может принять решение

считать все веса равными единице. Нет также требования о «ранжировании» значений, соответствующих одному фактору — для нескольких вариантов значения могут быть одинаковыми. Более того, вместо цифр можно вообще использовать знаки + («хорошо»), – («плохо») и 0 («неопределенно»). Соответственно, при подсчете суммы знак «плюс» воспринимается как +1, а «минус» — как –1.

Читатель может обратить внимание, что в матрице решения на рисунке 1 отсутствует фактор, больше всех остальных, с нашей точки зрения, влияющий на выбор варианта действий сил, а именно — эффективность как мера достижения цели операции. Дело в том, что на этапе анализа вариантов действий сил (их «розыгрыша») все варианты, которые не удовлетворяли требованиям «достижимости», «выполнимости» и «приемлемости», как указано выше, были отсеяны. В матрицу попали только те варианты, которые обеспечивают выполнение поставленной задачи выделенным составом сил.

Тогда вновь возникает вопрос, являющийся ключевым в данном исследовании: каким же образом наш вероятный противник оценивает эффективность действий своих и наших сил, чтобы затем использовать результат этой оценки для разработки планов операций?

Все рассмотренные выше документы США и НАТО содержат понятие *Measure of Effectiveness* (традиционная аббревиатура — *MOE*), что переводится как «мера эффективности» и в целом является аналогом нашего понятия «показатель эффективности». *NWP 5-01* издания 1998 года содержит Приложение *A-2*[47], где приводятся примеры выбора указанных *MOE* для наземных, воздушных, морских и совместных операций, отдельно боевых и небоевых. Например, в качестве *MOE* морских операций предлагаются «количество уничтоженных/поврежденных кораблей противника», «затруднение/уменьшение/сокращение/прекращение морских перевозок противника, в проц.», «средний тоннаж судов, потопленных за один день», «соотношение доставленных/потопленных грузов, в тоннах или процентах» и т. д. Следует заметить, что в данном документе указаны и числовые критерии указанных понятий, например, «затруднение» морских перевозок предполагает потопление 25—30, «уменьшение» — 30—60, «сокращение» — 60—80 и «прекращение» — более 80 % судов противника. В свою очередь, в качестве *MOE* совместных боевых операций предлагаются «успех обороны/наступления», «восстановление целостности государственных границ», «поражение системы управления противника», «успех операции по осуществлению блокады морского побережья» и др., а небоевых — «количество людей, обеспеченных едой / прививками», «число погибших в результате стихийного бедствия» и т. д.

В *CES* вопросу оценки эффективности действий сил посвящено Приложение *B*[48,49]. Отмечается, что содержание данного Приложения в значительной степени заимствовано из документов *CGSC ST 100-3* (*Army Battle Book*, в нашей терминологии — Боевой устав Сухопутных войск) и *FM 34-3* «Разведывательная подготовка зоны боевых действий». Первый раздел приведенной методики называется «Сравнительная оценка боевых возможностей» и вполне соответствует принятой в ВС РФ методике оценки соотношения сил сторон, за исключением того, что она значительно проще и в ней отсутствует описание «научной составляющей» — теоретических основ квалиметрии, квалиметрических основ военной потенциалометрии и др., о чем еще будет сказано ниже. Более того, отдельно указывается: «...хотя в процессе оцен-

ки и используются числовые соотношения, это совсем не те строгие математические вычисления, принятые в бывшем СССР. *Напротив, это преимущественно субъективные оценки*. Решение не должно основываться строго на математическом анализе. Ясные логические построения часто бывают предсказуемыми, в то время как смелое, оригинальное, дерзкое решение может являться для противника неожиданностью»[50].

После выполнения указанных вычислений штаб делает выводы о соотношении сил сторон, при этом в очередной раз указывается: «...вычисления дают штабу только относительное представление о сильных и слабых сторонах своих сил и сил противника, но *не строгие математические ответы* на вопрос, что им делать дальше»[51]. Далее приводится таблица «*минимальных* соотношений, имевших место при планировании некоторых военных операций». Соотношения эти следующие, первая цифра соответствует своим силам: 1/6 — отступление, 1/3 — оборона, 1/1 — контрнаступление, 3/1 — наступление.

Второй раздел методики называется «Уточнение анализа и определение сравнительных боевых возможностей». Суть «уточнения» заключается в следующем. Указывается, что полученные величины боевых возможностей есть не более чем эмпирические оценки, основывающиеся исключительно на представлении о сравнительном уровне развития технологий, боевых возможностей вооружения и техники, а также укомплектованности личным составом[52]. При этом отмечается, что такие факторы, как погода, особенности местности, качество руководства и управления, боевой дух и подготовленность личного состава, ограничения социального и культурного характера, технологическая разница и внезапность могут значительно повлиять на исходное соотношение сил сторон. Однако следует отдельно заметить, что исправление чисел, полученных в первом разделе, какими-либо поправками или коэффициентами, учитывающими влияние указанных факторов, не предполагается. Раздел содержит только общие рекомендации по учету этих и ряда других факторов при разработке вариантов действий сил.

Документ *NWP 5-01*[53] издания 2013 года не содержит конкретных методик оценки эффективности действий сил, однако представленный в нем подход можно охарактеризовать как системный. В приложении *G*[54] изложена методика «оперативной оценки», целью которой обозначено определение текущего состояния операции на предмет необходимости изменения действующего плана. Достижение этой цели предполагается решением таких задач, как сбор необходимых данных (как количественных, так и качественных) и их анализ на предмет выявления «трендов», а также незапланированных или нежелательных эффектов в результате действий своих сил и сил противника.

Далее отмечается следующее: «Определение целей и задач — важнейшая часть процесса планирования. Не менее важно для оценки разработать показатели, которые могут быть использованы для определения тенденций развития и степени достижения целей операции. Двумя наиболее важными показателями являются мера эффективности (*measure of effectiveness — MOE*) и мера выполнения решаемой задачи (*measure of performance — MOP*)»[55]. Разница между указанными показателями следующая: *MOP* показывает результат решения задач, а *MOE* — степень достижения целей, *MOP* фиксирует состояние, а *MOE* определяет тенденции его изменения. Указывается также, что определение *MOP* — дело достаточно несложное (это физиче-

ски измеримые параметры, которые указываются подчиненным в приказе), в то время как определение *MOE* требует интуиции, творческих способностей и опыта.

После того как группа планирования разработала совокупность *MOE*, группа оценки разрабатывает *индикаторы эффективности* (*measure of effectiveness indicators — MOEI*), в нашем понимании, именно они и являются собственно показателями эффективности. Ниже приводится пример соответствия индикаторов *MOEI* целям и задачам операции:

«Цель 1: Безопасность мореплавания в районе

Результат 1.1: Региональные угрозы не препятствуют свободе мореплавания

MOE 1.1.1: Рост / уменьшение присутствия сил противника в районе

MOEI 1.1.1.1: Общее количество кораблей, которые могут быть использованы противником

MOEI 1.1.1.2: Количество кораблей, используемое противником в настоящее время

MOE 1.1.2: Рост / уменьшение числа контактов с кораблями противника

MOEI 1.1.2.1: Количество контактов с кораблями противника в зоне радиусом *X* миль от кораблей коалиции

MOEI 1.1.2.2: Количество контактов с самолетами противника в зоне радиусом *X* миль от кораблей коалиции

MOEI 1.1.2.3: Количество обнаружений работы радиолокационных станций наведения крылатых ракет в зоне радиусом *X* миль от кораблей коалиции»[56].

В качестве вывода отмечается, что в данном вопросе «...необходимо соблюдать разумный баланс между количественной и качественной оценкой во избежание «перекоса» выводов и планов в направлении «инженерных» знаний. Крайне нежелательно перегружать подчиненные подразделения требованиями о предоставлении многочисленных данных. Необходимо избегать чрезмерных затрат столь ценного времени и усилий как своего штаба, так и подчиненных командований на выполнение детальной количественной оценки, особенно если она идет в ущерб качественной оценке, основанной на использовании опыта и интуиции командира и штаба»[57].

Вопросы организации количественного обоснования решений

Представленный обзор зарубежного опыта количественного обоснования решений показывает, что его основное отличие от аналогичного отечественного опыта заключается не в составе или методах получения тех или иных показателей, а в их интерпретации. Вместе с тем имеют место и другие отличия, которые в целом можно назвать организационными. Рассмотрим некоторые из них.

Упомянутый выше *NDP 5* определяет принципы планирования, в том числе такой принцип, как «уместность». «Уместность» предполагает: «...задачи, решаемые каждой командной инстанцией, должны обеспечивать достижение целей, определенных старшим начальником, имеющимися силами и средствами. *Первым критерием уместности* является «потребность в силах и средствах для выполнения поставленных задач». Если решение поставленных задач не обеспечивает достижение целей старшего начальника имеющимися силами и средствами, они неуместны. Нескоординированные действия, в лучшем случае, приведут к расходу сил и средств, в худшем — помешают выполнению более важных задач. *Вторым критерием уместности* является «практичность»[58]. Даже если решение поставленной задачи обе-

спечивает достижение целей, определенных старшим начальником, она неуместна, если ее нельзя выполнить имеющимися силами и средствами. Если данную задачу выполнить нельзя, командир обязан доложить об этом старшему начальнику, чтобы тот либо изменил задачу, либо выделил дополнительные силы и средства. В *Joint Planning*[59] принципы планирования изложены более обтекаемо, но их суть от этого не поменялась — план будущих действий должен быть обеспечен ресурсами в полной мере, причем при условии, что они имеются в наличии здесь и сейчас, а также с учетом их возможных потерь к моменту начала операции.

Возникает вопрос: на основании чего подчиненный может заключить, что поставленная старшим начальником задача «неуместна»? Возможно ли подобное заявление на основе произведенных «оперативно-тактических расчетов», особенно вероятностных? Очевидно, что для этого должно быть более надежное основание, каковым являются оперативно-тактические нормативы[60,61].

Другим важным отличием отечественного подхода от зарубежного является «отделение науки от службы». Опыт участия одного из авторов в мероприятиях международного военного сотрудничества в период 2011—2019 годов позволяет заключить, что уровень образования офицеров ВМС США и НАТО в области естественных наук в среднем значительно уступает принятому у нас. Но это там совершенно никого не смущает, напротив, предполагается, что каждый должен заниматься своим делом: ученые — наукой, а офицеры — службой. Возможно, именно поэтому в руководящих документах ВС США и НАТО нет сложных формул, графиков и других научных атрибутов.

Эта проблема имеет еще одну сторону. Напомним, что на заре становления научной дисциплины «исследование операций» группы ученых прикомандировывались к штабам. Ученые были людьми гражданскими, они помогали военным в вопросах планирования применения сил и особенно средств вооруженной борьбы. При этом, заметим, они не находились в непосредственном подчинении у тех командиров, в интересах которых они выполняли свою работу. Более того, они отчитывались перед своим руководством — давали независимую научную оценку деятельности тех штабов, к которым были прикомандированы. Выше мы говорили, что руководитель научной группы Ф. Морз о своей профессиональной деятельности отчитывался лично перед начальником морских операций США (согласно нашей терминологии — главнокомандующим ВМС). В наше время ситуация во многом схожая. Руководство упомянутого выше Колледжа ВМС США — военнослужащие, однако научно-педагогический состав в значительной степени состоит из людей гражданских, многие из которых приглашаются туда для выполнения конкретных работ, например, прочтения курса лекций, проведения экспертиз или участия в военных играх.

Представленный обзор зарубежного опыта количественного обоснования решений показывает, что его основное отличие от аналогичного отечественного опыта заключается не в составе или методах получения тех или иных показателей, а в их интерпретации. Вместе с тем имеют место и другие отличия, которые в целом можно назвать организационными.

В нашей стране, относительно темы данной статьи, ситуация традиционно иная: все люди, занятые количественным обоснованием решений в области применения сил (войск) флота всегда находились в прямом, а то и непосредственном подчинении у тех, для кого они это делали. Надеяться на объективность анализа в такой ситуации приходится не всегда.

Таким образом, проведенный анализ подходов к количественному обоснованию решений в области применения сил (войск) флота в нашей стране и за рубежом позволяет заключить, что в целом данные подходы имеют много общего. Важным отличием зарубежного подхода является зафиксированное в руководящих документах четкое понимание следующих положений:

- числа показателей эффективности, полученные расчетным путем, никакого самостоятельного значения не имеют: эти числа всегда содержат погрешности вне зависимости от метода, которым они были получены;
- количественные методы обоснования решений можно корректно использовать только для сравнительной оценки альтернативных вариантов;
- показатели эффективности, используемые для постановки задач силам (войскам), должны обладать свойством физической измеримости (в часах, милях, тоннах, боекомплектах и т. д.);
- использование для постановки задач вероятностных показателей (вероятность…, МО числа.., МО доли… и т. д.), равно как и иных других, не дающих однозначности и полной определенности, *недопустимо*.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. *Морз Ф.М., Кимбелл Д.Е.* Методы исследования операций / пер. с англ. М.: Сов. радио, 1956. 307 с.

[2] *Колмогоров А.Н.* Число попаданий при нескольких выстрелах и общие принципы оценки эффективности стрельбы / Труды Математического института им. В.А. Стеклова. № 12. М.: Воениздат, 1945.

[3] *Динер И.Я.* Исследование операций: учебник. Л.: ВМА, 1969.

[4] Там же.

[5] *Волгин Н.С., Махров Н.В., Юровский В.А.* Исследования операций: учебник. Л.: ВМА, 1981.

[6] *Волгин Н.С.* Математическое моделирование морских боев и операций: учебник. Л.: ВМА, 1990.

[7] *Волгин Н.С.* Применение методов теории вероятностей в оперативно-тактической области: учебник. Л.: ВМА, 1988.

[8] *Волгин Н.С.* Исследование операций: учебник. Ч. 1, 2. Л.: ВМА, 1999. 590 с.

[9] *Горев А.Г.* Введение в методологию количественного обоснования принимаемых органами военного управления решений: научная монография. СПб.: ВУНЦ ВМФ «ВМА», 2019.

[10] *Колмогоров А.Н.* Число попаданий при нескольких выстрелах…

[11] *Трухаев Р.И.* Модели принятия решений в условиях неопределенности: научная монография. М.: Наука, 1981. 258 с.

[12] *Горев А.Г.* Введение в методологию количественного обоснования…

[13] *Поленин В.И.* Об адекватности вероятностных моделей / Тематический сборник «Системный анализ при создании кораблей, комплексов вооружения и военной техники ВМФ». Вып. 13. СПб.: «Моринтех», 2003. С. 7—53.

[14] *Поленин В.И.* О применении вероятностных методов в оперативно-тактических моделях // Военная Мысль. 2004. № 3. С. 33—37.

[15] *Комаров М.П., Мешков О.К., Поленин В.И.* О критериальной постановке задач силам и обосновании решений на их выполнение / Материалы постоянно

действующего общеакадемического семинара по проблемам системного анализа при создании и применении кораблей, вооружения и военной техники. № 17. СПб.: ВМА, 2005.

[16] См. *Фишборн П.К.* Теория полезности и принятия решений / пер. с англ. М.: МО СССР, 1962. 162 с.

[17] См. *Комаров М.П.* Современные методы принятия решения: научная монография. СПб.: ВМА, 1997. 127 с.

[18] См. *Поленин В.И.* Об адекватности вероятностных моделей.

[19] См. *Поленин В.И.* О применении вероятностных методов в оперативно-тактических моделях…

[20] См. *Комаров М.П., Мешков О.К., Поленин В.И.* О критериальной постановке задач силам…

[21] Naval Planning. NDP 5. Washington, D.C.: Department of the Navy, 15 January 1996.

[22] Joint Planning. JP-01. 01 December 2020. URL: https://irp.fas.org/doddir/dod/jp5_0.pdf (дата обращения: 06.04.2023).

[23] Naval Operational Planning. NWP 5-01 (Rev. A). May 1998. URL: https://www.admiraltytrilogy.com/read/Naval_Op_Pln_NWP_5-01.pdf (дата обращения: 29.03.2023).

[24] Navy Planning. NWP 5-01. Edition December 2013. URL: https://archive.org/details/501Dec2013NWPPromulgated (дата обращения: 29.03.2023).

[25] Joint Planning. JP-01. 01 December 2020.

[26] Там же.

[27] Там же.

[28] Naval Operational Planning. NWP 5-01 (Rev. A). May 1998.

[29] Navy Planning. NWP 5-01. Edition December 2013.

[30] *Фишборн П.К.* Теория полезности и принятия решений.

[31] Naval Operational Planning. NWP 5-01 (Rev. A). May 1998.

[32] Commander's Estimate of the Situation (CES). Workbook. NWC 4111G // JMO Department, Naval War College, 30 September 2004 Rev.

[33] Joint Operational Planning Process (JOPP). Workbook. NWC 4111H // JMO Department, Naval War College, 21 January 2008. URL: https://anyflip.com/svdo/chdb/basic (дата обращения: 29.03.2023).

[34] Naval Operational Planning. NWP 5-01 (Rev. A). May 1998.

[35] Joint Operational Planning Process (JOPP). Workbook. NWC 4111H. P. 10.

[36] Там же. P. 71.

[37] Там же. P. 71.

[38] Там же. P. 71—72.

[39] Commander's Estimate of the Situation (CES). Workbook. NWC 4111G P. 68.

[40] Joint Operational Planning Process (JOPP). Workbook. NWC 4111H. P. 85.

[41] Commander's Estimate of the Situation (CES). Workbook. NWC 4111G P. 110.

[42] Joint Operational Planning Process (JOPP). Workbook. NWC 4111H. P. 85.

[43] Там же. P. 75.

[44] Там же. P. 119.

[45] Commander's Estimate of the Situation (CES). P. 110.

[46] Joint Operational Planning Process (JOPP). P. 121.

[47] Naval Operational Planning. NWP 5-01 (Rev. A). May 1998. P. 155—159.

[48] Commander's Estimate of the Situation (CES). P. 93—96.

[49] Joint Operational Planning Process (JOPP). P. 101—106.

[50] Там же. P. 101.

[51] Там же. P. 103.

[52] Там же. P. 104.

[53] Navy Planning. NWP 5-01. Edition December 2013.

[54] Там же. P. 205—218.

[55] Там же. P. 206.

[56] Там же. P. 217.

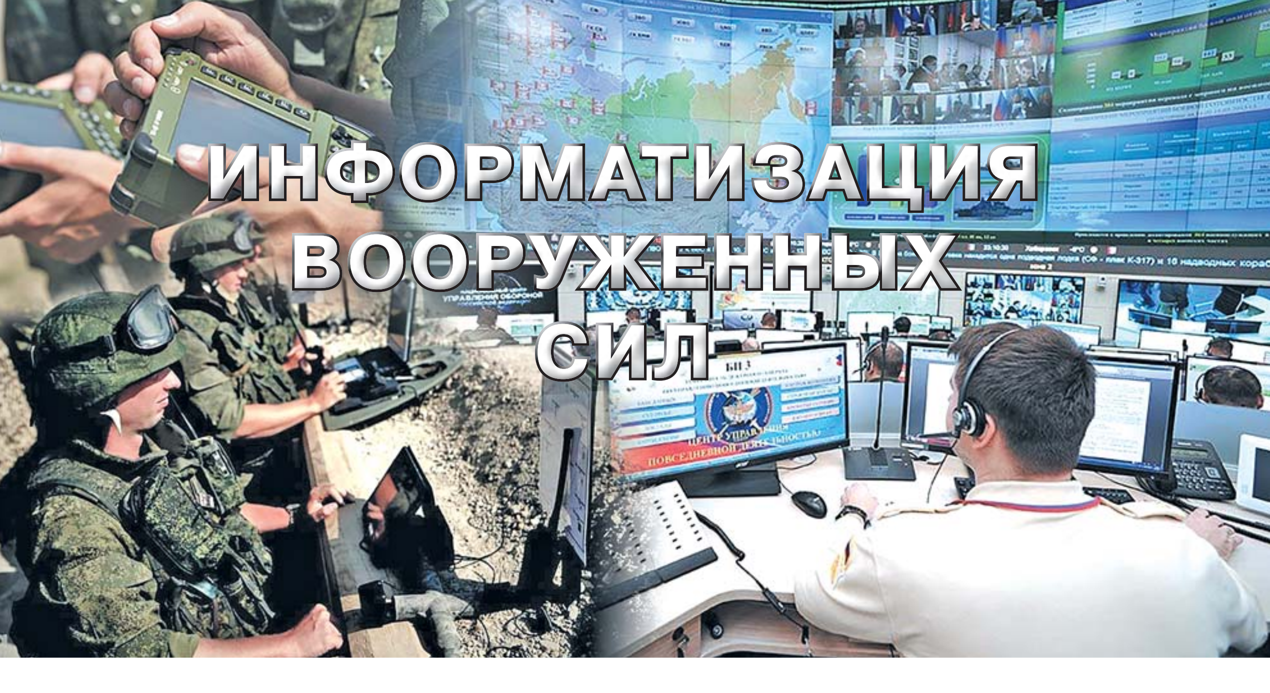
[57] Там же. P. 217.

[58] Naval Planning. NDP 5. Washington, D.C.: Department of the Navy, 15 January 1996. P. 10.

[59] Joint Planning. JP-01. 01 December 2020. P. 38.

[60] Оперативно-тактические нормативы ВМС США и НАТО (ОТН-87). М.: МО СССР, 1987. 146 с.

[61] Оперативно-тактические нормативы ВС США и НАТО (ОТН-2010). М.: МО РФ, 2010. 247 с.

Военные приложения задач о потоках и разрезах в сети

Генерал-лейтенант О.В. МАСЛЕННИКОВ

Полковник запаса Ф.К. АЛИЕВ,
доктор физико-математических наук

Капитан 1 ранга С.А. БЕСПАЛОВ,
кандидат технических наук

Подполковник А.Е. ГАЙНОВ,
кандидат технических наук

АННОТАЦИЯ

Обсуждаются военные приложения задач о максимальном потоке, минимальном разрезе в транспортной сети и задачи о потоке в сети с ограничениями. Указывается на высокую вычислительную сложность некоторых современных вариантов военных задач о сетевых потоках.

ABSTRACT

The paper discusses military applications of maximum flow, minimum cut in a transportation network, and flow problems in a network with constraints. The high computational complexity of some modern variants of military network flow problems is pointed out.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Военная логистика, транспортная сеть, железнодорожная сеть, модель, исток, сток, пропускная способность, поток в сети, разрез в сети, вычислительная система военного назначения, классический компьютер, квантовый компьютер, гибридная вычислительная система, задача о максимальном потоке, задача о минимальном разрезе, задача о потоке в сети с ограничениями.

KEYWORDS

Military logistics, transportation network, railroad network, model, source, drain, throughput, flow in network, cut in network, military computer system, classical computer, quantum computer, hybrid computer system, maximum flow problem, minimum cut problem, flow in network with constraints.

В 1999 ГОДУ в США был рассекречен отчет[1], подготовленный в 1955 году исследователем ВВС США Томасом Е. Харрисом (*Thomas E. Harris*) и генералом армии США Фрэнком С. Россом (*Frank S. Ross*). Содержание данного отчета составили результаты исследования железнодорожной сети, соединяющий СССР со странами-союзниками в Восточной Европе. В отчете представлена модель этой сети в виде графа с 44 вершинами, соответствующими географическим регионам, и 105 ребрами, указывающими связи между регионами в железнодорожной сети. Этот граф приведен в данной статье на рисунке[2].

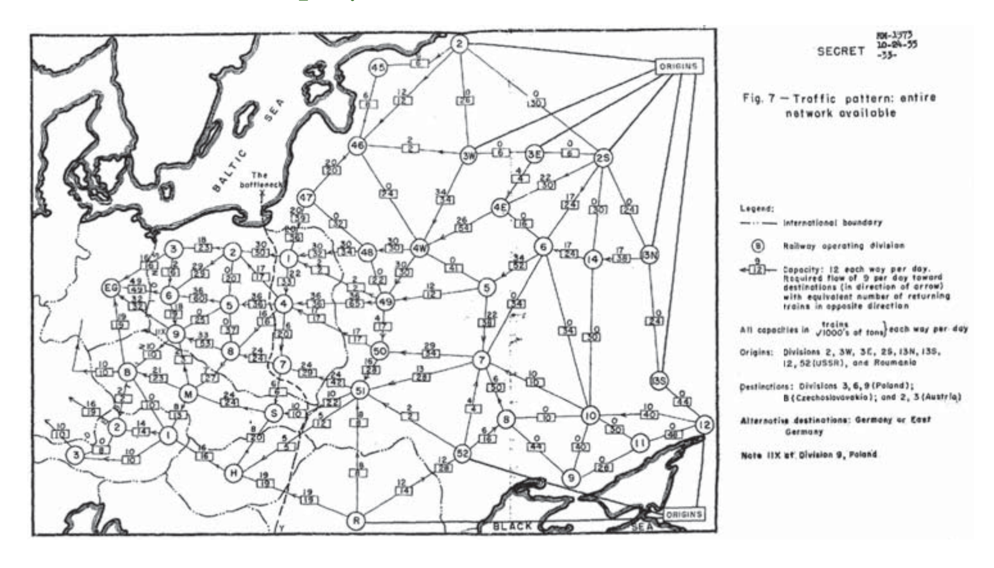

Рис. Графовая модель (карта) Харриса и Росса железнодорожной сети в странах Варшавского договора

В этом графе каждое ребро имеет направление и вес, обозначающий максимальную скорость, с которой материальные средства могли быть доставлены из одного региона в другой.

Методом проб и ошибок авторы отчета решили следующие две задачи:

• определить *максимальный объем* материальных средств, которые можно было бы переместить по железнодорожной сети из Советского Союза в Европу в течение заданного количества времени;

• разработать *самый дешевый способ* разорвать рассматриваемую сеть, удаляя определенные связи (т. е. более конкретно — разрушая определенную часть железнодорожной сети), совокупность которых авторы назвали «узким местом» (*the bottleneck*).

Переходя на язык математики, можно сказать, что для обеих задач исходными данными (т. е. входными данными для выбранных алгоритмов решения) являются:

1) ориентированный взвешенный граф $G=(V, E)$, где:

G — графовая модель железнодорожной сети;

V — множество вершин графа G, каждая вершина $v \in V$ отражает в модели конкретный регион в железнодорожной сети;

E — множество ребер в графе *G* с направлениями и весами; у каждого ребра $e \in E$ имеется начало в некоторой вершине $x \in V$ и конец в другой вершине $y \in V$, что отражается в виде записи $e=(x,y)$ и ребро *e* считается направленным от вершины *x* к вершине *y*; направленное ребро $e=(x,y)$ отражает связь между регионами *x* и *y*, при этом полагается, что материальные ресурсы перемещаются из региона *x* в регион *y* со скоростью, не превышающей вес $c(e)=c(x,y)$ ребра $e=(x,y)$; вес $c(e)$ трактуется как *пропускная способность* (*capacity*) ребра *e* и рассматривается как значение числовой функции пропускной способности $c(x,y)$, определенной на множестве пар вершин графа *G*;

2) две особые вершины $s \in V$ и $t \in V$, которые называются соответственно *истоком* (*source*) и *стоком* (*sink*); исток — это регион-пункт отправки материальных средств, а сток — это регион — пункт доставки материальных средств.

Считается, что обсуждаемое исследование Харриса и Росса железнодорожной сети, связывающей СССР со странами-союзниками в Восточной Европе, — это одно из первых документально подтвержденных приложений задач поиска *максимального потока* (*maximum flow problem*) и *минимального разреза* (*minimum cut problem*) графа[3]. Здесь под задачей поиска максимального потока интуитивно понимается задача нахождения максимальной скорости, с которой материальный ресурс может быть перемещен из истока сети в сток сети. А под задачей поиска минимального разреза понимается задача нахождения минимального повреждения (разрыва) сети для отделения истока от стока.

С исходными данными к указанным задачам вроде бы все ясно. Выше они были указаны. Однако с их решениями (что надо найти) вопросы остаются. Интуитивного понимания указанных задач недостаточно для установления определенности, что же является их решениями. Требуются более точные формулировки, которые предоставляет соответствующий раздел[4] математики. Обратимся к ним.

На математическом языке под *(s,t)-потоком* (или просто *потоком* (*flow*), если исток и сток понятны из контекста) для графа *G* понимается числовая функция *f*, определенная на множестве пар вершин графа *G* и удовлетворяющая следующим условиям:

- каждому ребру $(x,y) \in E$ функция *f* сопоставляет некоторое неотрицательное действительное число $f(x,y)$, называемое потоком из вершины *x* в вершину *y*.
- если в графе *G* отсутствует ребро (x,y), то полагается, что $f(x,y)=0$.
- для каждой вершины $v \in V$, отличной от *s* и *t* (т. е. *v* не является истоком и *v* не является стоком) функция *f* удовлетворяет свойству «*ограничение сохранения*» (*conservation constraint*); данное свойство заключается в следующем: общий поток в *v* (т. е. сумма потоков из всех вершин графа *G* в вершину *v*) равен общему потоку из *v* (то есть сумме потоков из вершины *v* во все вершины графа *G*); таким образом, выполнение ограничения сохранения означает, что реализуется принцип — «сколько приходит, столько и уходит».

Поток *f* для графа *G* называется *выполнимым потоком*, если для каждого ребра (x,y) графа *G* значение $f(x,y)$ из вершины-начала *x* этого ребра в его вершину-конец *y* не превосходит пропускной способности $c(x,y)$ этого ребра.

Величиной (*s,t*)-потока *f* (величина обозначается как $|f|$) называется число, равное разности общего потока **из** истока *s* (т. е. суммы потоков из вершины *s* во все вершины графа *G*) и общего потока **в** исток *s* (т. е. суммы потоков из всех вершин графа *G* в вершину *s*).

В рамках введенных понятий и обозначений строгая математическая формулировка задачи о максимальном потоке может быть представлена следующим образом.

Задача *поиска максимального потока* для заданного ориентированного взвешенного графа G с истоком s и стоком t и с заданной функцией пропускной способности — это вычисление (нахождение) выполнимого (s,t)-потока f, величина $|f|$ которого максимально возможная. Здесь максимум берется по всем выполнимым (s,t)-потокам графа G.

Теперь перейдем к формулировке задачи минимального разреза графа G.

(s,t)-*разрезом* (или просто *разрезом* (*cut*), если исток и сток понятны из контекста) ориентированного взвешенного графа $G=(V,E)$ с истоком s и стоком t и с функцией пропускной способности $c(x,y)$ называется разбиение множества вершин V на два непересекающиеся множества S и T, содержащие соответственно исток s и сток t. Разрез обозначается как (S,T). При этом *пропускной способностью разреза* (S,T) называется сумма пропускных способностей всех ребер, которые начинаются в S и заканчиваются в T. Пропускная способность разреза (S,T) обозначается как $||S,T||$.

Строгая математическая формулировка задачи о минимальном разрезе может быть представлена следующим образом.

Задача *поиска минимального разреза* для заданного ориентированного взвешенного графа G с истоком s и стоком t и с заданной функцией пропускной способности — это вычисление (нахождение) (s,t)-разреза (S,T), пропускная способность $||S,T||$ которого минимально возможная. Здесь минимум берется по всем (s, t)-разрезам графа G.

Очевидно, что приведенные математические формулировки задач о максимальном потоке и минимальном разрезе вносят полную ясность об их решениях как объектах соответствующего поиска.

Надо отметить, что в настоящее время задача поиска максимального потока имеет широкие приложения в различных производственных и транспортных отраслях. Действительно, ориентированный граф можно рассматривать, например, как модель (или схему) сети труб, по которым некоторое вещество движется от *истока* (где оно производится с некоторой постоянной скоростью) к *стоку* (где оно потребляется с той же скоростью). Вместо потоков вещества можно рассматривать движение тока по проводам, деталей по конвейеру, сигналов по линиям связи или материальных средств от мест производства (или хранения) к потребителю.

Множеству труб сети в рассматриваемом графе $G=(V,E)$ соответствует множество направленных ребер E, а начала и концы всех труб ассоциируются с вершинами V. В этом случае число $c(e)$ на ребре $e \in E$ графа G полагается равным пропускной способности соответствующей трубы — максимальной скорости потока в этой трубе. Например, она может быть 200 литров в час (если вещество — жидкость). Если говорить о других возможных приложениях, то, например, $c(e)$ — это 10 метров как ширина участка дороги (если речь идет об автомобильном транспорте, перевозящем руду) или 10 ампер как максимальная сила тока на участке электрической сети (если речь идет об электричестве) и т. д.

Полагается, что на объектах (начала и концы труб, или начала и концы участков дороги, или начальные и концевые узловые соединения электрических проводов и т. д.), соответствующих вершинам графа G, не являющихся истоком s или стоком t, вещество (или любой транспортируемый по сети ресурс, например,

электричество) не накапливается — сколько приходит, столько и уходит в соответствии со свойством, названным выше *ограничением сохранения* (иногда встречается и такое название, как *закон сохранения потока* (*flow conservation*)). Для электрического тока это свойство называется первым правилом Кирхгофа (*Kirchoffs Current Law*).

Содержание задачи о максимальном потоке для каждой конкретной сети состоит в следующем: найти максимально возможную скорость производства (и потребления) вещества, при которой его (т. е. вещество) еще можно доставить от истока к стоку при заданных пропускных способностях труб сети.

Приведем еще одну иллюстрацию существенной практической значимости приложений задачи о максимальном потоке. Область космических исследований очень далека по своей предметной составляющей от железнодорожных сетей. Но и здесь алгоритмы решения задачи о максимальном потоке нашли эффективные применения при решении разного рода оптимизационных задач. Для примера рассмотрим **задачу, связанную с экспериментами в космосе**[5]. Она является оптимизационной задачей. И, на первый взгляд, казалось бы, совершенно другого типа, не имеющего никакого отношения к задаче поиска максимального потока. Однако в настоящее время найден такой способ ее решения, где можно эффективно использовать алгоритмы решения задачи поиска максимального потока. Учитывая универсальное значение данной задачи (для военных приложений и гражданских нужд), сформулируем ее в самом общем виде без привлечения военной терминологии.

Институт космических исследований готовит серию $A=\{A_1,A_2,\ldots,A_m\}$ экспериментов в космосе. За результат эксперимента A_i заказчики выплачивают p_i рублей, где $i\in\{1,2,\ldots,m\}$. Для выполнения этой работы требуются приборы из множества приборов $B=\{B_1,B_2,\ldots,B_n\}$, а именно, для проведения эксперимента A_i требуется подмножество (т. е. набор) приборов R_i из множества приборов B. Стоимость доставки в космос прибора B_k составляет c_k рублей, где $k\in\{1,2,\ldots,n\}$. Требуется выяснить, какие эксперименты следует проводить, чтобы прибыль (т. е. доход от экспериментов минус стоимость доставки в космос нужных приборов) была максимальной.

Главным (но не окончательным) этапом в решении данной задачи является решение задачи о максимальном потоке для сети, моделируемой ориентированным взвешенным графом $G=(V,E)$, устроенным следующим образом.

Множество вершин V состоит из истока s, стока t, вершин $B_1, B_2, \ldots, B_n$ (соответствующих приборам $B_1, B_2, \ldots, B_n$) и вершин $A_1, A_2, \ldots, A_m$ (соответствующих экспериментам $A_1, A_2, \ldots, A_m$). Здесь вершины графа, соответствующие приборам и экспериментам, обозначены теми же символами, что и сами приборы и эксперименты.

Множество ребер E состоит из ребер $(s,B_1), (s,B_2), \ldots, (s,B_n)$ (соответственно с пропускными способностями $c_1, c_2, \ldots, c_n$) и ребер $(A_1,t), (A_2,t), \ldots, (A_m,t)$ (соответственно с пропускными способностями $p_1, p_2, \ldots, p_m$), а также ребер с бесконечной пропускной способностью вида (B_k,A_i), если $B_k\in R_i$ (здесь $i\in\{1, 2,\ldots,m\}$, $k\in\{1,2,\ldots,n\}$).

Похожим образом задача о максимальном потоке (или задача о минимальном разрезе) используется и при решении следующей важной **задачи составления планов перелетов самолетов военно-транспортной авиации**. Центру контроля и координации полетов авиации Национального центра управления обороной Российской Федерации необходимо обеспечить военные пе-

ревозки (т. е. заданный набор рейсов), используя как можно меньше (в силу определенных условий) самолетов. Для каждого рейса известны время отправления и длительность полета. Также для каждой пары рейсов i и j известно, сколько времени потребуется для подготовки самолета, завершившего рейс i, к рейсу j (это время зависит, в частности, от того, где завершился рейс i и где начнется рейс j). Составить допустимый (выполнимый) план перелетов, минимизирующий количество самолетов.

Или вот еще, для примера, рассмотрим так называемую *задачу о назначениях*, которая, на первый взгляд, не имеет ничего общего с задачей поиска максимального потока. Эту задачу в той или иной версии довольно часто приходится решать военным кадровым органам. Самая общая формулировка **задачи о назначениях в варианте для военных кадровых органов** заключается в следующем: в распоряжении военного кадрового органа имеется n военнослужащих $B_1, B_2, \dots, B_n$ (каждый со своим набором специализаций) и m вакантных должностей $D_1, D_2, \dots, D_m$, каждую из которых может занимать военнослужащий, имеющий специализацию, соответствующую этой должности; требуется распределить военнослужащих по должностям таким образом, чтобы количество занятых должностей было максимальным.

Решение той же самой задачи о назначениях актуально и при применении, например, различных образцов вооружения $B_1, B_2, \dots, B_n$ для отражения массированной атаки противника с использованием с его стороны живой силы, а также различных типов и образцов вооружения и военной техники $D_1, D_2, \dots, D_m$. В этом случае речь идет об определенном **узком** варианте **задачи целераспределения** (напомним, что задача целераспределения в **общем** случае является сложной оптимизационной задачей, имеющей широко востребованные на практике варианты, математическим эквивалентом которых является *задача бинарного целочисленного программирования*[6]). Целераспределение — это назначение определенной цели определенному средству, сделанное оптимальным образом по заданному критерию. Пусть таким критерием является, например, требование достижения максимума числа нейтрализованных (уничтоженных) средств противника из $D_1, D_2, \dots, D_m$, при условии, что известны числа $r(B_k,D_i)$ для каждого своего образца вооружения B_k и каждого средства D_i противника, где $i\in\{1,2,\dots,m\}$, $k\in\{1,2,\dots,n\}$). Предполагается, что $r(B_k,D_i)=1$, если средство D_i может быть нейтрализовано (уничтожено) образцом вооружения B_k, и $r(B_k,D_i)=0$, в противном случае.

Задача о назначениях в варианте для военных кадровых органов и приведенный выше **узкий** вариант задачи боевого целераспределения в математическом смысле равносильны (эквивалентны). Поэтому далее можно ограничиться обсуждением одной из них. Для определенности пусть этой задачей будет кадровая задача о назначениях.

Решение кадровой задачи о назначениях может быть получено путем решения задачи о максимальном потоке для сети, моделируемой ориентированным взвешенным графом $G=(V,E)$, устроенным следующим образом.

Множество вершин V состоит из истока s, стока t, вершин $B_1, B_2, \dots, B_n$ (соответствующим взаимнооднозначно n военнослужащим) и вершин $D_1, D_2, \dots, D_m$ (соответствующим взаимнооднозначно m должностям $D_1, D_2, \dots, D_m$). Здесь вершины графа, соответствующие военнослужащим и должностям, обозначены теми же символами, что и сами военнослужащие и должности.

В настоящее время задача поиска максимального потока имеет широкие приложения в различных производственных и транспортных отраслях. Действительно, ориентированный граф можно рассматривать, например, как модель (или схему) сети труб, по которым некоторое вещество движется от истока (где оно производится с некоторой постоянной скоростью) к стоку (где оно потребляется с той же скоростью). Вместо потоков вещества можно рассматривать движение тока по проводам, деталей по конвейеру, сигналов по линиям связи или материальных средств от мест производства (или хранения) к потребителю.

Множество ребер E состоит из ребер (s,B_1), (s,B_2), … , (s,B_n) и ребер (D_1,t), (D_2,t), … , (D_m,t), а также ребер вида (B_k,D_i), если военнослужащий B_k имеет специализацию, соответствующую должности D_i (здесь $i\in\{1,2,\dots,m\}$, $k\in\{1,2,\dots,n\}$). Все ребра в множестве E имеют пропускную способность, равную 1. Далее, применив с использованием классической вычислительной техники один из известных алгоритмов полиномиальной временной сложности для решения задачи о максимальном потоке, получаем ответ для задачи о назначениях.

Обсуждая важные для военной логистики и вообще всей области военной деятельности задачи комбинаторной оптимизации, к которым относятся и задачи поиска максимального потока и минимального разреза в ориентированном взвешенном графе, можно отметить следующее. В своем исследовании[7] Т. Харрис и генерал Ф. Росс решали в середине 50-х годов прошлого века эти две задачи вне связи друг с другом относительно одного и того же объекта — железнодорожной сети, соединяющий СССР со странами-союзниками в Восточной Европе. В те времена не было достаточно развитого подходящего математического аппарата и соответствующей вычислительной техники для решения подобных задач комбинаторной оптимизации. Такой математический аппарат начинал только зарождаться. И начальные успехи в этом направлении были связаны с тем, что примерно в то же время или незначительно позже к решению этих задач подключились выдающиеся математики XX века. Среди них Лестер Форд (*Lester Ford*), Делберт Фалкерсон (*Delbert Fulkerson*), Питер Элиас (*Peter Elias*), Эмиел Файнштейн (*Amiel Feinstein*) и Клод Шеннон (*Claude Shannon*). Упоминание в данной статье этих математиков связано с тем, что Л. Форд и Д. Фалкерсон в 1954 году[8] и независимо от них П. Элиас, Э. Файнштейн и К. Шеннон в 1956 году[9] сформулировали и доказали так называемую теорему о максимальном потоке и минимальном разрезе (*Maxflow-Mincut*), в которой представлено удивительное свойство транспортных сетей. Содержание данной теоремы формулируется следующим образом: **в каждой транспортной сети с истоком *s* и стоком *t* величина максимального (*s,t*)-потока равна пропускной способности минимального (*s,t*)-разреза**.

Иными словами, используя терминологию, принятую в исследовании Т. Харриса и генерала Ф. Росса[10], можно сказать, что **пропускная способность «узкого места» *(the bottleneck)*, обеспечивающего своим удалением из транспортной сети самый дешевый способ ее разрушения, равна максимальной скорости, с которой материальный ресурс может быть перемещен по сети из истока в сток**.

Удивительным в теореме о максимальном потоке и минимальном разрезе является не тот факт, что максимальный поток в сети не превышает минимального разреза, что несложно доказать и, более того, почти очевид-

но из «физических соображений». Удивительным является (и никоим образом не является очевидным) тот факт, что верхняя граница для величины потоков в каждой произвольной сети может быть достигнута. То есть удивительным, но не очевидным, является то, что в сети всегда можно найти поток, величина которого равна верхней границе — пропускной способности минимального разреза.

Доказательства теоремы о максимальном потоке и минимальном разрезе, представленные вышеуказанными математиками (Л. Фордом и Д. Фалкерсоном — первое доказательство в 1954 году, П. Элиасом, Э. Файнштейном и К. Шенноном — второе доказательство в 1956 году), независимы[11] и сильно отличаются друг от друга. Они различаются настолько, что встречаются даже мнения об их взаимной «альтернативности»[12]. Однако из обоих доказательств следует, как впоследствии выяснилось, справедливость следующих заключений:

во-первых, доказательства теорем, по сути, предоставляют алгоритм вычисления максимальных потоков;

во-вторых, задачи о максимальном потоке и минимальном разрезе имеют одинаковую временную трудоемкость;

в-третьих, любой алгоритм решения задачи о максимальном потоке подходит (в определенном смысле[13]) и для решения задачи о минимальном разрезе;

в-четвертых, если все пропускные способности ребер графа являются целыми числами, то существует максимальный поток, величина которого является целым числом (т. е. существует целый максимальный поток);

в-пятых, к результату, изложенному в теореме о максимальном потоке и наименьшем разрезе, сводится более общая задача относительно потока и разреза в сети, которая отличается от исходной большим количеством истоков и стоков (могут быть любые числа истоков и стоков, превышающие 1). Это сведение осуществляется путем модификации графовой модели сети через создание (добавление) вершины-суперистока, которая «питает» все истоки, и вершины-суперстока, которая «поглощает» все стоки[14].

Современные алгоритмы решения задач о максимальном потоке и минимальном разрезе имеют полиномиальную временную сложность (такие алгоритмы в теории сложности вычислений принято считать «хорошими» алгоритмами) и хорошо реализуются на классических вычислительных системах. Они принципиально отличаются от алгоритмов, указанных в первом из вышеприведенных заключений. Более того, уже достаточно долгое время существуют широко известные и популярные библиотеки, такие как, например, *GOBLIN*[16,17] и *LEDA*[18,19], которые содержат обширные коллекции процедур на язык С++ для всех стандартных задач оптимизации на графах, включая процедуры поиска максимального потока и минимального разреза. Поэтому не существует, в общем, никаких проблем для их эффективного решения на классической (т. е. привычной нам) вычислительной технике в целях различных приложений, в том числе и в военной области.

Таковы некоторые важные элементы истории зарождения и развития комплекса подходов к решению определенного класса комбинаторных задач, связанных с потоками и разрезами в сети. Содержание указанных элементов свидетельствует о том, что потребности решения практических задач в военной области внесли свой немаловажный вклад в развитие этого направления. Таким образом, в очередной раз подтвердилось известное положение: военное дело —

один из эффективных двигателей прогресса в науке и технике. Все это было, это достижение прошлого, несмотря на то, что оно широко и активно используется и в настоящее время. Поэтому, естественно, напрашиваются следующие вопросы.

Все задачи комбинаторной оптимизации в настоящее время хорошо решаются и нет необходимости в дальнейшем прогрессе? Все ли в настоящее время в области приложений задач комбинаторной оптимизации в военном деле доступно для решения с использованием классической вычислительной техники? Достаточна ли производительность классической вычислительной техники для их решения?

Почти на все эти и подобные вопросы ответ отрицательный. И он обусловлен прежде всего ограниченностью производительности классической вычислительной техники (ограничено сверху величиной 10^{123} операций за одну секунду)[20], которая более или менее сносно пригодна для решения класса задач, для которых известны алгоритмы полиномиальной временной сложности, но практически малоэффективна при решении задач за его пределами. А таковых задач очень много и в военной области. Далее обратим внимание на них.

В связи с изменениями в настоящее время в методах и способах ведения вооруженного противоборства, развитием и совершенствованием вооружения, военной и специальной техники, возникают задачи, математические эквиваленты которых не укладываются в рамки множества задач, для которых известны «хорошие» алгоритмы решения. В частности, эти задачи не сводятся к задачам, подобным задачам о максимальном потоке и минимальном разрезе в смысле, обсуждаемом выше. Примерами таких задач являются задачи из области военной деятельности, эквивалентные в математическом аспекте различным вариантам задач о потоках и разрезах сети, но с дополнительными ограничениями. Эти ограничения таковы, что для решения указанных задач не найдены алгоритмы полиномиальной временной сложности, а известны лишь экспоненциальные алгоритмы. А как известно, в теории сложности вычислений полагается, что такие алгоритмы не следует считать «хорошими», а следовательно, и сами задачи не считаются «хорошо» решаемыми. Примером такой задачи является задача *о потоке в сети с ограничениями*[21], которая формулируется следующим образом.

Заданы ориентированный взвешенный граф $G=(V,E)$ с двумя выделенными вершинами s и t (исток и сток соответственно), набор P ориентированных путей в графе G и целое положительное число R. Здесь каждый путь $p \in P$ — это последовательность из чередующихся различных вершин и различных ребер графа G, которая начинается и кончается вершинами. Началом и концом каждого ребра каждого пути являются вершины, из которых одна предшествует этому ребру, а другая непосредственно следует за ним. Задана также для каждого ребра $e \in E$ пропускная способность $c(e)$, являющаяся целым положительным числом.

Надо найти такую функцию g с целыми положительными значениями (или доказать, что ее не существует), определенную на множестве путей P, что если потоковая функция f на каждом ребре $e \in E$ принимает значение $f(e)$, равное сумме значений $g(p)$, где сумма берется по всем путям $p \in P$, содержащим ребро e, то f удовлетворяет следующим условиям:

1) $f(e) \le c(e)$ для всех $e \in E$;

2) в каждой вершине v графа G, отличной от s и t, поток сохраняется;

3) в вершину t втекает поток, не меньший R.

Сформулированная задача *о потоке в сети с ограничениями* является математическим эквивалентом, например, **задач военной логистики**, в которых предполагается обеспечение поставок материальных средств и вооружений при одновременном выполнении следующих двух условий.

Во-первых, распределение (т. е. диверсификация) поставок из истока в сток по заданному набору различных путей в целях достижения достаточного уровня значений важнейших в военном деле характеристик процесса поставок таких, как устойчивость, живучесть, надежность, своевременность и т. д.

Во-вторых, объем поставок в сток ограничен снизу (нельзя меньше; из опыта СВО: если речь идет об артиллерийских снарядах, например, как в случае наступательной операции, то их количество должно быть достаточным для подавления артиллерийским огнем активного сопротивления противника, «засевшего» на штурмуемых объектах) минимальной потребностью стока.

Задача *о потоке в сети с ограничениями* является типичной задачей поиска (*search problem*), и для ее решения не известны алгоритмы полиномиальной временной сложности. Нет никаких оснований для перспективы существенного прогресса в разработке таких алгоритмов, пригодных для эффективной реализации на классической вычислительной технике. Но для этой задачи хорошо известны алгоритмы экспоненциальной временной сложности. Для последних характерен существенно быстрый рост сложности (по сравнению с алгоритмами полиномиальной временной сложности) по мере роста длины входа решаемой задачи.

Общей чертой подобных задач, проявляющейся при их решении со значениями параметров, представляющих интерес для практических приложений, являются высокие требования к производительности используемых вычислительных систем и объему памяти для данных. Как следует из вышеуказанного, классические вычислительные системы не подходят для их решения в силу недостаточной производительности классических компьютеров для реализации алгоритмов экспоненциальной временной сложности. В связи с этим напрашивается естественный вопрос: где же выход, как найти вычислительные ресурсы, достаточные для решения военных задач, для которых не имеется алгоритмов решения полиномиальной временной сложности, но существуют алгоритмы решения экспоненциальной временной сложности?

В качестве ответа на данный вопрос предлагается обратить внимание на **гибридные вычислительные системы**, представляющие собой сочетание классической и квантовой подсистем и способные выполнять и классические, и квантовые вычисления.

Гибридные вычислительные системы и общие принципы их работы были достаточно подробно описаны в работе, опубликованной в 2023 году в военно-теоретическом журнале «Военная Мысль»[22]. В этой публикации предлагалось в качестве квантовой подсистемы гибридной вычислительной системы использовать квантовые компьютеры, прототипами которых являются квантовые вычислители, подобные китайским квантовым фотонным вычислителям Цзючжан (*Jiuzhang*), Цзючжан-2 (*Jiuzhang* 2.0), а также канадскому квантовому фотонному компьютеру Бореалис (*Borealis*), появившимся соответственно в 2020, 2021 и 2022 годах. Но за время, прошедшее после этой публикации, появилось сообщение о создании в 2023 году в Китае квантового фотонного вычислителя Цзючжан-3 (*Jiuzhang* 3.0), который существенно превышает по своей вычислитель-

ной мощи предыдущие квантовые вычислители, указанные выше[23]. Для формирования представления о вычислительной производительности этого квантового компьютера авторы сообщения использовали сравнение с самым мощным в мире классическим суперкомпьютером Фронтиер (*Frontier*, США), производительность которого оценивается величиной 1,1 эксафлопс (1 эксафлопс = 10^{18} флопс). Результаты этого сравнения описаны примерно следующим образом: «Цзючжан-3 решил задачу… высокой сложности за 1,27 микросекунд. Самому быстрому в настоящее время классическому суперкомпьютеру Фронтиер для этого потребовалось бы $3{,}1 \times 10^{10}$ лет». Что несколько проще можно изложить так: «на выполнение того, что может вычислить Цзючжан-3 за одну миллионную долю секунды, самому мощному в настоящее время классическому суперкомпьютеру Фронтиер потребовалось бы более 20 миллиардов лет работы». Колоссальные и ошеломляющие воображение числа, характеризующие производительность квантового вычислителя Цзючжан-3, недоступные никаким ныне существующим классическим вычислительным системам! Это позволяет говорить о высоком потенциале гибридных вычислительных систем для решения сложных в вычислительном плане военных задач, примерами которых являются и указанные выше военные логистические задачи, эквивалентные известной сложной задаче комбинаторной оптимизации — задаче *о потоке в сети с ограничениями*.

В заключение статьи можно сделать следующие выводы в связи со сказанным выше о сложности современных военных задач и о сложившейся тенденции высокой скорости нарастания достижений в области разработки и создания квантовых вычислителей (имеется в виду то, что каждый очередной год знаменует собой достижение по созданию квантовых вычислителей с производительностью, существенно превышающей достижения предыдущих лет).

В ближайшие 5—7 лет уровень решения определенного круга сложных военных задач будет повышен (т. е. будет уменьшено время решения и будут увеличены доступные входные размеры задач) путем применения гибридных вычислительных систем.

Указанный уровень решения сложных военных задач станет недоступным для достижения только лишь с применением классической вычислительной техники, т. е. классические вычисления, образно говоря, исчерпают себя.

Наступающая эра гибридных вычислительных систем обусловливает существенное усиление и ускорение выработки и реализации комплекса необходимых мер по их (т. е. гибридных вычислительных систем) скорейшей разработке, созданию и внедрению в состав вычислительной ин-

Задача о потоке в сети с ограничениями является типичной задачей поиска (search problem), и для ее решения не известны алгоритмы полиномиальной временной сложности. Нет никаких оснований для перспективы существенного прогресса в разработке таких алгоритмов, пригодных для эффективной реализации на классической вычислительной технике. Но для этой задачи хорошо известны алгоритмы экспоненциальной временной сложности. Для последних характерен существенно быстрый рост сложности (по сравнению с алгоритмами полиномиальной временной сложности) по мере роста длины входа решаемой задачи.

фраструктуры военного назначения в целях повышения ее вычислительной мощи до уровня, вполне отвечающего вызовам современного мира в области обороны и безопасности. Это также позволит соответствующим секторам промышленности и науки России повысить возможности их вычислительной инфраструктуры за счет учета и использования опыта и достижений в совершенствовании вычислительной инфраструктуры военного назначения. Таким образом, появляется возможность в очередной раз подтвердить справедливость известного положения: военное дело — один из эффективных двигателей прогресса в науке и технике.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Thomas E. Harris and Frank S. Ross.* Fundamentals of a method evaluating rail capacities. The RAND Corporation, Research Memorandum RM-1517, October 24, 1955. United States Government work in the public domain. http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/093458.pdf (дата обращения: 10.11.2023).

[2] *Эриксон Джефф.* Алгоритмы / пер. с англ. М.: ДМК Пресс, 2023. 526 с.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] *Кормен Т., Лейзерсон Ч., Ривест Р.* Алгоритмы: построение и анализ. М.: МЦНМО, 1999. 960 с.

[6] *Масленников О.В. и др.* О вычислительной сложности современных военных задач / О.В. Масленников, Ф.К. Алиев, С.А. Беспалов, Е.С. Митрошин // Военная Мысль. 2023. № 2. С. 72—85.

[7] *Thomas E. Harris and Frank S. Ross. Fundamentals of a method evaluating rail capacities.*

[8] *Ford L., Fulkerson D.* Maximal flow through a network, Can. J. Math., 51 (1956), 399.

[9] *Elias P., Feinstein A., Shannon C.* A note on maximum flow through anetwork, Trans. IRE, IT-2, 4 (1956), 117.

[10] *Thomas E. Harris and Frank S. Ross.* Fundamentals of a method evaluating rail capacities.

[11] *Эриксон Джефф.* Алгоритмы.

[12] *Корте Б., Фиген Й.* Комбинаторная оптимизация. Теория и алгоритмы / пер. с англ. М.: МЦНМО, 2015. 720 с.

[13] *Стивенс Р.* Алгоритмы. Теория и практическое применение / пер. с англ. М.: Эксмо, 2020. 544 с.

[14] *Скиена С.* Алгоритмы. Руководство по разработке / пер. с. англ. СПб.: БХВ-Петербург, 2021. 720 с.

[15] *Масленников О.В. и др.* О вычислительной сложности современных военных задач.

[16] URL: http://www.math.uni-augsburg.de/~fremuth/goblin.html (дата обращения: 10.11.2023).

[17] URL: https://www.onworks.net/ru/software/linux/app-goblin-graph-library (дата обращения: 10.11.2023).

[18] URL: http://www.algorithmic-solitions.com/ (дата обращения: 10.11.2023).

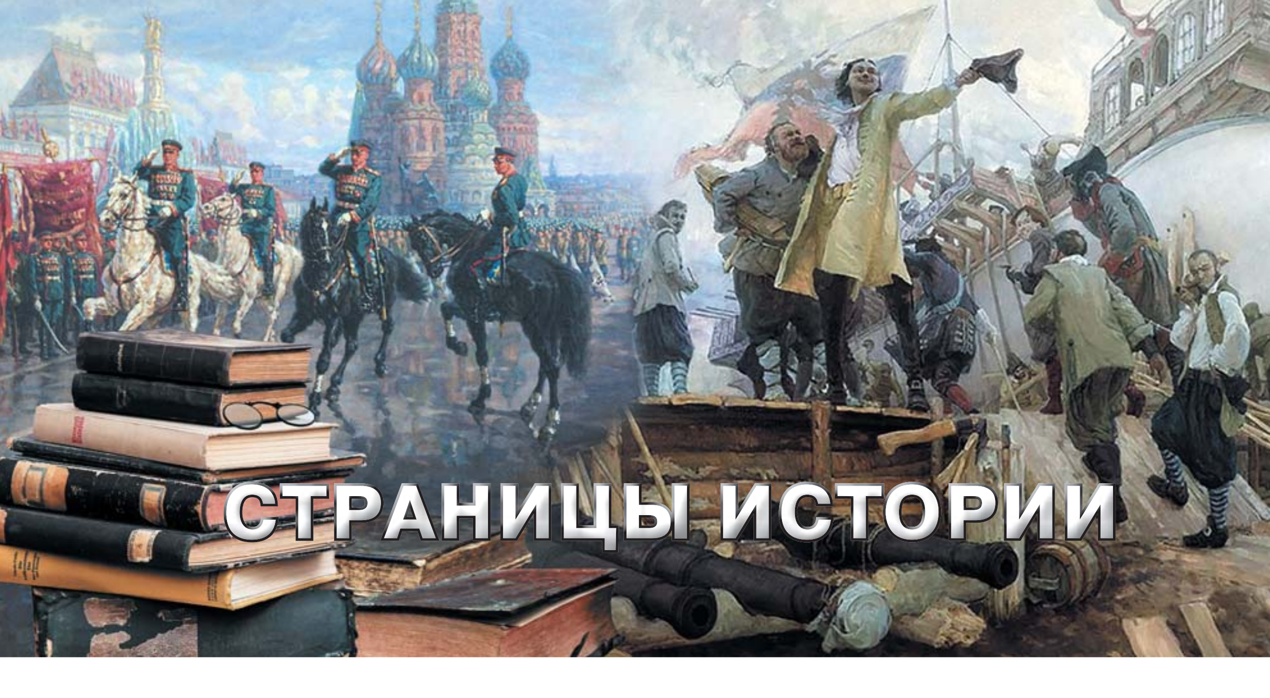
[19] URL: https://ru.wikibrief.org/wiki/Library of Efficient Data types and Algorithms (дата обращения: 10.11.2023).

[20] *Масленников О.В. и др.* Вычислительные системы военного назначения: перспективы развития в современных условиях / О.В. Масленников, Ф.К. Алиев, С.А. Беспалов, В.Е. Мишин // Военная Мысль. 2022. № 6. С. 71—78.

[21] *Гэри М., Джонсон Д.* Вычислительные машины и труднорешаемые задачи / пер. с. англ. М: Мир, 1982. 416 с.

[22] *Масленников О.В., Алиев Ф.К., Беспалов С.А., Митрошин Е.С.* О вычислительной сложности современных военных задач // Военная мысль. 2023. № 2. С. 72—85.

[23] *Yu-Hao Deng and others.* Gaussian Boson Sampling with Pseudo-Photon-Number Resolving Detectors and Quantum Computational Advantage // arXiv:2304.12240v3 [quant-ph] 1 Sep. 2023. URL: https://arxiv.org/pdf/2304.12240.pdf (дата обращения: 10.11.2023)

Противовоздушная оборона города Сталинграда (июль 1942 г. — февраль 1943 г.)

Полковник В.Н. ТИКШАЕВ,
доктор военных наук

Полковник в отставке В.М. МАЛИНОВСКИЙ,
кандидат исторических наук

АННОТАЦИЯ

Представлен опыт организации противовоздушной обороны Сталинграда в годы Великой Отечественной войны, позволяющий изучить принципы создания объектовой обороны важных объектов от ударов средств воздушного нападения противника.

ABSTRACT

The paper presents the experience of organizing air defense in Stalingrad during the Great Patriotic War. This allows for the study of principles for creating object defense against enemy air attacks.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Сталинградский Краснознаменный корпусной район ПВО, истребительная авиация, зенитная артиллерия, воздушное наблюдение, оповещение и связь (ВНОС), радиолокационная станция, маневренная зенитно-артиллерийская группа, воздушная блокада.

KEYWORDS

Stalingrad Red Banner Corps Air Defense District, fighter aviation, anti-aircraft artillery, air surveillance, warning and communication, radar station, maneuverable anti-aircraft artillery group, air blockade.

ЛЕТОМ и осенью 1942 года на сталинградском направлении немецко-фашистское командование сосредоточило силы 4-го воздушного флота, действовавшего в интересах обеспечения наступления сухопутных войск. Воздушный флот являлся высшим оперативным объединением

люфтваффе, в состав которого входило несколько авиационных корпусов, способных решать задачи во взаимодействии с группой армий.

Наряду с авиационными частями и соединениями в состав воздушного флота входили части и соединения зенитной артиллерии, а также подразделения воздушно-десантных войск, что позволяло ему выполнять широкий круг задач.

Воздушную разведку районов на подступах к Сталинграду противник начал в начале июля 1942 года. С развитием наступления немецко-фашистских войск на Сталинград авиация его воздушного флота получила возможность действовать с аэродромов, расположенных ближе к Волге, а именно: в Абганерово, Тормосине, Котельниково, Морозовском. Подлетное время с момента обнаружения цели до выполнения задачи составляло от 5 до 10 минут.

К середине августа на направлении своего главного удара противник сконцентрировал свыше 1400 самолетов, в том числе 800 бомбардировщиков. С появлением передовых отрядов войск противника на подступах к городу 23 августа авиация люфтваффе осуществила около 2000 самолето-вылетов[1].

С этого дня начались массированные налеты на Сталинград, усиление которых происходило в течение двух месяцев. Налеты производились группами от 15 до 280 самолетов одновременно. Также ударам вражеских самолетов подвергались позиции зенитной артиллерии, пристани, переправы через реку Волгу, аэродромы и боевые порядки частей и соединений фронта.

Большую активность вражеская авиация проявляла в октябре, когда было совершено свыше 25 000 самолето-вылетов[2].

По промышленным объектам Сталинграда бомбометание производилось с горизонтального полета на высотах 4000—5000 м, а по войскам, аэродромам, переправам и огневым позициям зенитной артиллерии — с пикирования.

Противовоздушная оборона Сталинграда организовывалась войсками Сталинградского Краснознаменного корпусного района ПВО (с 26.04.1942 по 21.04.1944), которым командовал полковник (с 1943 г. генерал-майор артиллерии) Ефим Александрович Райнин (рис. 1), и оперативно подчиненной ему 102-й истребительной авиационной дивизией (командир — полковник Иван Григорьевич Пунтус)[3] (рис. 2).

В состав войск района ПВО к июлю 1942 года входили: 7 зенитных артиллерийских полков среднего калибра, 2 зенитных артиллерийских полка малого калибра, 12 отдельных зенитных артиллерийских дивизионов, 6 зенитных бронепоездов, 2 отдельных зенитных пулеметных батальона, 25 отдельных зенитных пулеметных рот и взводов, зенитный прожекторный полк, отдельный дивизион аэростатов заграждения, 6 отдельных батальонов ВНОС, отдельная радиорота ВНОС. Из состава 102-й авиадивизии — три истребительных авиационных полка.

Всего в частях и подразделениях имелось около 60 самолетов-истребителей, 566 зенитных орудий (440 среднего и 126 малого калибра), 470 зенитных пулеметов, 81 аэростат заграждения, 165 зенитных прожекторов, 50 полевых пушек (76-мм калибра)[4].

Согласно решению командующего Сталинградским корпусным районом ПВО система противовоздушной обороны города создавалась следующим образом. Подразделениями ВНОС была организована разведка воздушного противника и оповещение сил и средств противовоздушной обороны с рубежа, находившегося в 200—

Рис. 1. Е.А. Райнин

Рис. 2. И.Г. Пунтус

250 км от города. На вооружении подразделений имелись радиолокационные станции «Пегматит» (рис. 3). В начале оборонительной операции РЛС использовались в основном для обнаружения вражеских самолетов на дальних подступах к Сталинграду. Впоследствии они стали применяться для наведения на цели истребителей 102-й авиадивизии[5].

102-я истребительная авиационная дивизия имела задачу: обеспечить перехват и уничтожение воздушного противника на дальних подступах к городу двумя авиационными полками первого эшелона с аэродромов в районах Морозовск и Котельниковский и вторым эшелоном оборонять подступы к городу с посадочной площадки в районе Бекетовка.

Кроме того, авиационное соединение прикрывало железнодорожные и водные пути сообщения в границах района ПВО войск Сталинград-

Рис. 3. Радиолокационная станция

ского фронта, а также привлекалось к сопровождению бомбардировщиков и нанесению штурмовых ударов по сухопутным войскам противника.

Части зенитной артиллерии организовали круговую оборону Сталинграда в целях уничтожения авиации противника на непосредственных подступах к городу и над ним. Огневые позиции зенитной артиллерии размещались на правом и левом берегах реки Волги. Наиболее опасные северо-западное, западное и юго-западное направления прикрывались двумя-тремя линиями дивизионов среднего калибра (рис. 4). Глубина зоны огня составляла 17—18 км, но плотность его была недостаточной. Это позволяло вести борьбу с одиночными самолетами и мелкими группами, но не обеспечивало отражения массированных налетов противника

Для лучшего управления огнем зенитной артиллерии было создано семь боевых секторов. В каждом секторе располагались боевые порядки зенитного артиллерийского полка среднего калибра. Зенитная артиллерия малого калибра и зенитные пулеметы применялись для прикрытия наиболее важных объектов от налетов на малых высотах и с пикирования. Они размещались непосредственно у этих объектов и на крышах зданий[6].

С приближением немецко-фашистских войск к Сталинграду условия боевых действий для частей Сталинградского корпусного района ПВО усложнились: снизились возможности службы ВНОС, централизованное управление всеми силами ПВО с командного пункта стало почти невозможным, появилась необходимость непосредственной защиты боевых порядков зенитной артиллерии от атак вражеской пехоты и танков (рис. 5).

При подходе противника к городу посты ВНОС развертывались непосредственно в его черте. Решением командира корпусного района ПВО отдельная радиорота ВНОС была оперативно подчинена командиру 102-й истребительной авиадивизии.

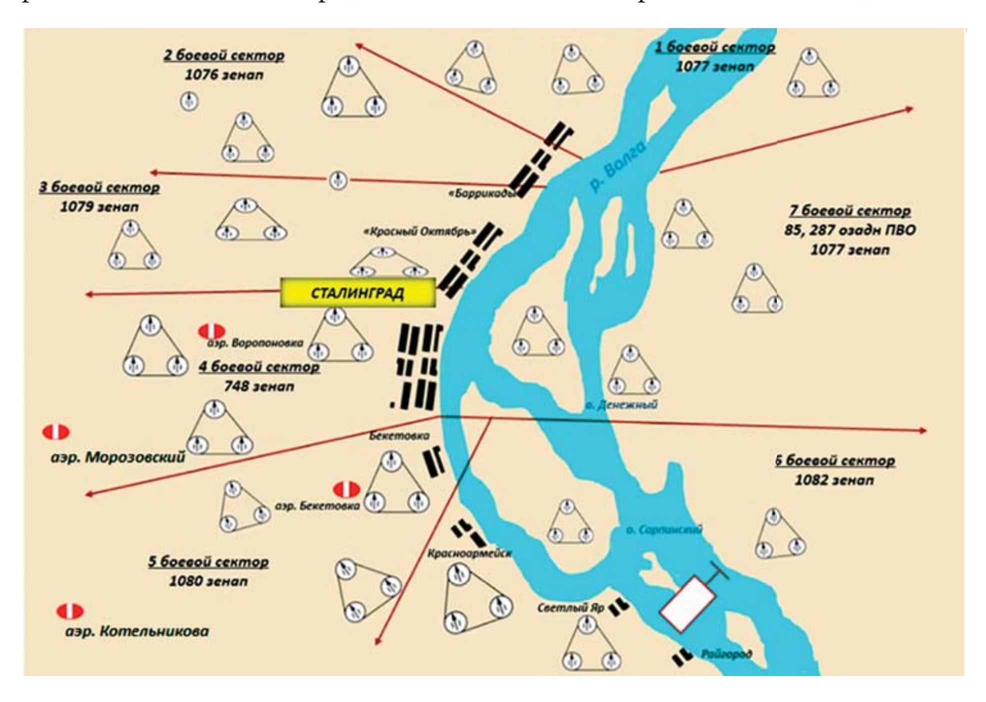

Рис. 4. Противовоздушная оборона Сталинграда

Рис. 5. Зенитчики выполняют несвойственные задачи в борьбе с танками и живой силой противника

Радиолокационные станции разместили вблизи командных пунктов истребительных авиационных полков, тем самым организовали возможность использования радиолокаторов для наведения истребителей[7].

С выходом противника в предместья города командиры частей ПВО вынуждены были зенитные средства перенацелить на борьбу с наземным противником. Зенитные батареи отбивали атаки немецкой пехоты и тем самым сдерживали наступательный порыв противника. Безусловно, это приводило к ослаблению противовоздушной обороны. В этих условиях авиация 4-го воздушного флота врага беспрепятственно наносила удары по городу и боевым порядкам защитников Сталинграда.

Например, 1077-й зенитный артиллерийский полк под командованием В.Е. Германа в течение многих часов отражал наступление бронетанковых сил противника в полосе обороны 62-й армии. За два дня боев (23 и 24 августа) зенитчиками части было уничтожено 83 танка, 15 автомашин с пехотой, 2 цистерны с горючим и сбито 14 самолетов противника[8].

Ежедневное количество самолетовылетов противника в границах Сталинградского корпусного района ПВО в августе—октябре 1942 года составляло 600—800 единиц. Наибольшую активность авиация противника проявляла, как правило, на рассвете и во второй половине дня до наступления темноты.

В романе «В окопах Сталинграда» участник великой битвы на Волге Виктор Некрасов так описывает события тех лет: «Целый день звенят в воздухе «мессеры», парочками рыская над берегом. Стреляют из пушек. Иногда выбрасывают по четыре бомбочки… И так будет тянуться целый день, пока солнце не скроется за Мамаевым курганом. Если не бомбят, то лезут в атаку. Если не лезут в атаку — бомбят»[9]. С 1 июля по 1 ноября на каждый гектар площади Сталинграда противник сбросил в среднем около 20 фугасных бомб, а на каждый гектар территории заводской части города — 50 фугасных бомб[10].

Боевые действия войска Сталинградского корпусного района ПВО проводили во взаимодействии с войсковой противовоздушной обороной 62-й общевойсковой армии. Оно

заключалось в согласованном расположении группировок зенитной артиллерии, во взаимном оповещении о действиях авиации противника, а также в непосредственном прикрытии боевых порядков частей и соединений сухопутных войск.

Так, во второй половине сентября 1942 года из состава корпусного района ПВО была выделена зенитно-артиллерийская группа (1087-й зенитный артиллерийский полк малого калибра, усиленный тремя батареями среднего калибра и одной зенитной пулеметной ротой). Эта группа получила задачу прикрывать основные силы 62-й армии, которая вела оборонительные бои в городе. С 18 сентября по 5 октября 1942 года группа уничтожила более 20 самолетов[11].

Для обеспечения надежного управления отдельными группировками сил и средств ПВО при выполнении особых задач командование Сталинградского корпусного района ПВО широко применяло оперативные группы из состава штаба района ПВО. Например, в августе 1942 года была сформирована оперативная группа под командованием заместителя командующего войсками района ПВО полковника И.П. Мороза, в которую вошли три зенитных артиллерийских и один зенитно-пулеметный полк, прикрывавшие переправы через Волгу.

Среди задач, стоявших перед войсками ПВО в период Сталинградской битвы, особое значение имело прикрытие Волжского речного пути, который стал одной из важных коммуникаций, поддерживавшей наши фронты под Сталинградом и обеспечивавшей перевозку нефтепродуктов из Баку в центральные районы СССР. На пристанях, пароходах, буксирах и баржах было установлено свыше 300 зенитных орудий и пулеметов[12] (рис. 6).

В ходе оборонительных сражений, летом и осенью 1942 года в междуречье Волги и Дона советское командование начало разработку плана разгрома врага.

Рассматривая важность противовоздушной обороны в поддержке успешности и скрытности мероприятий по подготовке контрнаступления под Сталинградом, советское командование заблаговременно предприняло необходимые действия по усилению группировки Войск ПВО

Рис. 6. Прикрытие водных коммуникаций

страны. Сюда направлялись силы и средства ПВО с других направлений. Например, в августе 1942 года из состава Московского фронта ПВО были перебазированы три истребительных авиаполка и ряд зенитных частей на усиление Сталинградского корпусного района ПВО[13].

Одной из главных задач войск противовоздушной обороны в период подготовки контрнаступления советских войск являлась защита коммуникаций и районов сосредоточения стратегических резервов.

Характерно, что на сталинградском направлении широко применялись маневренные зенитные артиллерийские группы. В состав групп включались малокалиберные зенитные пушки и зенитные пулеметы. Также по железным дорогам действовали зенитные бронепоезда[14] (рис. 7).

В своем романе Виктор Некрасов так описал завершающие налеты авиации противника на город: «Тринадцатого ноября немцы в последний раз наносят авиационный удар по Сталинграду. Сорок два «Ю-87» в три захода сбрасывают бомбы на позиции нашей тяжелой артиллерии в районе Красной Слободы на левом берегу Волги и отлетают. В воздухе воцаряется непонятная, непривычная, совершенно удивительная тишина»[15].

Для обеспечения надежного управления отдельными группировками сил и средств ПВО при выполнении особых задач командование Сталинградского корпусного района ПВО широко применяло оперативные группы из состава штаба района ПВО. Например, в августе 1942 года была сформирована оперативная группа под командованием заместителя командующего войсками района ПВО полковника И.П. Мороза, в которую вошли три зенитных артиллерийских и один зенитно-пулеметный полк, прикрывавшие переправы через Волгу.

Управление частями ПВО до начала боевых действий на ближних подступах к Сталинграду было централизованным, его осуществлял командующий районом ПВО. Командиры зенитных артиллерийских полков получали указания непосредственно от командующего, имея с ним прямую связь. При ведении боевых действий на подступах к городу и внутри него управ-

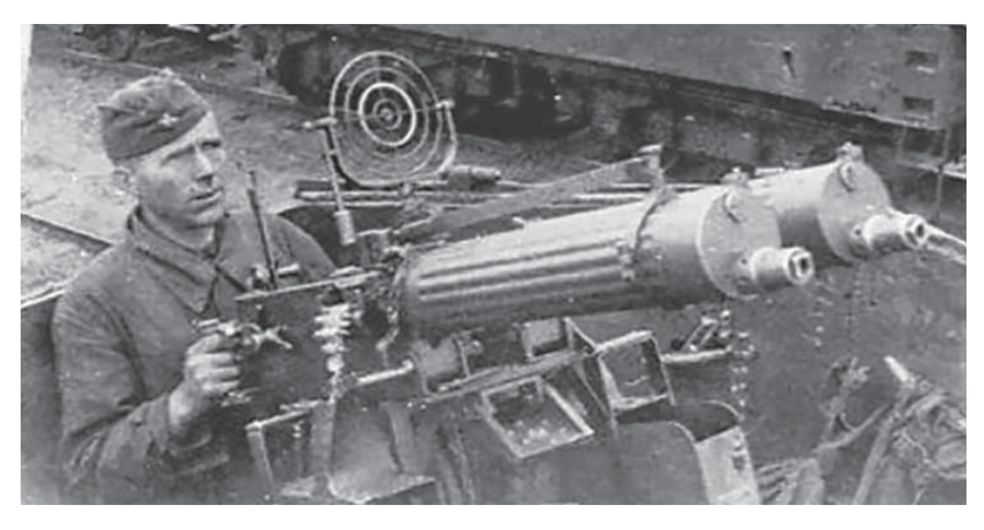

Рис. 7. Пулеметчик на бронепоезде

Рассматривая важность противовоздушной обороны в поддержке успешности и скрытности мероприятий по подготовке контрнаступления под Сталинградом, советское командование заблаговременно предприняло необходимые действия по усилению группировки Войск ПВО страны. Сюда направлялись силы и средства ПВО с других направлений. Одной из главных задач войск противовоздушной обороны в период подготовки контрнаступления советских войск являлась защита коммуникаций и районов сосредоточения стратегических резервов.

ление было децентрализованным. В целях поддержания тесного контакта с частями и организации взаимодействия между ними практиковалась высылка офицеров связи в штаб района ПВО.

19 ноября 1942 года с началом нашего контрнаступления войска противовоздушной обороны во взаимодействии с истребительной авиацией воздушных армий и силами и средствами ПВО фронтов прикрывали стратегические резервы и перегруппировки войск фронтов, а также коммуникации и важнейшие объекты тыла.

После изоляции противника в районе Сталинграда войскам Сталинградского корпусного района ПВО совместно с истребительной авиацией и зенитной артиллерией фронтов была поставлена задача не допускать немецко-фашистскую авиацию к окруженной группировке.

Для выполнения поставленной задачи была создана единая группировка зенитно-артиллерийских сил и средств Сталинградского корпусного района противовоздушной обороны и ПВО фронтов, а также установлены зоны действий частей авиации воздушных армий и 102-й истребительной авиационной дивизии ПВО страны[16] (рис. 8).

Борьба с авиацией противника велась в четырех зонах.

В первой зоне — за внешним фронтом окружения — советские

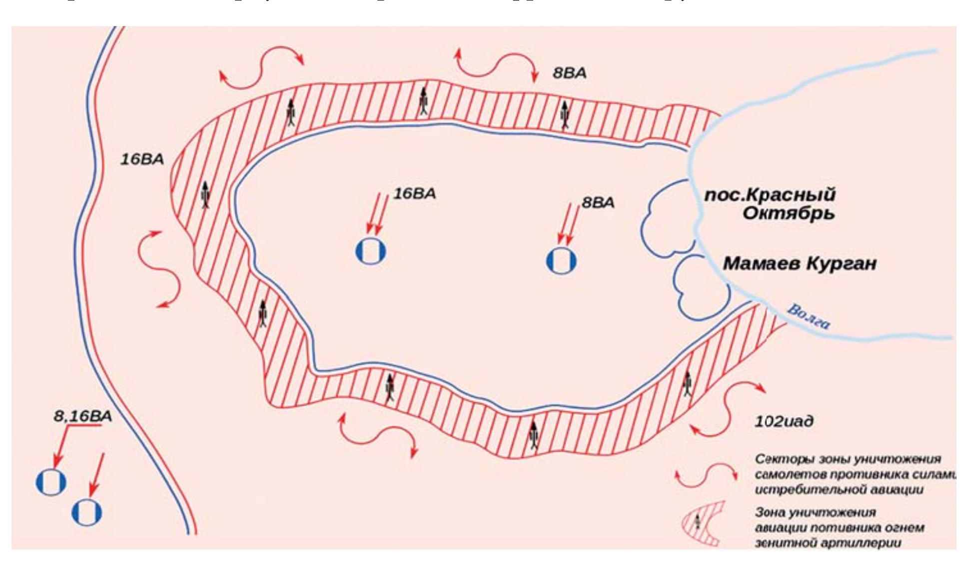

Рис. 8. Воздушная блокада окруженного противника в районе Сталинграда

бомбардировщики уничтожали вражескую авиацию на аэродромах.

Вторая зона располагалась между внешним и внутренним фронтами окружения. Она разделялась на пять секторов, в которых действовала авиация 16-й и 8-й воздушных армий и 102-й авиационной дивизии. Истребители патрулировали в воздухе и дежурили на аэродромах для вылета на перехват.

Третья зона прилегала непосредственно к району окружения. В ней самолеты противника поражались зенитно-артиллерийским и пулеметным огнем фронтов и Сталинградского корпусного района ПВО.

Неприятельская авиация уничтожалась в районе окружения группировки противника, который составлял четвертую зону воздушной блокады.

Установленная советским командованием система воздушной блокады окруженной группировки противника в районе Сталинграда была эффективной и достигла своей цели. В период с 23 ноября 1942 года по 2 февраля 1943 года авиацией воздушных армий и зенитно-артиллерийскими средствами противовоздушной обороны было уничтожено около 146 самолетов противника, из них 80 % транспортных и бомбардировщиков. Попытка немецко-фашистского командования организовать снабжение своей окруженной группировки с воздуха окончилась провалом[17].

Так описывал воздушную блокаду зарубежный писатель, историк Уильям Крейг в своей книге «Катастрофа на Волге»: «На бумаге число самолето-полетов в операции по снабжению окруженных немецко-фашистских войск выглядело внушительным. Но статистика вуалировала тот факт, что, хотя самолеты поднимались в воздух со своих авиабаз и брали курс на Сталинград, их грузы не доходили до сидящих в окружении солдат. Тяжелые погодные условия заставляли самолеты с полпути возвращаться назад, их перехватывали русские истребители, обстреливали зенитные батареи. В результате усеянная обломками самолетов степь внизу под авиатрассой была похожа на авиационное кладбище»[18].

Над территорией Сталинградского корпусного района ПВО было обстреляно в декабре 1942 года 378 и в январе 1943 года 347 воздушных целей, а также уничтожено большое количество наземных целей. Результаты огня зенитных средств корпусного района ПВО представлены в таблице.

Таблица

Сведения о результатах огня зенитной артиллерии Сталинградского района ПВО

Наименование целей	За декабрь 1942 года уничтожено	За январь 1943 года уничтожено
1. Самолеты	10	12
2. Артиллерийские и минометные батареи	1	5
3. Склады с боеприпасами	3	2
4. Живая сила противника	До трех рот	До пяти батальонов

Таким образом, в организации и ведении противовоздушной обороны Сталинграда были реализованы принципы противовоздушной обороны крупного центра, а именно: создание круговой обороны с сосредоточением усилий на наиболее угрожаемых направлениях, эшелонирование противовоздушной обороны с выделением своей зоны действий активным средствам; комплексное использование сил и средств ПВО объекта в их тесном взаимодействии; централизованное управление до боя с допуском децентрализации в ходе отражения ударов авиации противника, т. е. каждому командиру давалась возможность решения поставленной задачи по уничтожению конкретной цели.

В современных условиях противовоздушная оборона объектов относится к важному компоненту безопасности государства. Крупнейшие российские города располагают системами ПВО, которые защищают граждан и инфраструктуру от возможных угроз. За время, прошедшее после Великой Отечественной войны, последовали значительные изменения в вооружении и боевой технике. Сегодня войска противовоздушной и противоракетной обороны входят в состав Воздушно-космических сил России.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] *Горохов А.Ф. и др.* Войска противовоздушной обороны страны в Великой Отечественной войне. Т. 1. М.: Воениздат, 1954. С. 358.

[2] Там же. С. 361.

[3] *Голотюк В.Л., Цапаев Д.А.* Командный состав Войск ПВО Красной армии в годы Великой Отечественной и советско-японской войн. Военно-исторический труд. М.: ООО «АРТКРАС», 2013. С. 28, 42.

[4] *Светлишин Н.А.* Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне. М.: Наука, 1979. С. 92.

[5] *Бедров Ю. П. и др.* Радиотехнические войска. 70 лет на страже Отечества. Тверь: ВА ВКО, 2021. С. 82.

[6] *Тушев П. Ф. и др.* Противовоздушная оборона страны (1914—1995 гг.). Военно-исторический труд. Тверь: ВА ПВО, 1998. С. 130.

[7] *Бедров Ю.П. и др.* Радиотехнические войска. 70 лет на страже Отечества. С. 83.

[8] *Светлишин Н.А.* Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне. С. 95.

[9] *Некрасов В.П.* В окопах Сталинграда. Роман. Л.: Лениздат, 1991. С. 102.

[10] *Светлишин Н.А.* Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне. С. 96.

[11] Там же. С. 97.

[12] Там же. С. 98.

[13] *Лашков А.Ю. и др.* 100-летие противовоздушной обороны России, 1914—2014. В 2 т. М.: Русские витязи, 2014. Т. 2. С. 114.

[14] *Хепенинг А.И. и др.* Зенитная артиллерия и зенитные ракетные войска противовоздушной обороны. М.: Воениздат, 1995. Ч. 1. С. 127.

[15] *Некрасов В.П.* В окопах Сталинграда. Роман. Л.: Лениздат, 1991. С. 185.

[16] Отчет по теме НИР. Развитие оперативного искусства и тактики Войск ПВО страны в годы Великой Отечественной войны. Калинин: ВА ПВО, 1980. С. 52.

[17] *Мигулин В.И., Фокин С.В.* Организация и ведение воздушной блокады окруженной под Сталинградом группировки противника: учеб. пособие. М.: ВПА, 1990. С. 21.

[18] *Крейг У.* От Барбароссы до Терминала. Взгляд с запада. Катастрофа на Волге. М.: Издательство политической литературы, 1988. С. 215.

Особенности действий незаконных вооруженных формирований в городах и населенных пунктах на Северном Кавказе (1994—1996 гг.)

Полковник в отставке Б.А. БОЖЕДОМОВ,
кандидат исторических наук

Подполковник Т.Г. ЛЕВЧЕНКО,
кандидат исторических наук

АННОТАЦИЯ

На основе архивных источников, специальной литературы, публикаций периодической печати, воспоминаний участников описываемых событий рассматриваются состав, организация, вооружение и оснащение незаконных вооруженных формирований (НВФ), выявляются особенности подготовки и ведения ими оборонительных и наступательных действий в городах и населенных пунктах Чеченской Республики в 1994—1996 годах, анализируются сильные и слабые стороны их тактики. Отдельно исследуются формы и способы дудаевской пропаганды и психологической обработки местного населения. Оценивается влияние особенностей боевых действий НВФ на военное искусство федеральных войск.

ABSTRACT

On the basis of archival sources, specialized literature, periodical publications, and the recollections of participants in the events described above, the paper examines the composition, organization, armament, and equipment of illegal armed groups, reveals the peculiarities of their preparation and conduct of defensive and offensive operations in the cities and towns of the Chechen Republic in 1994-1996, and analyzes the strengths and weaknesses of their tactics. The forms and methods of Dudayev's propaganda and psychological treatment of the local population are analyzed separately. The influence of the peculiarities of the insurgents' combat operations on the military art of the federal troops is assessed.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Северный Кавказ, вооруженный конфликт в Чеченской Республике в 1994—1996 годах, город Грозный, Объединенная группировка войск, незаконные вооруженные формирования, особенности наступления и обороны в городе, психологическая обработка населения.

KEYWORDS

North Caucasus, armed conflict in the Chechen Republic 1994-1996, the city of Grozny, the United Group of Forces, illegal armed groups, peculiarities of offensive and defensive operations in the city, psychological treatment of the population.

ВООРУЖЕННЫЕ конфликты последних десятилетий показали, что основной ареной боев становятся города и населенные пункты. Специальная военная операция, проводимая российской армией с февраля 2022 года по освобождению Донбасса, демилитаризации и денацификации Украины, подтвердила эту тенденцию.

Мариуполь, Соледар, Артемовск (Бахмут), Херсон, Сватов, Кременная, Авдеевка и другие населенные пункты стали нарицательными символами тяжелых и кровопролитных боев в условиях городской застройки. В очередной раз была засвидетельствована необходимость тщательного изучения и последующего практического использования ранее полученного опыта ведения боевых действий в городах и населенных пунктах. Таким неиссякаемым источником приращения знаний в области военного искусства являются действия противоборствующих сторон, имевшие место в ходе боев на Северном Кавказе в 1994—1996 годах.

О факторах успехов и недостатков в подготовке и ведении наступательных и оборонительных боев российских подразделений и частей в городе по опыту вооруженного конфликта на Северном Кавказе в 1994—1996 годах журнал «Военная Мысль» писал в 2022 году № 7. С. 58—70 и в «Военно-теоретическом сборнике статей» этого журнала в 2023 году № 1 (89). С. 16—29.

В данной статье речь пойдет об особенностях действий незаконных вооруженных формирований в городах и населенных пунктах на примерах боев в Чеченской Республике в 1994—1996 годах.

На протяжении веков важнейшим фактором, непосредственно влиявшим на военное искусство своих войск, были особенности ведения боевых действий противником. Не стали здесь исключением и бои на Северном Кавказе в 1994—1996 годах, в ходе которых российским войскам приходилось в полной степени учитывать особенности оборонительных и наступательных действий незаконных вооруженных формирований.

Наиболее ожесточенные бои в городах и в крупных населенных пунктах Чеченской Республики имели место в декабре 1994 года — феврале 1995 года (при штурме федеральными войсками Грозного), в марте 1995 года (при взятии городов, расположенных на равнине, — Аргуна, Гудермеса, Шали), в июне 1995 года и весной 1996 года (при овладении населенными пунктами в горной части Чечни — Ведено, Шатой, Бамут и др.), а также в марте и августе 1996 года (при попытках боевиков захватить столицу республики).

В первые месяцы вооруженного конфликта в Чеченской Республике (декабрь 1994 года — июнь 1995 года) сепаратисты планировали и вели боевые действия в основном с опорой на населенные пункты, которые они пытались превратить в неприступные крепости. В жилых кварталах городов (Грозный, Аргун, Гудермес, Шали), в равнинных селах, в горных аулах и на подступах к ним боевиками создавались хорошо оборудованные опорные пункты и мощные узлы сопротивления.

Состав, организация, вооружение и оснащение незаконных вооруженных формирований при подготовке и в ходе ведения боевых действий в городах и населенных пунктах. В этом конфликте Российской армии противостоял противник, представлявший собой сплав регулярных войск и ополчения. Состав незаконных вооруженных формирований можно условно разделить на три группы.

Первая группа — регулярная армия. Помимо воинских частей, в нее входили штатные подразделения и других силовых ведомств*, а также иностранные профессионалы-наемники, воюющие за плату**. Все они имели четкую организационно-штатную структуру, обученный и опытный командный состав, лучшую технику и вооружение, в том числе тяжелое, единообразную военную форму одежды и знаки различия. Это были самые боеспособные части.

* По данным командования Внутренних войск РФ, к лету 1994 года Дудаев имел следующие регулярные части: танковый полк (танков Т-72 — 30 ед.), артиллерийский полк (122-мм гаубиц Д-30 — 30 ед., 152-мм самоходных пушек 2С5 «Гиацинт» — 5 ед.), зенитный полк («Стрела-10» — 10 ед., 57-мм пушки — 8 ед.), два учебных авиационных полка (251 самолет и 2 вертолета), мусульманский истребительный полк (200 чел.), два полка и батальон национальной гвардии (более 1100 чел.), батальон и несколько рот специального назначения (общей численностью около 900 чел.), ударно-штурмовую бригаду (свыше 2000 чел.), отдельный полк особого назначения, полк пограничной службы, полк таможенной службы[1].
** За месяц участия в боевых действиях каждый наемник получал от 1200 до 1500 долларов США (без учета «надбавок» за лично убитых российских военнослужащих)[2].

Вторая группа — чеченское ополчение, также имевшее свою определенную структуру, подготовленных командиров и налаженное управление. Набирали в него жителей сел и городов. Эти люди, как правило, имели за плечами опыт армейской службы. Они хорошо владели стрелковым оружием и умели грамотно вести ближний бой самостоятельно и в составе группы (отделения—взвода). Экипированы были в военное обмундирование или носили штатскую одежду.

Третья группа — отряды самообороны, которые несли дежурство в районах своего проживания. Они комплектовались из мужского населения всех возрастов с различным уровнем боевой подготовки. Вооружены были в основном стрелковым оружием, одеты в смешанную или гражданскую одежду.

В рядах всех перечисленных групп находились «непримиримые»: религиозные фанатики, уголовники и «мстители» — люди, давшие обет кровной мести за убитых на этой войне своих близких. Эти представители НВФ, наряду с наемниками, были наиболее жестокими, отличались презрением к смерти и не шли ни на какие переговоры.

По мере затягивания конфликта НВФ получали постоянный приток живой силы как изнутри, так и извне. Отряды ополчения пополнялись городскими и сельскими жителями, которые принудительно или добровольно вступали в них[3]. Профессионалы-наемники прибывали в Чечню из России или из-за границы. Для проникновения иностранных «солдат удачи» существовали тайные пути, пролегавшие через Азербайджан, Грузию и далее по горным тропам через перевалы Главного Кавказского хребта.

Основной тактической единицей НВФ (за исключением штатных армейских подразделений) был *отряд* в количестве от 20 до 40 человек. В каждом из них имелось несколько автомашин. Отряд делился на боевые группы по 3—5 человек. В *состав группы* входили: снайпер, пулеметчик, гранатометчик, 1—2 стрелка. Один из боевиков группы являлся ее командиром. Он руководил действиями своих подчиненных, отвечал за них и одновременно вел учет «заслуг» каждого (особенно при наличии в группе наемников, воюющих за деньги).

Каждая боевая группа имела свою *задачу*. Она могла действовать в составе отряда либо автономно, поддерживая при этом постоянный контакт со своим штабом и другими группами. При необходимости груп-

пы могли объединяться. Они также должны были помогать одна другой в выполнении задач.

Экипировка боевиков была удобной и соответствовала погодным условиям. Спецподразделения имели камуфлированное обмундирование российского и иностранного производства, разгрузочные жилеты на 4—6 магазинов. Иногда зимой боевики действовали в белых маскхалатах[4].

Вооружение составляли: стрелковое оружие (иногда с глушителем), гранатометы, гранаты, кинжалы, запас патронов. Имелись прицелы для стрельбы ночью и приборы ночного видения[5].

Управление осуществлялось централизованно[6]. Для поддержания связи между руководством, отрядами и группами использовались стационарные и портативные радиостанции и рации (в том числе высокочастотные и даже спутниковые), а также индивидуальные средства связи (сотовые телефоны).

Боевые действия велись «вахтовым» способом, посменно. Особенностью было ведение боевых действий в строго ограниченное время: начинались они обычно в 7 часов утра и заканчивались около 19 часов. После этого боевики приступали к эвакуации раненых и убитых, подвозу материальных средств, шли на отдых (к себе домой или в специально оборудованные места).

Для отдыха боевиков выбирались просторные и удобные подвалы, бункеры, бомбоубежища. Туда заранее подводился газ и электричество (от переносных электростанций), устанавливались плиты для приготовления пищи. Создавались запасы продовольствия, воды, боеприпасов, медикаментов. Спальные помещения оборудовались нарами и раскладушками. Отдельные комнаты выделялись под штаб и медицинскую часть. Все это создавало условия для нормального отдыха и восстановления сил боевиков.

Пополнение вооружением и боеприпасами было централизованным. Захваченная тяжелая техника федеральных войск передавалась в распоряжение регулярных частей дудаевской армии. Бронетехника, танки, артиллерия использовались исключительно профессионалами.

В целом состав, организация, вооружение, оснащение и уровень подготовки боевиков позволяли им вести достаточно эффективные как оборонительные, так и наступательные действия.

Оборонительные действия НВФ в ходе боев в Грозном и в других крупных населенных пунктах Чечни имели свои особенности.

Подготовка обороны осуществлялась сепаратистами фактически на основе боевых уставов и наставлений Российской (Советской) армии. По своему содержанию она была сведена к термину «построение обороны».

Боевой порядок подразделений НВФ в обороне в городских условиях строился, как правило, в один эшелон с выделением мобильных, в том числе противотанковых, резервов, располагавшихся в глубине. Группировка артиллерии создавалась только на уровне высшего руководства НВФ.

Система оборонительных позиций и районов в ее классическом понимании сепаратистами в городах не создавалась. Чаще назначались зоны ответственности отрядов и групп, которые охватывали определенные районы города, кварталы, улицы и отдельные здания. Опорные пункты и узлы сопротивления хотя и носили очаговый характер, но были эшелонированы вдоль улиц на большую глубину и имели между собой огневую и тактическую взаимосвязь.

Основой опорных пунктов являлись здания прочной постройки. Внутри них заранее складировались оружие и боеприпасы. Это позволяло боевикам быстро перемещаться по улицам горо-

да, своевременно пополнять боезапас и оказывать федеральным войскам постоянное сопротивление.

При подготовке обороны дудаевцы сознательно размещали свои огневые позиции и военные объекты на территориях больниц, школ, детских садов, мечетей, вблизи или внутри жилых домов[7]. Подобными действиями они преследовали несколько целей: во-первых, окружить себя мирным гражданским населением (чтобы федеральным войскам было сложнее вести огонь на поражение); во-вторых, ввиду неизбежности разрушений перечисленных объектов и жертв среди местного населения, показать «варварство» и «жестокость» Российской армии; и в-третьих, заставить лояльно настроенную по отношению к российским войскам часть населения взять в руки оружие и участвовать в боевых действиях на стороне НВФ.

Оборонительные позиции, создаваемые на подступах к городам и населенным пунктам, имели вид классической обороны в обычных условиях.

В целом оборонительные позиции как в самих населенных пунктах, так и на подступах к ним готовились боевиками заблаговременно и тщательно, с элементами маскировки и военной хитрости, в соответствии со складывавшейся обстановкой и применительно к решению стоявших задач.

Основу *системы огня* сепаратистов составлял комбинированный *огонь стрелкового оружия* и *огонь противотанковых средств* (СПГ-9, ПТУР и, главным образом, ручных противотанковых гранатометов).

Для остановки колонны российской бронетехники на узких улицах города гранатометчики стремились сначала подбить головную и замыкающую машины. Лишившись маневра, другие машины становились хорошей мишенью для боевиков, которые открывали по ним из близлежащих домов с расстояния 30—40 м интенсивный многоуровневый сосредоточенный огонь из гранатометов и стрелкового оружия[8]. В целях более надежного поражения российской бронетехники боевики иногда создавали группы гранатометчиков в составе от 2 до 5 человек. Особенностью действий группы являлось массирование огня нескольких гранатометов путем его последовательного сосредоточения по одному бронеобъекту. Действия таких групп отличились высокой слаженностью. Как отмечалось в отчетных документах, «характер попаданий (под башню и под катки) приводил к взрыву боеприпасов в БМП (танке) и характеризует высокий уровень подготовки боевиков»[9].

Новшеством в борьбе чеченцев с бронетехникой федеральных войск стало применение тактического приема «удар—отход». Для этого использовались мобильные группы гранатометчиков, действовавших на специально оборудованных легковых автомобилях со снятыми крышами и убранными задними сиденьями. Помимо водителя в машине находились 1—2 гранатометчика, вооруженных РПГ-7, и их помощники или расчет СПГ-9. Прекрасно зная все улицы, группа стремительно выскакивала на нужную позицию и открывала прицельный огонь. Сделав несколько выстрелов, она также внезапно исчезала. Наличие подобных мобильных групп давало командованию НВФ возможность быстро организовывать противотанковые заслоны на наиболее угрожаемых направлениях, создавать видимость их большого количества, наносить поражение федеральным войскам, уменьшать свои потери. Подобным образом использовались легковые автомашины с установленными на них крупнокалиберными пулеметами и пулеметами Калашникова.

Интерес представляет практика ведения боевиками огня из гранатометов для поражения живой силы при бое в «зеленке» (сады, скверы, парки и т. п.). Офицер спецназа ГРУ описывает данный способ на примере действий своей разведывательной группы в районе Ханкалы в январе 1995 года, после того как они были обнаружены противником: «За нами началась охота. Группа отошла в сад. С трех сторон в нее начали бить из гранатометов. Надо отдать должное «духам»*: били профессионально, не по низам, а верхом, над садом. При такой стрельбе граната попадает в ветки, разрыв происходит высоко над землей, в результате чего площадь поражения увеличивается»[10].

* «Духи» — производное от «душманы» [на языке народов Афганистана (пушту, дари, фарси) — «враги»]. Жаргонный термин, использовавшийся нашими военнослужащими для обозначения противника в период пребывания Ограниченного контингента советских войск в Афганистане в 1979—1989 гг. По аналогии применялся российскими военнослужащими Объединенной группировки войск в Чеченской Республике в 1994—1996 годах по отношению к боевикам незаконных вооруженных формирований.

В целом наличие большого количества стрелкового оружия и противотанковых средств и мастерское владение ими позволили сепаратистам оказывать мощное противодействие наступавшим российским войскам, приводили к значительным потерям в личном составе и бронетехнике.

Широкое распространение в боях в городе получила «*снайперская война*». На начальном этапе штурма Грозного результативные действия вражеских снайперов (среди которых основную массу составляли наемники, в том числе и женщины[11]) на некоторое время практически деморализовали пехоту. В иные дни потери федеральных войск от огня снайперов достигали 30 человек[12]. Так, в одном из батальонов 81 мсп после боев в центре чеченской столицы в первых числах января 1995 года в строю остались 1 офицер и 10 солдат[13]. Большинство офицеров на уровне взвода—роты были выбиты именно снайперским огнем. Как вспоминает майор Владимир Е., «днем передвигаться было практически невозможно из-за снайперского огня боевиков». Имели место случаи, когда наши атаки срывались или отражались только действиями вражеских снайперов. Так, захлебнулась атака 1-го батальона 74 мсбр на новое здание нефтяного института в Грозном в начале января 1995 года[14].

Как отмечается в журнале боевых действий 129 гв. мсп, при штурме подразделениями полка высотных зданий в районе трамвайного парка в Грозном 26 января 1995 года «было встречено воздействие хорошо обученных снайперов. …В основном все потери в период боя были от снайперов противника». За сутки в полку погибло 12 человек и было ранено 14 солдат и офицеров[15]. Снайперы противника стремились располагаться по периметру районов, занимаемых федеральными войсками. Огневые позиции выбирались боевиками на крышах домов, верхних этажах высотных зданий[16]. Огонь велся не из проемов окон, а из внутренних помещений[17], со специально подготовленных помостов, что существенно затрудняло их обнаружение и поражение. Кроме того, произведя несколько выстрелов, снайпер менял свою огневую позицию[18]. Обычно

снайпер действовал под прикрытием одного—двух автоматчиков.

Руководство бандформирований стремилось обеспечить постоянный приток наемников-снайперов для активного участия в боевых действиях. Так, 4 августа 1996 года, т. е. накануне нападения на Грозный, в Гудермес прибыла группа женщин-снайперов, средний возраст которых составлял 27—30 лет. Большинство из них были славянской национальности[19].

В целом применение командованием НВФ при боях в городах большого количества снайперов, явилось одной из особенностей этой войны. Защита от огня снайперов и борьба с ними стали для наших войск одной из важнейших задач.

Особую неприятность российским войскам доставляла *артиллерия* НВФ. Часто минометы устанавливались боевиками в кузовах автомобилей[20], орудия — на трамвайных и железнодорожных платформах. Огонь велся с временных, но заранее выбранных и привязанных к местности позиций. Произведя 3—4 выстрела, расчет менял позицию или уходил в укрытие. Были у чеченцев и постоянные огневые позиции, особенно для 122-мм гаубиц. Располагались они в пригородных районах и дачных поселках.

Помимо минометов в кузовах грузовых автомобилей боевики нередко устанавливали крупнокалиберные пулеметы (ДШК, «Утес»), АГС, направляющие для НУРС или зенитные установки (ЗСУ-23-4 и ЗУ-23-2). Они применялись для ведения огня как по живой силе, так и по воздушным целям*. Например, подобный прием имел место при штурме нашими войсками н. п. Гойское 7 мая 1996 года. Тогда по вертолетам МИ-24 боевики вели огонь сразу из нескольких крупнокалиберных пулеметов, установленных на автомобилях[21].

* К началу боевых действий в декабре 1994 г. дудаевцы имели около 40 мобильных установок ЗУ-23-2, более 80 установок с ДШК и 20 ЗСУ «Шилка», часть из которых имела радиолокационное наведение[22].

Эффективность применения артиллерии достигалась сепаратистами за счет наличия достоверных данных об объектах федеральных войск, точного ее наведения и умелой корректировки огня. Лазутчики и корректировщики огня артиллерии часто действовали в тылах российских войск под видом мирных жителей, беженцев и даже сторонников чеченской оппозиции. К ведению разведки дудаевцы деньгами либо угрозами привлекали и мирное население, в том числе стариков, женщин и детей[23]. Известны также случаи, когда у русских женщин боевики отбирали детей в качестве заложников с требованием добыть информацию в расположении федеральных войск[24].

В целом по свидетельствам участников боев, артиллерия сепаратистов использовалась очень грамотно, «огонь вели профессионально подготовленные артиллеристы с большим опытом и хорошей подготовкой»[25].

Имевшиеся на вооружении НВФ *танки* применялись для ведения огня в качестве кочующих орудий с закрытых огневых позиций и для ведения огня прямой наводкой по бронетехнике федеральных войск. Находясь под прикрытием многоэтажных домов, танки вели скоротечную стрельбу, а затем быстро меняли огневые позиции. Имели место случаи ведения огня танками с заранее оборудованных позиций, когда танк находился в укрытии по башню.

Таким образом, система огня сепаратистов основывалась на комплекс-

ном и массированном использовании всех имевшихся огневых средств, многоуровневом (поэтажном) их размещении, на хорошей разведке и умелой корректировке огня. Располагая большими запасами оружия и боеприпасов, имея целью не только нанесение поражения федеральным войскам, но и оказание на них сильного психологического воздействия, противник вел необычайно интенсивную и плотную стрельбу.

Системы противовоздушной обороны как таковой у дудаевцев не было. Отражение ударов российской авиации осуществлялось сосредоточенным огнем из всех имевшихся огневых средств: стрелкового оружия, крупнокалиберных пулеметов, гранатометов, зенитных установок.

Инженерное оборудование местности в условиях города в основном сводилось к ее минированию и устройству различного рода невзрывных препятствий и заграждений.

«*Минная война*» получила широкое распространение, как в Грозном, так и в других населенных пунктах республики. Минировались дороги, мосты, подступы к позициям и опорным пунктам. Во внутренних помещениях зданий, обычно в дверных проемах или на дверях, боевики устанавливали мины-ловушки (гранаты на растяжках), прикрепляя к ним для увеличения мощности взрыва тротиловые шашки. В качестве мин-сюрпризов в жилых домах дудаевцы оставляли исправные бытовые приборы и технику, причем довольно ценную (видеомагнитофоны, телевизоры и т. п.). При их включении или попытке открыть они взрывались.

Применялось также минирование брошенного оружия, военного и гражданского имущества, тел погибших российских солдат. Как отмечалось в отчетных документах, «минирование боевиками зданий и объектов носило массовый характер»[26].

В городах для подрывов российской бронетехники широко использовались расположенные на дорогах канализационные колодцы, внутрь которых закладывались мощные взрывные устройства. Обычно для этого служили противотанковые мины, артиллерийские снаряды или авиабомбы. В такой фугас вставлялся запал с проводами от ПТУР длиной несколько десятков метров. Подрыв осуществлялся боевиком, находившимся на значительном удалении от места минирования. После того как наши водители стали предусмотрительно объезжать колодцы на дорогах, приближаясь к тротуару, акцент борьбы был перенесен с уничтожения техники на поражение личного состава, находившегося на ней сверху. Для этого использовалась труба, заваренная с одного конца. В нее закладывались взрывное устройство с электродетонатором, заряд взрывчатого вещества, большое количество гаек, гвоздей и других металлических деталей, предназначенных для поражения. Подрыв осуществлялся боевиком путем замыкания контактов на проводах в момент прохождения бронетехники.

В дальнейшем командование НВФ продолжало совершенствовать средства и способы ведения минной войны в городах.

Невзрывные инженерные препятствия и заграждения, устраиваемые дудаевцами в городах и населенных пунктах, представляли собой отрытые экскаватором поперек улицы противотанковые рвы, различного рода завалы и баррикады, устраиваемые из бетонных блоков, тяжелой техники, поваленных деревьев и т. п. В отдельных случаях некоторые улицы перекрывались с таким расчетом, чтобы бронетехника федеральных войск могла двигаться только по определенным маршрутам, приводившим в специально подго-

товленные тупики — «мышеловки», где потом она уничтожалась огнем из окружавших домов.

В целом инженерное оборудование местности осуществлялось противником заблаговременно, продуманно и весьма искусно.

Управление частями, подразделениями, отрядами и группами сепаратистов осуществлялось по радио, телефону, мобильной связи, а также через посыльных, сигналами и голосом. Команды отдавались на чеченском, русском, а иногда и на арабском языках. Переговоры в радиосетях управления НВФ осуществлялись короткими сообщениями, сущность которых заключалась в обмене информацией об обстановке и уточнении вопросов взаимодействия[27]. Практика показала, что заблаговременно созданная и отлаженная система связи позволяла командованию НВФ осуществлять на всех уровнях твердое и непрерывное руководство своими силами. Как докладывалось в оперативных документах федеральных войск, «в ходе боевых действий в Грозном отмечается четкое и скоординированное управление отрядами боевиков»[28].

Неожиданностью для командования федеральных войск стала активная «*война в эфире*», развернутая профессионалами из НВФ. Зная частоты, используемые правительственными войсками, чеченские радисты прослушивали многие радиопереговоры, что позволяло их командирам по полученной информации принимать правильные решения и осуществлять результативные действия. По свидетельству участников новогоднего штурма Грозного, «уже после первых боев противник мог определить, кто работает на радиостанции, какое подразделение…». Также отмечалось, что «система радиоперехвата и оповещения у противника была налажена очень хорошо. В частности, если после сообщения нашего корректировщика огонь не открывался в течение 5 минут, то противник с места уходил»[29].

Радиосети широко использовались также для морального и психологического давления на российских военнослужащих. В оперативных сводках ОГВ отмечалось, что неоднократно имели место «факты выхода полевых командиров на связь с федеральными силами с предложениями сложить оружие и сдаться»[30]. Бандиты грозили нашим солдатам пытками и смертью, предлагали дезертировать или сдаваться в плен, сулили деньги за сообщение военных сведений, склоняли к открытию огня по своим же войскам и к физическому устранению командиров[31]. Так, в период блокирования Грозного федеральными войсками в конце декабря 1994 года на нашей частоте голос с акцентом называл позывные подразделений и повторял одну и ту же фразу: «Подумай, сколько тебе осталось жить. Если есть возможность — уходи»[32]. Такое психологическое давление продолжалось и в дальнейшем.

Отмечались случаи *нарушения управления* российскими войсками путем вхождения противника в эфир. Это достигалось за счет постановок радиопомех на рабочих частотах наших радиостанций, а также передачи ложных приказов и распоряжений в целях дезинформации. Так, 1 января 1995 года при прорыве подразделений 131 омсбр из окружения в районе железнодорожного вокзала экипажи двух танков ушли по команде чеченского радиста в сторону и пропали[33]. По той же причине в ночь накануне взятия «президентского дворца» установка «Град» накрыла свою же разведроту[34].

Аналогичные действия противника имели место и в ходе боев в Грозном в августе 1996 года. В частности, в оперативных сводках федеральных

войск отмечалось: «Боевики продолжают проводить работу по введению командования российских войск в заблуждение относительно своих замыслов. В радиосетях управления бандформированиями передается дезинформация»[35].

В целом по свидетельствам участников боев, чеченцы «умело вели радиоэлектронную борьбу, делая порой невозможным управление подразделениями»[36]. Подобная практика воздействия на систему управления российскими войсками в целях ее нарушения широко применялась сепаратистами в течение всей войны.

Таким образом, комплекс мероприятий, проводимых противником при подготовке обороны, основывался не только на классических требованиях боевых уставов. Он осуществлялся продуманно, целенаправленно и применительно к складывавшейся обстановке, изобиловал новыми приемами и способами вооруженной борьбы. Заблаговременно принятые командованием НВФ меры в значительной степени способствовали эффективным действиям боевиков в ходе ведения боев.

При ведении оборонительного боя в городе боевики умело сочетали маневр силами, средствами и огнем, создавая заслоны на наиболее важных направлениях. Для перемещений внутри зданий широко использовались коридоры и проломы в стенах. Огонь велся многоярусный (поэтажный), плотный и одновременный со всех точек. Наличие большого запаса боеприпасов позволяло создавать сплошную завесу огня.

Отличительной чертой в действиях бандформирований были хитрость и коварство. В ходе исследования выявлены случаи провоцирования боевиками огневых столкновений российских подразделений между собой[37]. Для осуществления этого один или несколько боевиков проникали на территорию, занимаемую нашими частями. Находясь между опорными пунктами (блокпостами) федеральных войск, они в ночное время несколько раз открывали огонь сначала в одну, затем в другую сторону. Наши бойцы с обеих сторон начинали вести ответный огонь и втягивались в начавшуюся перестрелку. Иногда такие перестрелки выливались в настоящие бои, в которых войска несли потери.

Примечательно, что боевики старались избегать позиционных форм борьбы с превосходящими по численности российскими войсками. В случае угрозы окружения они отказывались от удержания занимаемых позиций и организованно отходили под прикрытием нескольких пулеметчиков и снайперов. При этом отряд, как правило, разбивался на мелкие группы, которые рассеивались по ближайшему кварталу. Для отхода часто использовалась сеть подземных коммуникаций[38]. В условиях, когда отход из занимаемого здания был невозможен, боевики бросали или прятали оружие и спускались в подвалы, где укрывалось от обстрелов гражданское население. Смешиваясь с ним, бандиты выдавали себя за мирных жителей. Документы, как правило, были у них в порядке.

В критических условиях обстановки, когда инициатива переходила в руки российских войск, а бандиты несли значительные потери, командование сепаратистов, прикрываясь словами о «гуманизме», выходило с призывами о «перемирии» или временном прекращении боевых действий. Все выдвигаемые предложения носили заведомо неприемлемый для российской стороны характер и служили дудаевцам лишь средством выигрыша времени для перегруппировки и восстановления боеспособности своих войск. Даже обмен пленными и телами убитых боевики пытались проводить не «всех

на всех», как предлагало командование ОГВ, а с выгодой для себя*.

* Российская сторона отдавала всех пленных боевиков, а бандиты утаивали некоторых наших пленных офицеров и солдат из общего числа обмениваемых, оставляя их в качестве заложников. Затем их использовали для шантажа или обмена на конкретных чеченцев, как правило, преступников, содержавшихся в местах лишения свободы на территории РФ.

В целом в боях за Грозный сильными сторонами тактики боевиков были: заблаговременная подготовка к боевым действиям, наличие большого количества оружия, боеприпасов и автотранспорта, высокая мобильность их отрядов и групп, отличное знание города, высокий моральный дух, поддержка со стороны определенной части коренного населения.

Подготовка и ведение обороны в небольших населенных пунктах имели свои отличительные черты. Подготовка многих населенных пунктов к обороне была начата еще в мирное время и в последующем активно продолжалась. С началом войны к строительству инженерных сооружений, помимо местного населения, привлекались также пленные российские военнослужащие и захваченные заложники. В результате проведенных работ в ряде населенных пунктов и вокруг них были созданы мощные оборонительные укрепления. В таких опорных пунктах, как правило, постоянно несло службу лишь небольшое количество боевиков, которые осуществляли непосредственную охрану села (аула) и вели наблюдение за действиями группировки федеральных войск в этом районе. Остальные боевики находились в своих домах в данном населенном пункте или соседних селах (аулах).

С началом штурма населенного пункта подразделениями российской армии основные силы противника, используя скрытые подступы и ходы сообщения, незаметно выдвигались на огневые позиции. Атака отражалась огнем всех имевшихся средств с очень высокой плотностью. При нанесении ударов артиллерией федеральных войск боевики стремительно шли на сближение с наступающими российскими частями на расстояние 100—150 м, что существенно затрудняло нашим артиллеристам ведение огня.

Для оказания помощи сепаратистам, оборонявшимся в данном населенном пункте, из соседних сел выдвигались резервы. Их оповещение и сбор проводились очень быстро. Используя складки местности и подготовленные маршруты, они на автомобилях выдвигались к месту боя и занимали заранее указанные и оборудованные позиции.

При обороне населенного пункта боевики пытались плотным огнем с нескольких направлений нанести поражение атакующим российским войскам и остановить их. В случае вклинения отдельных подразделений в оборону противник старался отсечь их от главных сил, окружить и уничтожить. При этом широко использовалась тактика действий из засад. Пропуская наши подразделения к себе в тыл, боевики с подготовленных огневых точек с предельно малого расстояния (20—100 м) открывали по ним внезапный кинжальный, фланговый и перекрестный огонь.

Особенностью в выборе целей при бое в населенном пункте стало то, что бандиты стремились поразить не впереди идущих наших солдат, а тех, кто шел в конце группы. В этом случае несколько бойцов возвращались,

чтобы вынести раненого, а основная часть группы уходила вперед. Подобным образом, растягивая и распыляя силы наступавших, боевики ослабляли их натиск.

При невозможности удержать населенный пункт боевики отходили на окрестные высоты, поросшие густым лесом, на заранее подготовленные позиции. Используя свое преимущество (в горах оно у того, кто выше), они начинали шквальный обстрел вошедших в село (аул) федеральных войск. Не имея возможности надежно поразить противника (так как тот находился выше, в оборудованных и замаскированных окопах и укрытиях) и не желая нести потери, наши подразделения оставляли населенный пункт и отходили на исходные позиции. После этого в село вновь возвращались боевики. Примерами могут служить бои за Бамут в апреле 1995 года.

Таким образом, при обороне Грозного и других населенных пунктов боевики заблаговременно подготавливали оборонительные рубежи и позиции, минировали местность, создавали запасы оружия и боеприпасов, организовывали систему разведки, связи и оповещения. В ходе боев чеченцы проявляли высокую стойкость, активность и дисциплину, вели плотный многослойный огонь из стрелкового оружия и гранатометов, умело маневрировали огнем, силами и средствами, проводили контратаки отдельными отрядами и группами, имели устойчивую связь и твердое управление.

Успехи противника в оборонительных боях за Грозный в январе—феврале 1995 года основывались на ведении боевых действий по децентрализованной схеме, малыми боевыми группами, способными собираться воедино для выполнения более крупных тактических задач. Такую тактику, по мнению военных специалистов, можно назвать «роевыми действиями», по аналогии с пчелами и осами, атакующими своего врага каждая по отдельности, но все одновременно — роем[39].

К недостаткам в действиях сепаратистов в обороне следует отнести нежелание окапываться (особенно это проявилось в первые месяцы войны), а также неумение и нежелание (за исключением наемников) вести боевые действия ночью (многие ополченцы на ночь покидали позиции и уходили домой, а утром возвращались). По признанию бывшего в то время начальника штаба вооруженных сил Ичкерии А. Масхадова, командование НВФ боролось с этим, но по большей части безуспешно[40].

Стремясь нанести российским войскам максимальные потери, чеченские боевики не ограничивались только обороной. При любой возможности они пытались атаковать наши войска.

Наступательные действия НВФ во время боев в Грозном и в других населенных пунктах Чечни характеризовались высокой слаженностью, активностью, ожесточенностью, решительностью и настойчивостью.

При наступлении на очаги обороны правительственных войск (в ходе боев в Грозном в январе 1995 года и в августе 1996 года, в Гудермесе в декабре 1995 года) боевики использовали принцип «волчьей стаи». Как указывалось в оперативных докладах, «применяя тактику мобильных отрядов (15—20 человек), они наносили быстрые, короткие удары, маневрировали и передвигались, создавая видимость многочисленности своей группировки»[41]. Также отмечалось, что «противник вел изматывающие боевые действия мелкими (5—6 человек) группами, обстреливал районы обороны наших подразделений со всех направлений из минометов, артиллерийских орудий, РПГ и стрелкового оружия»[42].

Как показала практика, перед наступлением боевики сначала блокировали места расположения федеральных войск и захватывали близлежащие здания или объекты, откуда вели интенсивный огонь. При этом в целях уменьшения потерь от артиллерийских обстрелов федеральных войск они стремились находиться как можно ближе к нашим позициям, максимум в 150—200 м. В результате, как следует из докладов, «огонь артиллерии было вести невозможно, так как противник прижимался к нашим подразделениям»[43].

Командование НВФ всегда стремилось достичь численного превосходства на атакуемом участке, для чего умело перебрасывало силы со второстепенных направлений на главное. Передислокация отрядов и групп боевиков осуществлялась как в пешем порядке, так и на автомобилях, что позволяло быстро наращивать усилия непосредственно в ходе боя. На возможных путях подхода подкреплений к нашим войскам заранее устраивались засады. После этого начиналась атака, которая велась одновременно со всех сторон, обычно в пешем порядке при поддержке огня минометов, танков, СПГ, гранатометов, тяжелых пулеметов и снайперов. Например, атака боевиков на школу, расположенную на пересечении улиц Кабардинская и Стахановцев в Грозном, в августе 1996 года поддерживалась огнем пулеметов и пяти СПГ-9[44].

Боевой порядок НВФ в наступлении состоял из основной группировки, отвлекающей группировки, группы гранатометчиков, группы снайперов, мобильной группы минометов на автомобилях. В частности, в таком боевом порядке действовали боевики 5 февраля 1995 года в ходе многочисленных атак на подразделения 166 омсбр в Грозном в районе трамвайного парка[45].

В практике боевых действий неоднократно имели место случаи проведения дудаевцами «психических атак», когда фанатично настроенные боевики шли в атаку в полный рост, с зелеными повязками на головах и с криками «Аллах Акбар»[46]. По свидетельствам участников боев, для «бесстрашия» отдельными боевиками применялись психотропные средства. Подтверждением этому служат наркотические вещества, которые достаточно часто обнаруживались у взятых в плен или убитых бандитов, а также в местах их отдыха.

В ряде случаев атаки боевиков осуществлялись в ночные (предрассветные) часы. Однако их проведение не носило массового характера и в основном относилось к действиям наемников. Вместе с тем темное время суток достаточно широко использовалось командованием НВФ для подготовки наступательных действий: передислокации своих сил, обстрелов мест расположения наших войск из минометов, гранатометов и стрелкового оружия[47].

Пользуясь порой недостаточной бдительностью часовых, а также хорошим знанием русского языка, переодетые в форму федеральных войск боевики проникали на территорию расположения российских частей в целях совершения диверсионных актов. Так, 2 января 1995 года двое переодетых боевиков проникли в район расположения одного из армейских соединений, «уточнили» у офицеров место расположения штаба и бросили гранату в штабную палатку[48]. Подобный случай имел место 6 января 1995 года в Грозном, когда в расположение опорного пункта 2 мср 255 мсп проник переодетый в нашу форму бандит, который забросал гранатами расчет АГС и скрылся[49].

Для совершения маневра, диверсионных актов или скрытного проникновения в тыл наших войск

чеченцы широко использовали подземные коммуникации[50]. В частности, 2 января 1995 года в тыл одного из ротных опорных пунктов 255 мсп, оборонявшегося на территории республиканской больницы в Грозном, по подземным коммуникациям пробрались три боевика и внезапно открыли огонь, в результате чего один военнослужащий роты был убит и один ранен.

Нападения боевиков на населенные пункты, расположенные в высокогорной части Чечни, имели свои особенности. Целями их действий было: уничтожение глав местной администрации и сотрудников правоохранительных органов, демонстрация своей силы и влияния, захват материальных ценностей, создание атмосферы страха и неуверенности среди местных жителей, подрыв веры населения в способность государственной власти вести эффективную борьбу с мятежниками и обеспечить мирную жизнь.

Все акции подобного рода всегда тщательно разрабатывались и готовились. В первую очередь боевики организовывали сбор данных о предстоящем объекте нападения: наличии в населенном пункте или поблизости от него подразделений федеральных войск и правоохранительных структур, места их расположения; выявляли общий настрой населения по отношению к боевикам, наличие отрядов самообороны; расположение зданий и строений, имеющих важное тактическое значение; возможные пути отхода и другие вопросы.

В качестве осведомителей бандиты использовали симпатизировавших им местных жителей, в том числе сотрудников милиции и представителей органов самоуправления. В дальнейшем часть бандитов под видом местных жителей, их родственников или знакомых проникала в селение. Здесь они создавали тайники с оружием и боеприпасами, уточняли задачи, проводили доразведку и ждали установленного сигнала.

В день операции основная часть банды прибывала на автотранспорте в населенный пункт. Здесь к ним примыкала та часть боевиков, которая уже заранее в нем обосновалась. Затем в ходе боя бандиты уничтожали или блокировали подразделения федеральных войск и отделы милиции, захватывали административные здания и важные объекты, брали заложников, производили расстрелы представителей местной власти и правоохранительных структур, осуществляли грабеж населения. После этого бандиты покидали населенный пункт. При намерении удержать захваченный аул боевики проводили мероприятия по подготовке его к обороне.

В целом же командование НВФ заранее и тщательно готовило и отрабатывало предстоящие наступательные операции и бои в населенных пунктах. Смелые и инициативные действия боевиков на низовом уровне во многом способствовали их успешному осуществлению.

Командование НВФ всегда стремилось достичь численного превосходства на атакуемом участке, для чего умело перебрасывало силы со второстепенных направлений на главное. Передислокация отрядов и групп боевиков осуществлялась как в пешем порядке, так и на автомобилях, что позволяло быстро наращивать усилия непосредственно в ходе боя. На возможных путях подхода подкреплений к нашим войскам заранее устраивались засады. После этого начиналась атака, которая велась одновременно со всех сторон, обычно в пешем порядке при поддержке огня минометов, танков, СПГ, гранатометов, тяжелых пулеметов и снайперов.

В интересах усиления сопротивления ополченцев и местного населения дудаевская пропаганда вела их активную психологическую обработку. Разжигая в людях националистические и религиозные чувства, культивируя ненависть и вражду ко всему русскому и российскому, она призывала чеченцев к джихаду*, газавату** и кровной мести. В частности, среди населения распространялись провокационные слухи о том, что российские войска введены в Чечню для того, чтобы выселить чеченцев с их родной земли и о готовящейся новой депортации чеченского народа по образцу 1944 года[51].

* Джихад (араб.) — усердие, рвение в деле распространения ислама и обеспечения его торжества. В первую очередь под джихадом подразумевается газават.
** Газават (от араб. «газв» — набег) — война за веру, предписанная Кораном, частный случай джихада. Отличившийся в газавате (джихаде) называется гази (герой, победитель), погибший — шахид (мученик). По мусульманской религии последнему в час кончины уготовано место в раю.

Для повышения боевого духа «воинов Аллаха» проводились многотысячные митинги, военные парады и строевые смотры (до начала боевых действий), массовые молитвы, исполнялся ритуальный религиозный танец «зикр», звучали призывы, лозунги, воззвания, использовались многие другие приемы.

Наряду с перечисленными устными «национально-религиозными» способами агитации широко использовались также печатные и технические средства массовой информации[52]. Например, в ноябре—декабре 1994 года местные газеты, радио и телевидение настойчиво призывали чеченский народ к открытым выступлениям и вооруженной борьбе против российской армии. Аналогичные приемы использовались и в августе 1996 года. Как отмечалось в оперативных сводках ОГВ, «в целях поднятия боевого духа боевиков и демонстрации своих успехов в ходе боев в г. Грозный, по местному телевидению осуществляется трансляция видеоматериалов о событиях в столице республики»[53].

Не брезговали глашатаи сепаратизма и дезинформацией своих подручных, доводя ее порой до откровенной и циничной лжи. Так, в первые дни января 1995 года они распространяли слухи о том, что «тридцать китайских дивизий прорвали российскую границу и идут на Кавказ для оказания помощи чеченским повстанцам». При сообщениях о потерях сторон в ходе боев, количество своих убитых занижалось, а федеральных войск несоизмеримо завышалось. Например, отмечалось что «…наши ополченцы сражаются успешно. Соотношение потерь один к ста»[54].

Также в целях дезинформации своего народа и зарубежной общественности боевики иногда использовали форму российских военнослужащих. Переодетые бандиты совершали провокации и акты насилия против гражданского населения. При этом убийства и издевательства над людьми снимались на видеокамеры, чтобы потом через средства массовой информации продемонстрировать всему миру «зверства российской армии в Чечне». Подобные факты неоднократно отмечались независимыми комиссиями и экспертами[55]. Лживая информация давала сепаратистам возможность заручиться поддержкой общественности и правительств ряда иностранных государств, причем как исламского мира, так и Западной Европы.

Для поддержания строжайшей дисциплины, исполнительности и беспрекословного повиновения командование НВФ практиковало также меры физического воздействия. Мерами наказания служили битье палками и расстрелы. Так, по данным военной разведки, около 50 украинских наемников из УНСО были расстреляны чеченцами за стремление покинуть Грозный в первые дни 1995 года и нежелание исполнять приказы Дудаева и своих командиров[56]. Для устрашения расстреливались также те чеченцы, которые, стремясь к миру на родной земле, оказывали помощь и поддержку федеральным властям.

В целом следует отметить, что агитация, пропаганда и мощнейший психологический прессинг, проводимые противоборствующей стороной, были организованы весьма искусно и эффективно. Как отмечалось в оперативных сводках Внутренних войск МВД РФ, «в бандформированиях, действующих в столице Чечни, отмечается высокая дисциплина», «несмотря на значительные потери, боевой дух сепаратистов остается высоким»[57].

Анализ архивных материалов, многочисленных источников и документов, раскрывающих *подготовку и ведение боевых действий незаконными вооруженными формированиями в городах и населенных пунктах* Чечни в 1994—1996 годах, позволяет сделать следующие **выводы**.

К *особенностям* тактики НВФ в городских условиях следует отнести: ведение боевых действий посменно («вахтовым» способом) и в основном в строго ограниченное (дневное) время; использование небольших боевых групп (3—5 человек) и отрядов (15—20 человек); применение мобильных огневых групп на автомашинах; действия групп гранатометчиков (в составе 2—5 боевиков); использование тактического приема «удар—отход»; массовое применение снайперов; использование артиллерийских орудий и батарей в качестве «кочующих»; масштабное минирование местности и объектов; активное ведение «войны в эфире»; стремление избегать позиционных форм борьбы с превосходящими по численности российскими войсками; решительное массирование сил и средств на избранных направлениях; действия «роем» («стаей»); проведение «психических атак»; совершение диверсионных актов в местах дислокации российских войск и другие особенности.

В качестве *сильных сторон* можно отметить: наличие регулярной, хорошо подготовленной и оснащенной армии; четкую организационную структуру и систему подчиненности ополченцев; налаженную и грамотно спланированную систему управления; прекрасное знание города (населенных пунктов); высокую мобильность отрядов и групп; большое количество оружия и боеприпасов; участие профессионалов из числа наемников; хорошую личную подготовку боевиков; национально-этническую, кровнородовую и религиозную общность чеченцев; высокий моральный дух.

Успешные действия боевиков также достигались: тщательной разведкой, всесторонней подготовкой к предстоящим боевым действиям; широкой сетью агентуры; использованием местного населения; комплексным огневым поражением федеральных войск; своевременностью принимаемых решений и оперативностью их осуществления; нарушением управления частями и подразделениями российской армии; активными ночными действиями (в основном наемниками); внезапностью и согласованностью ударов; постоянным изучением, анализом и учетом действий федеральных войск; поиском новых средств, форм и способов борьбы; умело проводимыми мероприятиями

по дезинформации общественности и поднятию морального духа боевиков.

К *слабым сторонам* незаконных вооруженных формирований следует отнести: привязанность к своим районам города и населенным пунктам; нежелание ополченцев вести боевые действия ночью; наличие в рядах боевиков значительного количества лиц, имевших уголовное прошлое и преступные наклонности, что разлагало НВФ изнутри*, порождало конфликты как между отдельными личностями, так и между группировками[58], существенно дискредитировало всех чеченцев в глазах русского народа и мировой общественности.

К недостаткам, кроме того, можно отнести имевшие место конфликты между чеченцами на основе тейповых** разногласий, негативных взаимных отношений, личных амбиций и обычая кровной мести. Имелись также существенные противоречия между чеченцами и украинскими националистами, находившимися в составе бандформирований. Кроме того, далеко не всегда чеченцы по-честному расплачивались с приехавшими воевать на их стороне наемниками. Особенно это относилось к этническим славянам, прибалтам и даже мусульманам — гражданам бывшего СССР (азербайджанцам, татарам, таджикам, узбекам и др.). Нередко при желании уехать из Чечни их не отпускали, а по окончании контракта они вполне могли получить за свою кровавую «работу» фальшивые доллары или пулю в затылок. Все это подрывало доверие пришлых «солдат удачи» к командирам-чеченцам и наряду с другими причинами сокращало приток в ряды НВФ наемников из России и других стран СНГ.

В заключение следует отметить, что на начальном этапе операции по штурму Грозного со стороны командования ОГВ и командиров всех степеней была допущена явная недооценка подготовленности, боеспособности и морального духа чеченских боевиков, их умения действовать в условиях города. Это, в свою очередь, срывало своевременное выполнение федеральными войсками поставленных задач, приводило к излишним и неоправданным потерям. Лишь позже, уже в ходе боевых действий, после столкновения с особенностями тактики сепаратистов в городских условиях, начался поиск новых приемов и способов борьбы, ранее неоговоренных в существовавших российских боевых уставах и наставлениях. Их разработка и последующее внедрение в практику боев и операций, проводимых в городах и населенных пунктах Чечни, позволили в дальнейшем успешно выполнять боевые задачи.

* Так, на момент штурма российскими войсками населенного пункта Гойское в апреле 1996 года там находилась группировка дудаевцев численностью около 1500 человек. До 400 из них были уголовники, ранее отбывавшие наказание в заключении, которые в ночь с 5 на 6 апреля решили оставить позиции и уйти. Другие боевики воспротивились этому, в результате чего между ними завязался бой, который велся с применением всех видов оружия и продолжался около трех часов[59].

** Тейп (род, клан) — группа кровных родственников, ведущих происхождение от общего предка и носящих фамилию (имя, прозвище) родоначальника. Счет родства ведется по отцовской линии. В тейпе действуют обычаи родового строя (круговая порука, взаимопомощь, кровная месть и др.).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Материалы научно-практической конференции Главного штаба Сухопутных войск. М., 1997. С. 33.

[2] ЦАМО. Ф. 102161. Оп. 1. Д. 7. Л. 190, 230.

[3] Красная звезда. 1994. 28, 29 декабря.

[4] ЦАМО. Ф. 6472. Оп. 50. Д. 1. Л. 3.

[5] ЦАМО. Ф. 4048. Оп. 28. Д. 1. Л. 27, 31, 32.

[6] На боевом посту. Сборник статей. 1998. Ноябрь. № 87. С. 43.

[7] ЦАМО. Ф. 102161. Оп. 1. Д. 6. Л. 45.

[8] *Козлов С. и др.* Спецназ ГРУ-2. Война не окончена, история продолжается. М., 2003. С. 368.

[9] ЦАМО. Ф. 6783. Оп. 5. Д. 1. Л. 3—4.

[10] *Козлов С. и др.* Спецназ ГРУ — 2. С. 331.

[11] ЦАМО. Ф. 102161. Оп. 1. Д. 16. Л. 9.

[12] *Скобенников А.* Грозненское жертвоприношение // Солдат удачи. 1999. № 5. С. 6.

[13] *Новичков Н.Н. и др.* Российские Вооруженные Силы в чеченском конфликте: Анализ. Итоги. Выводы. Париж—Москва, 1995. С. 42.

[14] Материал из личного архива Б.А. Божедомова.

[15] ЦАМО. Ф. 6472. Оп. 50. Д. 1. Л. 19.

[16] ЦАМО. Ф. 101782. Оп. 19. Д. 4. Л. 57.

[17] ЦАМО. Ф. 6783. Оп. 5. Д. 1. Л. 41.

[18] ЦАМО. Ф. 101782. Оп. 24. Д. 1. Л. 104.

[19] ЦАМО. Ф. 102161. Оп. 1. Д. 8. Л. 77.

[20] ЦАМО. Ф. 101782. Оп. 24. Д. 1. Л. 102.

[21] ЦАМО. Ф. 6889. Оп. 5. Д. 3. Л. 13, 14.

[22] Независимое военное обозрение. 1999. № 48. С. 5.

[23] Красная звезда. 1994. 29 декабря.

[24] *Новичков Н.Н. и др.* Российские Вооруженные Силы в чеченском конфликте. С. 42.

[25] Материалы из личного архива Б.А. Божедомова.

[26] ЦАМО. Ф. 1295. Оп. 10. Д. 2. Л. 8, 10.

[27] ЦАМО. Ф. 102161. Оп. 1. Д. 7. Л. 70.

[28] ЦАМО. Ф. 102161. Оп. 1. Д. 7. Л. 64.

[29] Материалы научно-практической конференции Уральского военного округа. Екатеринбург, 1996. С. 71, 73.

[30] ЦАМО. Ф. 102161. Оп. 1. Д. 7. Л. 77.

[31] ЦАМО. Ф. 102161. Оп. 1. Д. 9. Л. 82.

[32] Красная звезда. 1994. 24 декабря.

[33] Красная звезда. 1995. 17 марта.

[34] Известия. 1995. 21 января.

[35] ЦАМО. Ф. 102161. Оп. 1. Д. 7. Л. 50.

[36] Красная звезда. 1995. 17 марта.

[37] ЦАМО. Ф. 6124. Оп. 4. Д. 1. Л. 16.

[38] ЦАМО. Ф. 102161. Оп. 1. Д. 4. Л. 154.

[39] Журнал «Итоги». 2004. № 16. С. 25.

[40] *Новичков Н.Н. и др.* Российские Вооруженные Силы в чеченском конфликте. С. 42, 44.

[41] ЦАМО. Ф. 102161. Оп. 1. Д. 6. Л. 14.

[42] ЦАМО. Ф. 101782. Оп. 19. Д. 1. Л. 6.

[43] ЦАМО. Ф. 6472. Оп. 50. Д. 1. Л. 20.

[44] ЦАМО. Ф. 101782. Оп. 24. Д. 1. Л. 86.

[45] ЦАМО. Ф. 101782. Оп. 19. Д. 1. Л. 4.

[46] Там же. Л. 5.

[47] ЦАМО. Ф. 6472. Оп. 50. Д. 1. Л. 17, 21—22, 24.

[48] Внутренние войска МВД России в Чеченской Республике (1994—1996 гг.). Ч. 1. М., 2000. С. 33.

[49] Материалы из личного архива Б.А. Божедомова.

[50] ЦАМО. Ф. 102161. Оп. 1. Д. 7. Л. 44.

[51] Красная звезда. 1994. 15—16 декабря.

[52] ЦАМО. Ф. 102161. Оп. 1. Д. 16. Л. 42.

[53] ЦАМО. Ф. 102161. Оп. 1. Д. 7. Л. 122.

[54] *Абдулаев Э.* Позывной — «Кобра» (Записки разведчика специального назначения). М., 1997. С. 343.

[55] Чечня в пламени сепаратизма. Саратов, 1998. С. 285; Красная звезда. 1994. 27 декабря.

[56] *Новичков Н.Н. и др.* Российские Вооруженные Силы в чеченском конфликте. С. 70; Красная звезда. 1995. 5 января.

[57] ЦАМО. Ф. 102161. Оп. 1. Д. 7. Л. 70.

[58] ЦАМО. Ф. 102161. Оп. 1. Д. 16. Л. 8.

[59] *Козлов С. и др.* Спецназ ГРУ-2. С. 469; ЦАМО. Ф. 6889. Оп. 5. Д. 2. Л. 60, 63.

Военно-политическая работа Красной Армии в ходе Великолукской наступательной операции (24.11.1942—20.01.1943)

Полковник А.А. ПАНФИЛОВ

А.Н. КОЛОБОВ,
кандидат педагогических наук

А.А. ЕФИМОВ,
кандидат исторических наук

АННОТАЦИЯ

Раскрыта деятельность военно-политических органов Красной Армии по обеспечению разгрома немецко-фашистских войск, оккупировавших город Великие Луки, в ходе Великолукской наступательной операции войск Калининского фронта (1942—1943). Рассмотрены ключевые акции советских военно-политических работников, в том числе с привлечением немецких антифашистов и военнопленных, по подрыву боевого духа гитлеровцев.

ABSTRACT

The paper discusses the efforts of the Red Army's military-political bodies to defeat the German fascist troops who occupied Velikiye Luki during the Kalinin Front's Velikiye Luki offensive operation (1942—1943). It highlights the key actions taken by Soviet military-political workers, including the involvement of German anti-fascists and prisoners of war, to undermine the fighting spirit of the Nazis.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Великая Отечественная война, Красная Армия, Калининский фронт, Великие Луки, Третья ударная армия, Главное политическое управление, военно-политическая работа, пропаганда в войсках противника, немецкие антифашисты.

KEYWORDS

Great Patriotic War, Red Army, Kalinin Front, Velikie Luki, Third Shock Army, Main Political Department, military-political work, propaganda aimed at enemy troops, German anti-fascists.

ОДНОЙ из наиболее содержательных страниц деятельности военно-политических органов Красной Армии по разложению немецко-фашистских войск в период Великой Отечественной войны является работа, проводившаяся с 25 ноября 1942 по 17 января 1943 года в отношении немецко-фашистских войск, оккупировавших город Великие Луки.

В конце ноября 1942 года в результате наступательной операции войск Калининского фронта под командованием генерал-полковника М.А. Пуркаева немецко-фашистский гарнизон Великих Лук был окружен.

Однако вражеская группировка численностью около девяти тысяч отлично вооруженных солдат и офицеров, опиравшихся на мощные укрепления, упорно оборонялась и сдаваться не собиралась[1,2,3].

Руководством Главного политического управления Красной Армии (ГлавПУРККА) в связи с этим было принято решение об организации против окруженных немецко-фашистских войск военно-политической операции[4,5].

В помощь военно-политическим работникам Калининского фронта из Москвы была направлена бригада пропагандистов во главе с начальником редакционно-издательского отдела седьмого управления ГлавПУРККА полковником И.С. Брагинским, известным ученым-востоковедом, руководившим антифашистскими школами немецких военнопленных в СССР. В бригаду помимо кадровых военно-политических работников вошли немецкие антифашисты и бывшие военнопленные — выпускники Центральной антифашистской школы. Куратором этой операции был назначен видный партийный работник Д.З. Мануильский, являвшийся специалистом по ведению пропаганды в войсках противника[6]. Бригаде была поставлена задача: «Придумывайте, изобретайте различные методы воздействия в боевой обстановке, но во что бы то ни стало добейтесь успеха. Нужно доказать эффективность пропаганды как оружия…»[7].

Военно-политические работники фронта совместно с направленными к ним пропагандистами во взаимодействии с действовавшими на передовых позициях бойцами и командирами, проанализировав формуляры-характеристики находившихся в Великих Луках вражеских частей и формирований, опросив военнопленных, обработав трофейную документацию, методично и скрупулезно изучили врага[8]. Выяснилось, что в Великих Луках находились войска 83-й пехотной дивизии, ядро которых составляли опытные обстрелянные солдаты фронтовики 25—35-летнего возраста, отличавшиеся фанатичной приверженностью фашистской идеологии с твердой верой в победу Германии[9—14].

Поддержанию морально-психологического состояния войск гарнизона и сохранению этого города за Германией Гитлер придавал исключительно важное значение, называя его «ключом к Берлину», и приказал ни при каких обстоятельствах Великие Луки не сдавать.

Учитывая политико-моральное состояние фашистских войск осажденного гарнизона Великих Лук, ***советская печатная и устная специальная пропаганда воздействовала на умы солдат и офицеров методически выверенным словом.***

Первое, до гитлеровцев доводился факт их полного окружения войсками Красной Армии и того, что они оказались в прочном кольце осады в безнадежном положении — сопротивление бесцельно и бессмысленно[15].

Второе, окруженному личному составу настойчиво внушалось, что дальнейшее сопротивление — смерть, а плен — сохранение жизни. Солдатам объяснялось, что продолжающий сопротивляться — самоубийца. Офицеров обвиняли в том, что в сложившихся условиях они являются убийцами своих солдат. Взывая к благоразумию и инстинкту самосохранения, гитлеровцам напоминали, что каждый час промедления со сдачей в плен может стоить каждому из них жизни[16].

Третье, советские пропагандисты разбивали надежды осажденного гарнизона на возможность оказания им помощи, так как атаки немецко-фашистских войск, пытавшихся выручить их извне, успешно отбиваются;

продовольствие и боеприпасы на исходе, тысячи раненых лишены ухода и медицинской помощи. Их убеждали, что Гитлер не спасет их, поскольку вынужден решать другие задачи, связанные со спасением агонизирующей 6-й армии под Сталинградом и войск на Северном Кавказе, а также с поддержкой терпящего поражение африканского корпуса генерала Роммеля и стоящего на пороге краха фашистского режима в Италии[17].

Четвертое, советские пропагандисты доказывали гитлеровским воякам, что плен — это не позор, а акт благоразумия, естественный спутник войны, так же как смерть или ранение. Отмечалось, что в Первую мировую войну сотни тысяч немцев оказались пленными в России, Франции и Англии. Среди них оказывались видные деятели гитлеровского режима, такие как Герберт Векке, Фриц Рейнгард, Фриц Заукель и другие. Напоминалось, что официальное немецкое командование при обучении своих войск оправдывало сдачу в плен при таких условиях, как тяжелое ранение, отсутствие боеприпасов, а также бесцельное и не нужное отечеству жертвование жизнью. Советские политработники ссылались на военную историю, на общеизвестные примеры складывания оружия храбрыми солдатами и офицерами при сдаче в плен, если дальнейшее сопротивление становилось безнадежным. Наконец, звучал призыв следовать примеру 72 000 их сослуживцев, сдавшихся в плен в районе Сталинграда, и 55 000 — сдавшихся в районе Среднего Дона[18].

Пятое, советской стороной формировалось представление о терпимом отношении к военнопленным в Советском Союзе. Их убеждали в том, что русского плена не следует бояться, поскольку сотни и тысячи их недавних сослуживцев, оказавшихся в плену, явились свидетелями хорошего обращения русских солдат и офицеров с немецкими военнопленными. В целях доказательства тезисов о выгодах плена практиковались выступления перед микрофоном свидетелей — военнопленных немцев[19,20].

Шестое, советские военно-политические работники старались посеять рознь в рядах гитлеровцев, особенно между солдатами и офицерами. В этой связи освещались известные факты, негативно сказывавшиеся на боеготовности солдат, например того, что генерал-лейтенант Т. Шерер, командир 83-й пехотной дивизии, бежал из Великих Лук, фактически с поля боя; подполковник фон Засс и его штаб отсиживались в глубоких, безопасных для жизни блиндажах, а солдат гнали на верную смерть. В частности, в советских обращениях к немецким солдатам отмечалось, что офицеры, в отличие от них всегда были сытыми, а солдаты — голодными; они были в тепле и чистоте, а солдаты — на морозе и в грязи. Солдат они дурачат сказками об «ужасах» русского плена, внушают, что смерть лучше плена, а сами берегут свои шкуры и в последний момент предпочитают плен вместо смерти на поле боя. Офицеры могут держаться «до последнего солдата», а солдаты ждать не могут, потому что каждый час промедления удлиняет их страдания и ведет к гибели новых сотен таких же, как они, товарищей. Офицеры, запрещающие им переходить в плен — убийцы, заслуживающие смерти. «Уберите с дороги и беспощадно расправьтесь с теми, кто преграждает вам единственный путь к спасению — переход в плен»[21].

За период осады города, начиная с 25 ноября 1942 г. и по 17 января 1943 года, в походной типографии Политуправления Калининского фронта, переданной в распоряжение 3-й ударной армии, было отпечатано 28 листо-

вок общим тиражом 200 тысяч экземпляров. На Калининском фронте это являлось небывалым сосредоточением печатной продукции, предназначенной для войск противника. Листовки с содержанием конкретного, оперативно добытого местного материала адресовались непосредственно личному составу вражеского гарнизона Великих Лук. Кроме этого, авиацией на осажденный в городе немецкий гарнизон почти ежедневно сбрасывалась значительная доля других листовок, издававшихся в то время Политуправлением Калининского фронта и присланных из Главного политического управления Красной Армии. В итоге на каждого немецкого солдата гарнизона Великих Лук за время осады города пришлось в среднем около 40 листовок[22—27].

Генерал армии К.Н. Галицкий, в период Великолукской операции командовавший 3-й ударной армией, в своих воспоминаниях отмечал действенность советских листовок-обращений, подтвержденную многими перешедшими в Великих Луках на советскую сторону немецкими солдатами[28].

Полковник М.В. Соколов отмечал, что при осаде войсками Великих Лук советские политработники выпускали листовки от имени немецких военнопленных, пожелавших обратиться к своим бывшим сослуживцам, в которых они рассказывали о гуманном отношении к ним в плену. При опросе военнопленных работники седьмых отделов всякий раз интересовались: читали ли они советские листовки, какие из них им особенно запомнились, что говорили о советской пропаганде немецкие солдаты[29].

Генерал-лейтенант Ф.Я. Лисицын, во время Великолукской операции занимавший пост начальника Политотдела 3-й ударной армии, в своих мемуарах отметил многие тысячи листовок, забрасываемые в окруженные советскими войсками Великие Луки[30].

Советский писатель Б.Н. Полевой в период осады советскими войсками Великих Лук был фронтовым корреспондентом газеты «Правда» и внимательно следил за разворачивавшимися событиями. По словам писателя, советские военно-политические работники буквально засыпали немецкий гарнизон, находившийся в Великих Луках, листовками-пропусками, гарантирующими безопасность в советском плену[31].

Что касается пропаганды «живым словом», то под Великие Луки была переброшена единственная на Калининском фронте мощная громкоговорящая установка (МГУ), которая за 20 дней работы передала в эфир 248 пропагандистских текстов. Здесь же была задействована и окопная громкоговорящая установка (ОГУ) 3-й ударной армии с передачей за время осады города 276 текстов[32—35].

Важной особенностью пропагандистской спецоперации стала оперативность военно-политической работы и владение мельчайшими деталями состояния дел во вражеской группировке. В листовках, изданных Политотделами 3-й ударной армии и Калининского фронта, была достигнута максимальная степень конкретности агитационного материала. Это было достигнуто благодаря хорошему знанию, с одной стороны, состояния противника посредством его систематического изучения, а с другой — благодаря оперативному взаимодействию с разведывательным отделом штаба фронта и армии. Наиболее высокой оперативности и конкретности в устной пропаганде советские военно-политические органы добились через звуковещательные станции непосредственно в боевых порядках войск на передовой. В информации советской стороны отражались отдельные события, бои,

потери, показания военнопленных, и адресовались они конкретным частям и подразделениям немецко-фашистских войск[36,37].

Повседневная связь с командованием дивизий, полков и батальонов Красной Армии, опрос «свежих» пленных, личные наблюдения о ходе боя, а также воздействие опытных дикторов-литераторов, отлично владевших немецким языком и способных устно, импровизируя, составить любой текст, обеспечили организаторам пропагандистской спецоперации возможность немедленного и непосредственного реагирования на изменения как событий дня, так и положения войск на фронте[38].

К разложению гитлеровцев гарнизона Великих Лук применялись различные формы воздействия.

Первая — выступления военнопленных перед микрофоном звуковещательных станций. 80 немецких военнопленных более 350 раз выступили через две звуковещательные станции, в том числе 65 военнопленных — более 300 раз перед микрофоном МГУ, призывая своих товарищей прекратить бесцельное сопротивление, довериться русским и сдаться в плен. Работа с МГУ на передовой часто сопровождалась привлечением только что взятых пленных и перебежчиков. В течение ночи каждый пленный выступал 2—3 раза, а общее число выступавших за одну ночь составляло более 30 пленных[39,40].

К выступлениям по МГУ часто привлекались пленные, которые были известны немецким солдатам. Так, например, был привлечен пленный денщик барона фон Засса, хорошо знавший порядок работы штаба оккупантов, с разоблачением перед бывшими сослуживцами своего лицемерного шефа, гонящего своих голодных подчиненных на смерть и при этом прячущегося в безопасном комфортном бункере[41]. Выступления перед микрофоном лиц офицерского состава следует отметить особо, например, командира дивизиона 185-го пехотного полка майора Геннинга, дивизионного пастора в чине майора 83-й пехотной дивизии доктора Ганса Рунге, обер-лейтенантов, командиров рот Киста (251-й пехотный полк) и Босса (336-й охранный батальон), военных врачей Кауфмана и Пушмана[42,43]. Часто к пропаганде посредством МГУ привлекались и военные священнослужители — евангелические пасторы. При этом один из них в своих выступлениях в форме проповеди освобождал германских солдат от присяги фюреру[44].

В докладе заместителя начальника штаба Калининского фронта генерала И.И. Семенова были отмечены чрезвычайно действенными и эффективными выступления военнопленных антифашистов из группы полковника И.С. Брагинского непосредственно на передовой через рупоры — до 30 передач.

Вторая — использование военнопленных в качестве парламентеров. Советскими военно-политическими органами было направлено в расположение войск противника семь человек военнопленных парламентеров с пакетом, адресованным начальнику немецкого гарнизона от имени командования Красной Армии. Двое из этих парламентеров, выполнив задание, вернулись обратно; двое после вручения пакета были задержаны и вновь взяты в плен; один оказался задержан, но впоследствии перебежал; двое не вернулись[45].

Третья — пропаганда условий советского плена. Переброска или «обратная засылка» через линию фронта военнопленных для пропаганды плена и привода с собой изъявивших готовность сдаться. Этим занимались прибывшие из Москвы антифашисты, а также немецкие военнопленные солдаты и унтер-офицеры,

Полковник М.В. Соколов отмечал, что при осаде войсками Великих Лук советские политработники выпускали листовки от имени немецких военнопленных, пожелавших обратиться к своим бывшим сослуживцам, в которых они рассказывали о гуманном отношении к ним в плену. При опросе военнопленных работники седьмых отделов всякий раз интересовались: читали ли они советские листовки, какие из них им особенно запомнились, что говорили о советской пропаганде немецкие солдаты.

добровольно сложившие оружие и давшие личное согласие вернуться в свои подразделения с рассказом правды о советском плене. При этом посланцы из Москвы имели при себе письма и обращения от немецких пленных, находившихся в СССР[46].

Через боевые порядки 257-й стрелковой дивизии за несколько дней военно-политическими работниками было переброшено с подобной целью пять военнопленных солдат и унтер-офицеров. Все они вернулись обратно с тринадцатью своими сослуживцами. Унтер-офицер Энгель из четвертой роты 336-го охранного батальона, вернувшись в свою часть, прямо заявил своему командиру роты обер-лейтенанту Боссу, что он пришел из русского плена и намерен вновь туда вернуться. Командир роты «махнул на него рукой» и впоследствии сам сдался в плен в последние дни осады. Этот факт свидетельствовал о смятении, царившем уже тогда в немецком гарнизоне[47,48].

Четвертая — психологическое воздействие на военнослужащих. С помощью немецких антифашистов была проведена диверсия во вражеском лагере, получившая мощный психологический резонанс. В ночь с 10 на 11 января 1943 года группа советских автоматчиков 257-й стрелковой дивизии в составе 15 человек, возглавляемая сержантом Капустиным, в сопровождении обер-лейтенанта Ф. Аугустина и обер-ефрейтора Ф. Гольда под видом делегатов германского командования, «прорвавшихся» через линию фронта, проникла в глубину расположения вражеских войск в Великих Луках. Они попытались захватить бункер подполковника фон Засса и заставить его приказать своим подчиненным сдаться в плен. Реализовать замысел не удалось, но бой в районе штаба окруженной в Великих Луках группировки вызвал определенное смятение в стане врага[49—51].

Как утверждал генерал-майор М.И. Бурцев, проведенная диверсия на фоне мощного советского агитационного штурма взбудоражила солдат и офицеров фашистского гарнизона Великих Лук, окончательно расколов их на противников и сторонников капитуляции. В течение трех-четырех дней после дерзкого рейда в плен сдались более 2500 немецких солдат и офицеров, что свидетельствовало о резком разложении вражеского гарнизона и привело к ослаблению сопротивления гитлеровцев в городе и принуждению оставшихся к капитуляции[52].

Пятая — агитация «старых» немецких военнопленных за сдачу в плен. Распропагандированные советскими военно-политическими работниками «старые» немецкие военнопленные результативно агитировали военнослужащих за сдачу в плен. «Старые» военнопленные обычно выступали как представители Центрального бюро немецких военнопленных в СССР, что производило на новых пленных сильное впечатление. Затем начиналась индивидуальная и групповая обработка пленных в це-

лях привлечения их к выступлению перед микрофоном звуковещательной станции, подготовка к засылке парламентерами или заброске в свою часть для убеждения своих товарищей сдаться в плен[53].

Важным средством воздействия на врага стали обращения советского командования к осажденному немецкому гарнизону Великих Лук с предложением о капитуляции. Такие обращения об условиях и формах почетной капитуляции имели место 15 и 16 декабря 1942 года, 1 и 8 января 1943 года. Они остались без ответа. Тем не менее эти предложения, много раз переданные через звуковещательные станции, а также факт появления парламентеров с белым флагом на виду у всех произвели сильное впечатление на солдат противника и побудили многих из них перейти на советскую строну, а также возбудили недовольство солдат своими офицерами[54].

На предложение о капитуляции, выдвинутое в ночь с 14 на 15 января 1943 года и переданное через парламентера — пленного военного врача немецкой армии, противник ответил уклончиво, предложив продлить срок ультиматума еще на один день и прислать дополнительно для переговоров русского парламентера. Советское командование ответило отказом, усмотрев в этом стремление врага выиграть время, и ответило огнем артиллерии. Факт появления парламентера вызвал радостное возбуждение немецких солдат, стремившихся скорей покончить с бессмысленным сопротивлением. 17 солдат с переднего края тут же сдались в плен. Даже вестовой, посланный сопровождать парламентера до переднего края, отказался вернуться в свою часть и сдался в плен[55].

16 января 1943 года в 15 часов 30 минут под угрозой уничтожения советскими войсками командного пункта великолукского гарнизона подполковник барон фон Засс вместе со своим штабом сдался в плен воинам 8-го Эстонского стрелкового корпуса, что облегчило задачу ликвидации в течение последующих суток последнего очага сопротивления гитлеровцев в Великих Луках[56,57].

Таким образом, организованная советскими военно-политическими органами пропагандистская операция против немецко-фашистских войск гарнизона в Великих Луках дала значительный опыт борьбы с гитлеровцами в информационно-психологическом противостоянии.

Во-первых, ***оправдал себя метод концентрации сил и средств пропаганды***. Была создана бригада высококвалифицированных военно-политических работников, согласованно действующих в звене ГлавПУРККА — политорганы фронта — политорганы армии, владеющие достаточно полной информацией о противнике и способные организовать информационное воздействие на врага: эффективно и с высоким качеством пропагандистского материала (точность фактов, логичность и широта кругозора, аргументированность выводов, учет содержания вражеской контрпропаганды); массированно с большим количеством источников информации (печатная продукция, радиопередачи, личные контакты и т. п.). При этом использовались все возможные каналы информации — листовки, газеты, журналы, письма, устная речь агитаторов, пленные и перебежчики, парламентеры и т. д. с привлечением различных технических средств — мощной громкоговорящей установки (МГУ), окопной громкоговорящей установки (ОГУ), а также авиации, «агитационных» снарядов и мин, других средств[58].

Во-вторых, оперативность работы среди вражеских войск.

Как утверждал генерал-майор М.И. Бурцев, проведенная диверсия на фоне мощного советского агитационного штурма взбудоражила солдат и офицеров фашистского гарнизона Великих Лук, окончательно расколов их на противников и сторонников капитуляции. В течение трех-четырех дней после дерзкого рейда в плен сдались более 2500 немецких солдат и офицеров, что свидетельствовало о резком разложении вражеского гарнизона и привело к ослаблению сопротивления гитлеровцев в городе и принуждению оставшихся к капитуляции.

Советской стороной она была достигнута в условиях сложной быстро меняющейся обстановки непосредственно в боевых порядках дивизий в тесном контакте с разведывательным и оперативным отделениями штабов дивизий в условиях бесперебойной связи со штабом армии и фронта[59].

В-третьих, нацеленность на отчуждение солдатской массы от офицеров. Информационное давление на гарнизон немецко-фашистских войск Великих Лук отличалось дифференцированным, адресным, гибким подходом к врагу, нацеленным на отчуждение солдатской массы от офицеров и внесение раскола в ряды самих гитлеровских офицеров. Была направлена на компрометацию начальствующих лиц гарнизона и германского командования более высоких звеньев в глазах осажденных, на индивидуальную обработку отдельных военнослужащих противника.

В-четвертых, привлечение к военно-политической работе немцев-антифашистов, перебежчиков, распропагандированных военнопленных. Были задействованы как те немцы, которые прошли соответствующую «политическую школу», так и «свежие», взятые на поле боя военнопленные рядовые, унтер-офицеры и отдельные офицеры. Особо следует отметить специальную акцию с участием боевой группы немецких антифашистов по нападению на штаб фон Засса.

Заместитель начальника штаба Калининского фронта генерал И.И. Семенов считал, что битва за Великие Луки убедительно продемонстрировала возможность «бить немцев их же руками». По мнению аналитиков штаба Калининского фронта, учитывая изложенное выше, седьмым отделам Политуправлений фронтов и седьмым отделениям Политотделов армий следовало предоставить право и материальную возможность иметь под рукой группы таких военнопленных[60].

В-пятых, действенность пропагандистского оружия. Успех в боевой операции по овладению городом Великие Луки, уничтожению его гарнизона и в большом числе захваченных пленных (3944 солдата и 83 офицера, до 100 перебежчиков) поднял и укрепил веру в высокую действенность пропагандистского оружия не только у советских военно-политических работников, но и среди личного состава Красной Армии в целом[61,62].

Начальник Политуправления Калининского фронта генерал-майор М.Ф. Дребеднев в ГлавПУРККА докладывал: «Успех этой боевой операции, сопровождавшейся большим количеством пленных и перебежчиков, укрепил среди наших командиров и политработников веру в силу и эффективность пропаганды как оружия, и доверие к этому оружию значительно поднялось в глазах рядовых и начальствующего состава частей и соединений»[63].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ЦАМО. Ф. 317. Оп. 4306. Д. 141. Л. 20.

[2] *Бурцев М.И.* Прозрение. М.: Воениздат, 1981. С. 160—161.

[3] *Галицкий К.Н.* Штурм Великих Лук // Военно-исторический журнал. 1972. № 1. С. 53.

[4] ЦАМО. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 860. Л. 112.

[5] *Бурцев М.И.* Прозрение. С. 160.

[6] Там же. С. 161.

[7] *Файн В.Я.* Жизнь востоковеда. По материалам личного архива профессора И.С. Брагинского. М.: Институт Востоковедения РАН, 2018. С. 188.

[8] *Соколов М.В.* Оружием слова / На земле, в небесах и на море: Сборник первый. М.: Воениздат, 1979. С. 132.

[9] ЦАМО. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 860. Л. 112—113.

[10] *Галицкий К.Н.* Годы суровых испытаний 1941—1944. Записки командарма. М.: Наука, 1973. С. 232—233.

[11] *Галицкий К.Н.* Штурм Великих Лук. С. 53.

[12] *Белобородов А.П.* Всегда в бою. М.: Экономика, 1984. С. 161.

[13] *Ортенберг Д.И.* Сорок третий: Рассказ-хроника. М.: Политиздат, 1991. С. 9—10.

[14] *Пэрн Л.А.* В вихре военных лет. Таллин, 1976. С. 159.

[15] ЦАМО. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 860. Л. 113.

[16] *Соколов М.В.* Оружием слова. С. 134.

[17] Там же. С. 134.

[18] ЦАМО. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 860. Л. 113.

[19] Там же.

[20] *Соколов М.В.* Оружием слова. С. 134.

[21] ЦАМО. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 860. Л. 114.

[22] Там же.

[23] *Соколов М.В.* Оружием слова. С. 135.

[24] ЦАМО. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 860. Л. 114—115.

[25] Там же. Л. 115.

[26] ЦАМО. Ф. 213, Оп. 2016. Д. 394, Л. 71.

[27] *Галицкий К.Н.* Годы суровых испытаний 1941—1944. С. 289.

[28] Там же. С. 262, 289.

[29] *Соколов М.В.* Оружием слова. С. 132.

[30] *Лисицын Ф.Я.* В те грозные годы. М.: Воениздат, 1985. С. 90—93.

[31] *Полевой Б.Н.* Сокрушение «Тайфуна». М.: Советский писатель, 1971. С. 300.

[32] ЦАМО. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 860. Л. 116.

[33] ЦАМО. Ф. 213. Оп. 2016. Д. 394, Л. 71.

[34] *Галицкий К.Н.* Годы суровых испытаний 1941—1944. С. 289.

[35] *Лисицын Ф.Я.* В те грозные годы. С. 90—93.

[36] ЦАМО. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 860. Л. 116.

[37] *Соколов М.В.* Оружием слова. С. 132.

[38] ЦАМО. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 860. Л. 116.

[39] Там же.

[40] *Бурцев М.И.* Прозрение. С. 161.

[41] *Соколов М.В.* Оружием слова. С. 139.

[42] ЦАМО. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 860, Л. 117.

[43] *Соколов М.В.* Оружием слова. С. 139.

[44] Там же. С. 135, 139.

[45] ЦАМО. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 860. Л. 117.

[46] Там же.

[47] *Соколов М.В.* Оружием слова. С. 136.

[48] ЦАМО. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 860. Л. 117.

[49] *Бурцев М.И.* Прозрение. С. 161.

[50] ЦАМО. Фонд. 213. Оп. 2002. Д. 860. Л. 117—118.

[51] *Галицкий К.Н.* Годы суровых испытаний 1941—1944. С. 277.

[52] *Файн В.Я.* Жизнь востоковеда… С. 189—194.

[53] *Бурцев М.И.* Прозрение. С. 161.

[54] ЦАМО. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 860. Л. 118.

[55] Там же.

[56] Там же.

[57] *Галицкий К.Н.* Годы суровых испытаний 1941—1944. С. 278.

[58] *Пэрн Л.А.* В вихре военных лет. С. 170—171.

[59] ЦАМО. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 860. Л. 120—121.

[60] Там же.

[61] Там же.

[62] ЦАМО. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 860. Л. 121.

[63] *Пэрн Л.А.* В вихре военных лет. С. 171.

[64] *Бурцев М.И.* Прозрение. С. 161.

Имя в истории: генерал армии А.И. Грибков

Полковник запаса О.Н. МИРОШНИК,
доктор политических наук

Полковник в отставке С.И. ПОКЛАДОВ

Д.А. КАПУСТИН

АННОТАЦИЯ

На основе архивных документов и опубликованной литературы в статье раскрывается история многогранной деятельности видного советского военачальника генерала армии Анатолия Ивановича Грибкова (1919—2008) в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период, в том числе в должности начальника штаба Объединенных вооруженных сил государств — участников Варшавского договора.

ABSTRACT

Based on archival documents and published literature, the paper reveals the history of the multifaceted activities of the prominent Soviet military commander, Army General Anatoly Ivanovich Gribkov (1919—2008), during the Great Patriotic War and the postwar period, including as Chief of Staff of the United Armed Forces of the Warsaw Pact member states.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

А.И. Грибков, Великая Отечественная война, Генеральный штаб ВС СССР, Организация Варшавского договора (ОВД), Объединенные вооруженные силы ОВД.

KEYWORDS

A.I. Gribkov, the Great Patriotic War, the General Staff of the Armed Forces of the USSR, the Warsaw Pact Organization, the United Armed Forces of the Warsaw Pact Organization.

ВАЖНЕЙШИЕ вехи жизни генерала армии А.И. Грибкова тесно связаны с главным делом каждого гражданина — защитой Родины. Он принадлежит к славной плеяде советских военачальников второй половины XX века, самоотверженно служивших своему Отечеству. Выходец

из самой гущи русского народа, будущий военный деятель с раннего детства приобщился к труду и всю свою жизнь достойно и с максимальной отдачей служил на благо Отчизны.

В своей первой автобиографии от 22 декабря 1939 года командир танкового экипажа А. Грибков писал: «Родился в 1919 году 23 марта в селе 1-е Никольское Масловского сельсовета Лиснянского района Воронежской области в семье крестьянина-середняка. До революции родители занимались сельским хозяйством. К настоящему времени колхозники колхоза «Красный кооператив». Холост, до поступления в РККА учился в Тамбовском техникуме сельского хозяйства, окончил один курс. Учился в начальной школе села 1-е Никольское с 1927 по 1931 год. Специального образования не имею. В январе 1936 года принят членом ВЛКСМ»[1].

В других источниках, в том числе и в автобиографических, можно прочесть, что он родился в селе Духовое Лискинского района Воронежской области в многодетной крестьянской семье, где кроме него воспитывались еще шесть братьев и три сестры. Грибков с большой теплотой отзывался о матери: «За воспитание десяти детей она была удостоена звания «Мать-героиня». Чествовали ее всем селом, и вот внимание односельчан было, пожалуй, для матери дороже всех наград. Мы очень любили мать. Она была нашим главным учителем и судьей»[2].

Вспоминая детские годы, он отмечал: «Летом 1930 г. у нас образовался новый колхоз. Вместе с отцом пошел работать в колхоз и я, бороновал, ухаживал за лошадьми, помогал пчеловоду, а зимой носил почту из соседней деревни. За это мне было положено записывать полтрудодня»[3].

В 1937 году в д. Масловке Анатолий окончил семь классов школы крестьянской молодежи. Затем он поступил в Тамбовский техникум механизации сельского хозяйства. Учился легко и с удовольствием, так как еще в школьные годы во время каникул работал на колхозном поле помощником тракториста. Быстро освоил управление техникой. Среди преподавателей и коллег пользовался авторитетом, был избран комсоргом группы и членом комитета комсомола курса.

Однажды в техникум приехали два офицера с предложением поступать в военно-учебные заведения. Тогда многие студенты, в их числе и Анатолий Грибков, написали заявления для поступления в летные и танковые училища. Так, 1 сентября 1938 года он стал курсантом Харьковского бронетанкового училища имени И.В. Сталина. Учеба шла интересно и давалась молодому человеку сравнительно легко, особенно в технических вопросах. Много было занятий по огневой и тактической подготовке, а также по другим специальным дисциплинам, на которых требовались ловкость, хитрость, смекалка и умение принимать нестандартные решения. Все это побудило в молодом человеке интерес к военной науке. В партийно-политической характеристике на выпускника училища А.И. Грибкова отмечались его преданность Родине, политическая грамотность, идеологическая выдержка, моральная устойчивость и высокие результаты в учебе: «За отличие в боевой и политической подготовке награжден грамотами Военного совета округа. Имеет склонность к партийно-политической работе»[4].

В 1939 году в связи со сложной военно-политической обстановкой в Европе состоялся досрочный выпуск из училища (учеба составила 1 год и 3 месяца). Молодой выпускник прибыл в декабре 1939 года на советско-финляндский фронт. Назначенный командиром танкового взвода (в составе пяти танков Т-26) отдельного танкового батальона, он начал постигать военную науку в Заполярье.

После подписания 13 марта 1940 года соглашения между СССР и Финляндией о прекращении боевых действий А. Грибков был переведен помощником начальника штаба отдельного танкового батальона по разведке в Прибалтийский военный округ. С июня по октябрь 1940 года службу проходил на территории Латвии. В сентябре 1940 года ему было присвоено воинское звание «лейтенант».

Именно суровая школа войны с финнами помогла офицеру-танкисту, несмотря на молодость, достойно сражаться в тяжелые для СССР дни 1941 года. Так, уже в начале Великой Отечественной войны в должности командира танковой роты 127-й отдельной танковой бригады он участвовал в боях в Белоруссии и Смоленской области. Его подвиги были высоко оценены военным руководством. В августе 1941 года старший лейтенант Грибков был награжден боевым орденом Красной Звезды, который получил из рук командующего 16-й общевойсковой армией генерал-майора К.К. Рокоссовского. В сентябре А.И. Грибков и ряд других отличившихся командиров рот и батальонов Западного фронта были направлены на учебу в Военную академию имени М.В. Фрунзе для прохождения ускоренного курса[5].

В первые дни учебы в академии шли обычные занятия. Но после того как немцы прорвали фронт и появилась угроза Москве, А. Грибкову, как и другим слушателям академии, вместо учебы пришлось строить доты и дзоты на прилегающих к Хорошевскому шоссе высотах и опушках рощ, а когда его назначили командиром противотанкового орудия — быстро осваивать новые обязанности.

Когда фашистов остановили, слушатели военной академии продолжили обучение. Вскоре академия была перебазирована из Москвы в Ташкент. В мае 1942 года, завершив обучение по ускоренному курсу (5 месяцев), капитан А.И. Грибков был направлен в распоряжение Главного управления кадров Наркомата обороны. В его выпускной характеристике отмечалось: «За время пребывания в академии показал себя хорошо подготовленным, энергичным, настойчивым командиром. Дисциплинирован»[6].

7 июня 1942 года капитан А.И. Грибков стал помощником начальника группы офицеров — представителей Генерального штаба (ГШ), а 11 октября того же года — старшим офицером ГШ при корпусе офицеров-представителей. Следует отметить, что офицеры этого корпуса направлялись в армии, а также в действовавшие на особо важных направлениях корпуса и дивизии. Они были независимы от командующих и командиров, при которых находились, имели право беспрепятственно пользоваться средствами связи и передвижения. В их обязанности входило предоставление в ГШ докладов о реальной обстановке, сведений о положении и состоянии войск Красной Армии.

С самого начала службы в качестве офицера — представителя ГШ А.И. Грибков занял принципиальную позицию: докладывал обстановку такой, какой она была, стремясь быть предельно объективным в ее оценке; не все принимал на веру и не менял своих взглядов, пока для этого не было достаточных оснований. В то же время он очень внимательно относился к мнениям командиров и командующих, тщательно изучал их и, если они были действительно справедливыми и полезными, подтверждал в своих докладах.

Капитан Грибков служил представителем в 1-м танковом корпусе генерала М.Е. Катукова на Брянском фронте. Корпус, уже успевший отличиться в боях под Москвой, в июле 1942 года вел тяжелые оборонительные бои

Именно суровая школа войны с финнами помогла офицеру-танкисту А.И. Грибкову, несмотря на молодость, достойно сражаться в тяжелые для СССР дни 1941 года. Так, уже в начале Великой Отечественной войны в должности командира танковой роты 127-й отдельной танковой бригады он участвовал в боях в Белоруссии и Смоленской области. Его подвиги были высоко оценены военным руководством. В августе 1941 года старший лейтенант Грибков был награжден боевым орденом Красной Звезды, который получил из рук командующего 16-й общевойсковой армией генерал-майора К.К. Рокоссовского.

в районе Воронежа, и А. Грибкову при выполнении своих непосредственных обязанностей часто приходилось бывать на передовой. Полученные по крупицам сведения о складывающейся обстановке и свои заключения он отправлял в ГШ. Несмотря на принципиальную позицию, которая не всегда нравилась командирам и начальникам на местах, от них он получал объективную информацию. Например, 18 августа 1942 года генерал М.Е. Катуков оценивал действия офицера так: «При выезде в части во время боев тов. Грибков оказывал помощь в организации взаимодействия, в управлении боем. Добивался быстрого реагирования и устранения недочетов»[7].

С 11 октября 1942 года А.И. Грибков — уже старший офицер ГШ и представитель в 1-м механизированном корпусе генерала М.Д. Соломатина на Калининском фронте. Корпус по своему составу представлял собой мощную боевую единицу в составе трех механизированных бригад (19, 35 и 37-й) и 65-й танковой. В связи с подготовкой наступательной операции по разгрому Оленино-Ржевской группировки противника (операция «Марс») корпус в первой половине ноября был передан в оперативное подчинение командованию 41-й общевойсковой армии. Эта операция проводилась силами Калининского и Западного фронтов и по времени совпала с битвой под Сталинградом. Координировал действия двух фронтов генерал армии Г.К. Жуков.

Анатолий Иванович прошел вместе с корпусом всю кровопролитную операцию «Марс»: взлом немецкой обороны, многодневные бои в окружении и обратный прорыв к своим. Когда план обратного прорыва был подготовлен, он предложил генерал-майору М.Д. Соломатину совместно возглавить танковые экипажи оставшихся без командиров боевых машин при выходе из окружения. Несмотря на большие потери, корпус свою задачу выполнил. Немецкое командование не решилось снять с этого направления танковые дивизии и перебросить их под Сталинград.

В представлении капитана А.И. Грибкова к награждению от 22 января 1943 года генерал М.Д. Соломатин указал: «Когда 1-й механизированный корпус дрался в окружении в районе Куркино, тов. Грибков принимал личное участие в бою, отражал атаку автоматчиков. Участвовал в танковой атаке тылов противника в качестве командира танка «Т-34». Достоин награждения орденом Красного Знамени»[8]. Несколько позже Анатолию Ивановичу было присвоено воинское звание «майор».

В конце января 1943 года А.И. Грибкова направляют офицером — представителем ГШ на Брянский фронт в 19-й танковый корпус под командованием генерала И.Д. Ва-

сильева. В корпусе полным ходом шла подготовка к началу боевых действий на Курском направлении. Корпус овладел Курском и с боями дошел до города Дмитриев-Льговский, после чего, ввиду больших потерь, был выведен в резерв на переформирование.

Спустя некоторое время А.И. Грибков был направлен во 2-й Гвардейский Тацинский танковый корпус генерал-лейтенанта В.М. Баданова, который входил в состав Воронежского фронта и предназначался для действий на Белгородском направлении.

Накануне предстоящего наступления немецких войск Маршал Советского Союза А.М. Василевский как представитель Ставки Верховного Главнокомандования собрал руководящий состав Воронежского фронта в районе города Короча на совещание по вопросу организации преднамеренной стратегической обороны на Орловском и Белгородском направлениях. Были приглашены командующие армиями, командиры танковых и механизированных корпусов, в том числе командир и начальник штаба корпуса, при котором ранее состоял майор Грибков. Командующий фронтом генерал армии Н.Ф. Ватутин представил А.М. Василевскому командармов и командиров корпусов. Офицеры — представители ГШ стояли вместе со своими начальниками. Знакомясь с ними, Василевский выразил удовлетворение, отметив, что их присутствие положительно повлияет на успех операции советских войск.

Спустя десятилетия А.И. Грибков так оценивал стратегическую операцию на Курской дуге: «Будучи участником последних событий, и особенно периода подготовки преднамеренной оборонительной операции, я отчетливо заметил то, как вырос наш командный состав, как научились конкретно, до мелочей готовить бой и операцию. Вместе с ними я познавал военную науку, которая мне пригодилась в дальнейшей моей службе. Это был целый курс Академии Генерального штаба, пройденный за год на практике войны. Но впереди меня ждали новые университеты…»[9]

В середине июля 1943 года, накануне танкового сражения под Прохоровкой, остатки 2-го Гвардейского Тацинского танкового корпуса были выведены на переформирование под Воронеж, а майор Грибков был вызван в ГШ с отчетом и за новым назначением. В этот раз ему предстояло повышение в должности и новое место службы. 22 июля 1943 года он был назначен офицером — представителем Оперативного управления ГШ по танковым войскам при штабе Южного фронта. Прибыв в штаб фронта в г. Новошахтинске, майор сразу погрузился в разработку задач фронта.

В период проведения Мелитопольской операции он находился преимущественно в частях 19-го танкового корпуса и в танковых частях 2-й гвардейской и 28-й армий. При этом А.И. Грибкову приходилось выполнять и отдельные поручения представителя Ставки А.М. Василевского, координировавшего действия Юго-Западного и Южного фронтов.

С ноября 1943-го по июнь 1944 года офицер выполнял обязанности, хорошо знакомые ему по предыдущей должности уже при штабе 4-го Украинского фронта. По итогам службы в штабах двух фронтов в 1944 году майор Грибков был награжден вторым орденом Красной Звезды и орденом Отечественной войны II степени, который получил из рук Маршала Советского Союза А.М. Василевского[10].

После завершения Крымской операции отдельные войска 4-го Украинского фронта в мае 1944 года были передислоцированы в Белоруссию и Прибалтику, где шла подготовка к освобождению этих регионов от немецкой оккупации. В связи

А.И. Грибков прошел вместе с 1-м механизированным корпусом всю кровопролитную операцию «Марс»: взлом немецкой обороны, многодневные бои в окружении и обратный прорыв к своим. Когда план обратного прорыва был подготовлен, А.И. Грибков предложил генерал-майору М.Д. Соломатину совместно возглавить танковые экипажи оставшихся без командиров боевых машин при выходе из окружения. Несмотря на большие потери, корпус свою задачу выполнил. Немецкое командование не решилось снять с этого направления танковые дивизии и перебросить их под Сталинград.

с этим часть офицеров-представителей, имевших боевой опыт, из штаба фронта была направлена в Москву — непосредственно в Оперативное управление ГШ.

Разносторонние интересы, способности, усердие и другие личные качества, а также опыт майора Грибкова как штабного работника уже ранее были замечены Маршалом Советского Союза Василевским, который включил его в свою рабочую группу представителя Ставки Верховного Главнокомандования. С июня 1944 года А.И. Грибков по ходатайству маршала стал непосредственно работать в Оперативном управлении ГШ в должности офицера-оператора 1-го Прибалтийского направления. Оперативным управлением руководил генерал С.М. Штеменко. В апреле 1946 года А.И. Грибкову было присвоено воинское звание «подполковник». Здесь он прослужил до ноября 1949 года, став с 25 мая того же года старшим офицером-оператором.

В 1949 году военным министром был назначен Маршал Советского Союза А.М. Василевский, а годом раньше начальником ГШ стал генерал армии С.М. Штеменко. При очередном посещении ГШ Василевский в сопровождении Штеменко зашел в рабочую комнату Главного оперативного управления (ГОУ), где в это время трудились офицеры-операторы, среди которых был и подполковник Грибков. В ходе разговора выяснилось, что тот подал рапорт с просьбой разрешить ему обучение в Военной академии Генерального штаба. Прошедший две войны и положительно зарекомендовавший себя офицер не имел высшего образования (выпуск Военной академии имени М.В. Фрунзе 1942 года был ускоренным, полученное военное образование не считалось высшим). Начальник ГШ ходатайствовал перед военным министром о зачислении А.И. Грибкова слушателем академии в виде исключения. Ходатайство было удовлетворено.

За отличные результаты, достигнутые в ходе обучения, в ноябре 1950 года подполковнику Грибкову было присвоено воинское звание «полковник». В декабре 1951 года он окончил Военную академию Генерального штаба с золотой медалью.

После окончания академии офицер попросил направить его в войска на любую должность. В марте 1952 года он был назначен начальником отдела оперативной подготовки оперативного управления штаба Ленинградского военного округа (ЛВО). В этом округе А.И. Грибков служил до декабря 1959 года, пройдя должности от начальника оперативного отдела до начальника оперативного управления — заместителя начальника штаба округа. За добросовестное выполнение должностных обязанностей неоднократно поощрялся вышестоящим командованием. 18 февраля 1958 года

полковнику Грибкову было присвоено воинское звание «генерал-майор».

19 декабря 1959 года приказом министра обороны СССР А.И. Грибков был назначен на должность начальника оперативного управления — заместителя начальника штаба Киевского военного округа. В ноябре 1960 года генерал-майор в очередной раз был отозван в ГОУ ГШ для последующего прохождения службы в этой структуре. В ГОУ он прошел все ступени службы: от заместителя начальника оперативного управления Главного управления ГШ до заместителя начальника ГОУ ГШ. Занимая указанные должности, с поставленными задачами справлялся, выполнял их в срок и с высоким качеством, пользовался высоким авторитетом как у коллег, так и у руководства ГШ. Одной из важнейших задач, которую пришлось решать в эти годы Анатолию Ивановичу, явилось его активное участие в разработке замысла стратегической операции с кодовым названием «Анадырь».

В связи с продолжавшейся военно-политической эскалацией США по отношению к кубинскому государству 20 мая 1962 года на расширенном заседании Совета обороны СССР было принято решение о создании на Кубе Группы советских войск, имеющей на вооружении ядерное оружие. Для осуществления этой цели Министерству обороны СССР с участием Министерства морского флота СССР было поручено подготовить план операции «Анадырь»[11]. Получив задание представить конкретный план проведения стратегической операции, не имевшей аналогов в истории военного искусства[12], ГШ принял решение возложить разработку ее замысла на начальника ГОУ генерал-полковника С.П. Иванова, который был тогда секретарем Совета обороны СССР и участвовал во всех заседаниях высших должностных лиц.

Генерал-майору Грибкову, занимавшему в то время должность начальника Оперативного управления ГОУ, была поставлена задача подготовить в короткие сроки справку-предложение о создании ракетного щита на Кубе. В сущности, этот документ и представлял собой в сжатой форме план будущей военно-стратегической операции «Анадырь». Для выполнения данного поручения была создана рабочая группа в составе трех человек, ее возглавил Анатолий Иванович.

К назначенному сроку документ был подготовлен и, после незначительной доработки, 24 мая 1962 года утвержден. Через два дня министр обороны СССР Р.Я. Малиновский утвердил список лиц, допускаемых к работе над планом операции с условным наименованием «Анадырь». В рабочую группу вошли 54 военнослужащих, среди которых были маршалы, генералы и офицеры[13]. Кроме того, в июне 1962 года приказом министра обороны в ГОУ ГШ был создан специальный отдел по разработке стратегической операции во главе с А.И. Грибковым. Руководитель отдела считался одним из основных разработчиков указанной операции. Поэтому Маршал и Герой Советского Союза В.И. Петров в предисловии «Слово об авторе» к сборнику мемуаров А.И. Грибкова акцентирует внимание на том, что ему «было поручено не только представлять Генеральный штаб на Кубе в сложный период Карибского кризиса, но и быть там доверенным лицом министра обороны СССР». И это не было случайностью, поскольку Анатолий Иванович являлся бессменным руководителем группы разработчиков операции «Анадырь». За ответственную и блестяще выполненную в ходе операции работу А.И. Грибков был награжден орденом Ленина. Кроме того, 22 февраля 1963 года ему было

В Главном оперативном управлении Генерального штаба А.И. Грибков прошел все ступени службы: от заместителя начальника оперативного управления Главного управления ГШ до заместителя начальника ГОУ ГШ. Занимая указанные должности, с поставленными задачами справлялся, выполнял их в срок и с высоким качеством, пользовался высоким авторитетом как у коллег, так и у руководства Генерального штаба. Одной из важнейших задач, которую пришлось решать в эти годы Анатолию Ивановичу, явилось его активное участие в разработке замысла стратегической операции с кодовым названием «Анадырь».

присвоено воинское звание «генерал-лейтенант».

После операции «Анадырь» дальнейшая служба и назначения на вышестоящие должности для генерал-лейтенанта Грибкова вновь были связаны с ГОУ ГШ. Занимая в очередной раз должность заместителя начальника ГОУ ГШ, он обратился к вышестоящему руководству с просьбой направить его в войска. Его пожелание было учтено.

В июне 1965 года он был назначен командующим и членом Военного совета 7-й гвардейской армии Закавказского военного округа (Армянская ССР). У руководства округа эта армия по всем показателям всегда была на хорошем счету. Большая заслуга в этом была ее командующего — генерала А.И. Грибкова. В феврале 1968 года в связи с 50-летним юбилеем ВС СССР командующий войсками округа генерал армии А.Т. Стученко объявил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении 7-й гвардейской армии орденом Красного Знамени за заслуги в Великой Отечественной войне и успехи в боевой и политической подготовке в мирное время. А.И. Грибков был награжден орденом Красного Знамени.

В конце 1968 года Анатолий Иванович для дальнейшего прохождения службы был переведен в ЛВО. Сначала он был назначен первым заместителем командующего войсками и членом Военного совета ЛВО, а затем, спустя четыре с небольшим года, уже и командующим этим округом. Время службы А.И. Грибкова в должности командующего войсками ЛВО являлось для подразделений и частей округа периодом напряженной боевой учебы, глубокого изучения оружия и боевой техники. Так, в середине 1976 года в округе были проведены масштабные войсковые учения под кодовым названием «Север». По завершении учений командующий оценил их проведение следующим образом: «Учение «Север» показало, что в полевой выучке у нас имеется немало положительного. Необходимо все ценное, передовое, что проявилось на учениях, глубоко, самокритично проанализировать, обобщить и внедрить в практику подготовки войск. Но на этом ставить точку нельзя»[14].

Вершиной военной карьеры Анатолия Ивановича можно считать пост начальника штаба Объединенных вооруженных сил стран — участниц Варшавского договора, на котором он трудился дольше всех своих предшественников: с 1976 по 1988 год. Одновременно в эти годы он был первым заместителем начальника ГШ ВС СССР и членом Комитета министров обороны госу-

дарств, входивших в Организацию Варшавского договора.

На этих постах генералу армии А.И. Грибкову пришлось много работать с высокопоставленными зарубежными коллегами, и здесь он проявил себя ярко, как настоящий дипломат. Он пользовался заслуженным авторитетом среди министров обороны государств — участников Варшавского договора. В 1978 году начальник ГШ Маршал Советского Союза Н.В. Огарков отмечал, что генерал Грибков «установил и поддерживает деловые отношения с руководством министерств обороны и начальниками генеральных штабов союзных армий. В решении практических вопросов штабов последователен, принципиален и видит главное»[15].

За время военной службы генерал армии А.И. Грибков был удостоен множества отечественных, а также зарубежных государственных наград. Но главной наградой для себя он считал саму судьбу, неотделимую от судьбы Отечества, а еще — долгую и насыщенную жизнь, вместившую столько фактов и событий, что их хватило бы для нескольких поколений. Анатолий Иванович ушел из жизни 12 февраля 2008 года, совсем немного не дожив до своего 90-летия. Память об этом видном военачальнике свято хранят потомки.

На малой родине военачальника — в Лискинском районе Воронежской области, в бывшей школе № 12, учеником которой являлся Анатолий Грибков, был открыт его музей. В нем для всеобщего обозрения выставлены документы об образовании, научные труды и мемуары, личные вещи, в том числе военная форма генерала. Также одна из улиц города Лиски носит название «Улица генерала Грибкова», и на ней установлен в его честь памятный знак. Кроме того, в этом же административном районе Анатолию Ивановичу возведен каменный обелиск, у которого по праздничным дням несут караул лучшие ученики школы. Призвание защитника Отечества вознесло генерала Грибкова до таких высот, о которых мальчишка из многодетной крестьянской семьи не мог и мечтать. Его жизнь является ярким примером безупречного служения Родине для всех нынешних поколений, живущих в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Личное дело Грибкова А.И. Архив Тверского РВК г. Москвы. № 26672. Л. 10.

[2] *Грибков А.И.* На службе Отечеству. М.: Мысль, 2005. С. 23.

[3] *Грибков А.И.* Исповедь лейтенанта. Встречи с полководцами. Операция «Анадырь». М.: Мысль,1999. С. 79.

[4] Личное дело Грибкова А.И. Л. 1.

[5] *Грибков А.И.* Записки офицера Генерального штаба. М.: Мысль, 2007. С. 88.

[6] Личное дело Грибкова А.И. Л. 5.

[7] Там же. Л. 6.

[8] Там же. Л. 7.

[9] *Грибков А.И.* На службе Отечеству. С. 83.

[10] Там же. С. 84.

[11] *Каракаев С.В.* Участие Ракетных войск стратегического назначения в операции Вооруженных Сил СССР «Анадырь» // Военно-исторический журнал. 2013. № 8. С. 37—38.

[12] У края ядерной бездны. Мемуарно-монографический очерк / под общ. ред. генерала армии А.И. Грибкова. М.: Грэгори-Пейдж; Мысль, 1998. С. 46.

[13] Там же. С. 54.

[14] *Лурье В.М., Каленов П.А.* Командующие войсками Ленинградского военного округа // История Петербурга. 2005. № 4. С. 89—90.

[15] Личное дело Грибкова А.И. Л. 13—14.

Теория и история военного искусства — две стороны одной медали (проблемные вопросы и ответы)

Полковник в отставке А.М. БАРАБАНОВ,
кандидат военных наук

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются взаимосвязи теории и истории военного искусства, их роль в подготовке военных кадров и в развитии военной науки. Уточнен ряд понятий.

ABSTRACT

The text considers the interrelationship between the theory and history of military art, their roles in training military personnel, and their contributions to the development of military science. It also clarifies several concepts.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Военная наука, военное искусство, военная история, формы и способы военных действий, организация войск.

KEYWORDS

Military science, military art, military history, forms and methods of warfare, and troop organization.

Без светильника истории тактика — потемки.
А.В. Суворов

АРМИЯ и военная наука Российской империи и Советского Союза считались одними из лучших в мире. Образовавшийся кризис военной науки РФ стал темой ряда публикаций, в которых одни авторы видят его причины в заскорузлости собственно военной науки, другие — в радикаль-

ных изменениях военного дела и общества в целом[1,2,3,4].

Проблемными вопросами обычно называют спорные моменты, рождающие либо уже содержащие проблему. Простые с виду, они заставляют задуматься, лучше понять привычные вещи и уточнить официальные установки. Проблемными могут быть и ответы. В любом случае полезны и те, и другие.

Заметим, большинство споров начинается с базовых понятий и постулатов. Определения военных терминов подобны приказам: они обязательны для всех, составляются по единой форме, не допускают разночтений и нарушений правил логики. Но есть вопросы, которые всем знакомы, привычны и понятны — но тем не менее являются проблемными.

Например, ***что такое война?*** Этот вопрос с незапамятных времен рождает ожесточенные споры. Из множества формулировок наиболее известен афоризм К. Клаузевица «Война есть продолжение политики иными средствами»[5], ставший (с дополнением В.И. Ленина «насильственными») основой учения о войне и армии. В конце XX века место понятия «война» заняли «военные конфликты». В них включили войны и вооруженные конфликты, хотя «война» является изначальным понятием.

Итак, термин «война» на слуху, но в военно-учебных заведениях необходимо учитывать аудиторию. Учебный процесс и научная работа — разные вещи. Представим себе слушателя академии (исключая ВАГШ), слышавшего о войне много раз на разных кафедрах. Слушатель усвоил классификацию войн и знает, что было две мировых, несколько региональных и сотни локальных войн. И тут выясняется, что наряду с ними могут вестись войны идеологические, информационные, психологические, нефтяные, торговые, экономические. Так же еще есть войны асимметричные, гибридные, кибер- и прокси-войны, поведенческие, сетецентрические. Как же во всем этом разобраться слушателю?! Поищем ответ на этот и другие вопросы.

Вспомним классику. Война — социально-политическое явление, связанное с переходом к организованному применению средств вооруженного насилия для достижения политических и других целей (последние могут провозглашаться отдельно, но все они так или иначе связаны с политикой, происходят от нее). Основное содержание войны составляет вооруженная борьба, главным орудием ведения войны являются вооруженные силы (ВС).

Этот постулат выражает категорическое несогласие с теми, кто называет войной обострение отношений, соперничество и конфликт любого вида и масштаба. Образные выражения оставим поэтам и фантастам, в военной среде они недопустимы. *Во-первых*, размывается и снижается категория «война». *Во-вторых*, вносится путаница в военную терминологию. *В-третьих*, хлесткие названия выпячивают какую-то одну сторону (признак) войн будущего.

Любая война уникальна сама по себе, но все войны могут быть классифицированы по двум группам признаков. *Социально-политические признаки* отражают многообразие связей войны со всеми сферами и областями общественной жизни (представление об этом дает анализ целей и состава воюющих сторон). *Военно-стратегические признаки* раскрывают характерные черты войны в плане вооруженной борьбы (обычная, ядерная, маневренная и т. д., включая масштабы). Классификация позволяет резко снизить размерность задачи (типы войн), а главное — рассматривать их в одинаковых условиях.

Рассмотрим следующий вопрос — ***что такое военное искусство?*** Во-

оруженная борьба представляет собой совокупность военных действий различного масштаба, проводимых в различных физических сферах. Военное искусство (ВИ) в буквальном смысле понимается как знание военного дела и умение вести войну. Имеется официально установленное определение ВИ — это теория и практика подготовки и ведения военных действий на суше, море и в околоземном пространстве[6]. Объединив по смыслу две эти формулировки, получим новую: *военное искусство — это специфическая область человеческой деятельности, связанная с подготовкой и ведением военных действий*. Раскроем ее.

Материальной основой вооруженной борьбы являются вооружение, военная техника (ВВТ) и люди, объединенные в воинские формирования. Победу предопределяет не только количество и качество ВВТ, но и человеческий фактор, под которым понимают морально-боевые качества личного состава.

Подготовкой войск и ведением военных действий занимаются лица командного состава. Умение выиграть бой или сражение, провести операцию и одержать победу в войне — это главные критерии оценки командиров всех степеней.

Сущность военного искусства заключается в способности командиров определить и реализовать наилучшие формы и способы действий своих войск (сил) в условиях конкретной обстановки. Умение *определить* говорит об интеллекте, умение *реализовать* — о таланте командира[7].

Влияние командиров на ход и исход военных действий выражается постановкой боевой задачи и реализуется действиями подчиненных войск (сил) при ее выполнении. Наряду с личными качествами (ум, воля, характер и пр.) необходимы знания и опыт командиров, высокая выучка войск. Здесь проявляется неразрывное единство теории и практики военного искусства. Они взаимосвязаны, но теория в большей степени относится к процессу познания, а практика — к преобразованию действительности.

Теория получает и систематизирует, а практика применяет военные знания и опыт при подготовке и ведении военных действий с учетом конкретных условий обстановки, а также в процессе строительства и подготовки ВС. Для нас наибольший интерес представляет теория военного искусства как система определенных знаний, как составная часть военной науки.

Что такое военная наука? Это система знаний о законах, военно-стратегическом характере войны, путях ее предотвращения, строительстве и подготовке ВС и страны к войне, способах ведения вооруженной борьбы[8].

Война — сложное явление, объект исследования многих наук. Создать «мегавоенную» науку нелегко, это проблема отдаленного будущего.

Содержание военной науки составляют общие основы (общая теория), теории отраслей знаний (военного искусства, строительства ВС, воинского обучения и воспитания и др.) и соответствующие разделы военной истории. Главное место в структуре военной науки занимает, по определению, теория военного искусства (ТВИ).

Военная наука XXI века стала частью системы наук о войне и военной безопасности[9]. После доработки система наук о войне включает общие основы и теории по отраслям наук: военные (военно-теоретические), военно-специальные, военно-социальные и военно-технические. Следует отметить, что военно-историческая наука (далее кратко — военная история) в целом не является составной частью военной науки.

Сущность военного искусства заключается в способности командиров определить и реализовать наилучшие формы и способы действий своих войск (сил) в условиях конкретной обстановки. Умение определить говорит об интеллекте, умение реализовать — о таланте командира. Влияние командиров на ход и исход военных действий выражается постановкой боевой задачи и реализуется действиями подчиненных войск (сил) при ее выполнении.

Структура военного искусства обусловлена в основном целями и масштабами вооруженной борьбы. Военное искусство рассматривает войну в целом и отдельные формы военных действий, включает военную стратегию, оперативное искусство и тактику (теория военного искусства включает еще и общие основы). Они взаимосвязаны, однако имеют определенную иерархию.

Ведущее место принадлежит стратегии, ей подчинено оперативное искусство, а ему — тактика. Эта иерархия обусловлена тем, что каждая из составных частей военного искусства охватывает определенные области вооруженной борьбы с присущими им формами военных действий. Даже названия разделов говорят об этом: в переводе с греческого языка стратегия означает вождение войск, тактика — искусство построения войск.

Военное искусство как специфическая область человеческой деятельности имеет свое прошлое, настоящее и будущее. Прошлое изучает история военного искусства (ИВИ), настоящее и будущее — его теория (ТВИ). В военной науке они рассматриваются совместно; при этом и та, и другая являются обязательными учебными дисциплинами во всех военных академиях. При организации научной и учебной работы необходимо определить их взаимосвязи.

Сравнительно недавно многие считали, что взаимосвязи между военной и военно-исторической наукой имеют субординационный характер. Почти 20 лет тому назад вопрос о суверенитете военной истории наряду с другими был поставлен в программной статье одного из номеров журнала «Военная Мысль»[10]. Статья была актуальной, содержательной, интересной и необычной по общему стилю и решительности выдвигаемых положений.

«Объект и предмет военно-исторической науки намного объемнее по сравнению с военной наукой». «Функции и задачи военно-исторической науки многообразнее функций и задач, решаемых военной наукой». «Военная наука как особая отрасль военных знаний отомрет, будет в определенный период будущего не нужна. Она войдет в науку истории».

«И, наконец, пожалуй, самое важное. Военная история несет в себе солидный заряд антологического (бытийного) содержания для военной науки. Вопрос о «бытии» военной науки сам по себе не имеет смысла вне сферы военно-исторической действительности, познания и учета военно-исторического опыта. Фундаментальные положения современной военной науки: общетеоретические основы, категории и принципы военной науки, закономерности военной практики и т. д. — все это результат познания военно-исторического процесса в целом и его составных частей, таких как история отечественной и зарубежной военной мысли, история военного искусства и др.»[11].

Все верно, военная история больше не является составной частью во-

енной науки. Однако так было всегда: военная история считалась стыковой наукой и становилась частью военной науки в рамках ограниченного предмета изучения.

Сегодня все логично и объяснимо: взаимосвязь наук диалектична, их взаимодействия закономерны, необходимы и своеобразны. У них много общего: обе исследуют войну и армию, опираются на общую мировоззренческую и методологическую основу, служат одному делу — вооруженной защите Родины — России, участвуют в военно-патриотическом воспитании населения, являются средством поддержания мощи ВС РФ на необходимом уровне[12]. Принципиальные различия и специфика ИВИ и ТВИ обусловлены предметом и методологией исследования.

Исходя из сущности военного искусства, его развитие в целом проявляется в совершенствовании способов вооруженной борьбы. При этом происходят количественные и качественные изменения видов, форм и способов военных действий. Эти изменения составляют объект как ИВИ, так и ТВИ.

Развитие военного искусства определяется множеством факторов различной природы и значимости. Факторы взаимосвязаны и должны рассматриваться в диалектическом единстве, с учетом характера решаемой задачи[13]. Предметом ИВИ и ТВИ является установление зависимости форм и способов военных действий от различных факторов, вскрытие закономерностей и определение тенденций развития военного искусства. А вот представление о характере развития, его направленность и методы определения показателей развития ИВИ и ТВИ разные — исторический и теоретический соответственно.

Исторический метод рассматривает историю в виде бесконечного эскалатора, непрерывного процесса развития военного дела (рис.).

Основные наследственные признаки передаются потомкам (генезис). Изучая прошлое, историки решают задачу подбора аналогов (не в смысле прямого копирования, а по сути), пригодных для использования в настоящем и, возможно, в будущем. Подчеркнем, выбор историков осно-

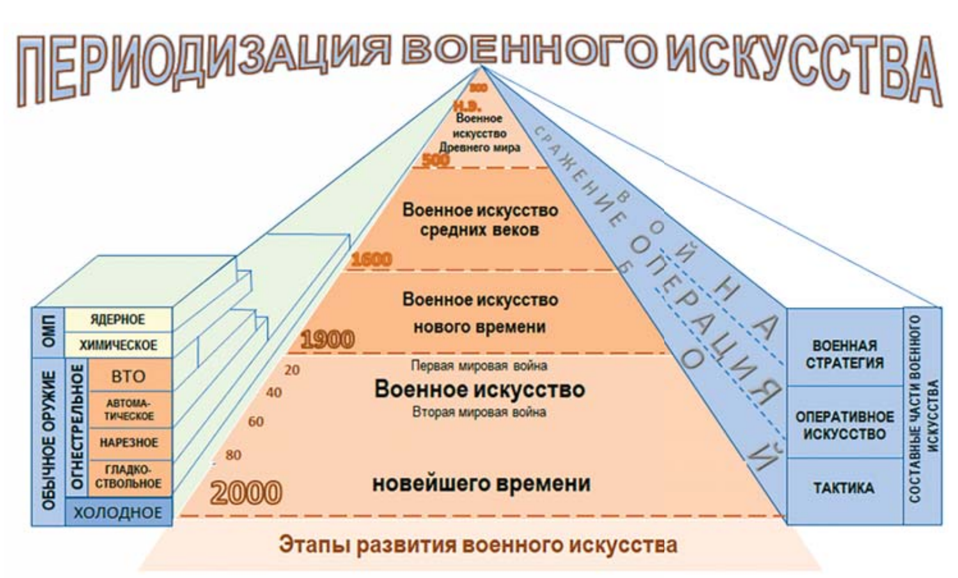

Рис. Сущность и периоды развития военного искусства

ван на использовании достижений теоретиков (моделирование, реконструкция, математический аппарат и др.). Для теоретиков историки являются советниками (в частности, могут предупредить о пагубности такого-то решения) и хранителями обширной информации о военном деле и войнах прошлого.

Теоретический метод рассматривает теорию не просто как знание, а как высшую и наиболее сложную форму (и уровень) научного знания[14]. В отличие от исторического метода, теоретический нацелен на решение срочных актуальных проблем. В ходе исследования историки могут «навести» теоретиков на то, как решались подобные задачи в прошлом. Обычно задачи формализуются и решаются известными методами, но каждый раз исследования начинают «с нуля» и «от достигнутого», на основе прогнозирования с использованием как известных, так и новейших подходов, технологий и материалов. Историки могут привлекаться к теоретическим исследованиям в качестве консультантов и соисполнителей.

Таким образом, ИВИ основывается на истории войн и истории строительства ВС, синтезирует их выводы и уроки. Для современной ТВИ она является одной из составляющих ее эмпирических основ. Например, на опыте Великой Отечественной и других войн базируется ряд положений теории огневого поражения противника, боевого устава артиллерии. В свою очередь, теория «подтягивает» историю до своего уровня для взаимопонимания и решения поставленных задач общими усилиями двух наук.

В процессе обучения слушателей ТВИ и ИВИ являются обязательными учебными дисциплинами во всех военных академиях. Значимость учебной дисциплины определяется не только количеством часов, отводимых на ее изучение. Важно, каким образом и в какой степени она окажет влияние на формирование оперативно-тактического мышления и профессиональных качеств специалиста в области управления войсками. Особое внимание уделяется раскрытию основных понятий военного искусства.

Напомним общие положения теории военного искусства. На основе познания объективных законов вооруженной борьбы формулируются принципы военного искусства. Как известно, принципами называют основные исходные положения теории, а также основные руководящие идеи для практической деятельности в определенной области. Это центральные, основные обобщения, которые нельзя низводить до уровня многочисленных правил и нормативов.

Принципы военного искусства — это основополагающие идеи, важнейшие рекомендации по подготовке и ведению военных действий. Они показывают, как в целом следует поступать для достижения успеха. Знание и соблюдение этих принципов предостерегает командные кадры от ошибок. Как руководящая идея принципы военного искусства носят всеобщий характер и пригодны для практического применения во всех формах военных действий и видах боевой деятельности войск (сил). Принципы военного искусства излагаются в уставных документах ВС большинства государств.

Следует отметить, что встречаются и другие названия этих принципов, например: принципы войны, принципы общевойскового боя, принципы боевых действий артиллерии. Не всегда совпадают их количество и формулировки, тем не менее по сути это одни и те же принципы военного искусства. Обобщив их, можно выделить и кратко сформулировать основные:

• постоянная готовность войск (сил);

• твердое и непрерывное управление войсками (силами);

• активность и решительность действий;

• сосредоточение усилий в решающий момент на главных направлениях;

• согласованное применение войск (сил) и тесное их взаимодействие;

• внезапность действий;

• решительный маневр войсками (силами), средствами и огнем;

• поддержание и восстановление боеспособности войск (сил);

• закрепление достигнутого успеха;

• всестороннее обеспечение операций и боевых действий;

• постоянный учет и умелое использование морально-психологического фактора.

Принципы военного искусства содержат общие рекомендации для действий, но применять их нужно в соответствии с конкретной обстановкой. Поэтому принципы преломляются в конкретных видах, формах и способах военных действий.

Виды военных действий и их разновидности обусловлены целями противоборствующих сторон, что связано с пространством и временем. Основными видами военных действий являются наступление и оборона. В обоих случаях необходимо нанести потери противнику, но в наступлении надо овладеть территорией, в обороне — удержать ее.

Разновидностью наступления является контрнаступление: это наступление обороняющейся стороны в целях перехвата инициативы, достижения перелома в действиях. Существуют разновидности обороны, которая может быть позиционной (главная цель — удержание территории) и маневренной (выигрыш времени).

Что касается отступления, по логике — это еще один вид военных действий. Хотя официально он не признан (никто не любит отступать), но в истории войн имел место не раз. В конце 1950-х годов появился, но вскоре исчез термин «отступательная операция»[15]. Следует заметить, что ни в одной армии мира не любят слово «отступление», предпочитая говорить «отход». Примечательно, что при этом свои войска организованно отходят, а войска противника в беспорядке отступают. Отступление внешне напоминает маневренную оборону, но цель его иная — сохранить свои войска для последующих действий, хотя и за счет оставления части территории.

Военные действия осуществляются в определенной форме. Она представляет собой целевые, организационные, пространственные, временные и количественные рамки применения войск (сил). К основным формам военных действий относятся бой и операция. Различают и другие формы, например сражение, удар, боевые действия (иногда их называют систематическими). Достоянием истории стали баталии, битвы и генеральные сражения.

Принципы военного искусства — это основополагающие идеи, важнейшие рекомендации по подготовке и ведению военных действий. Они показывают, как в целом следует поступать для достижения успеха. Знание и соблюдение этих принципов предостерегает командные кадры от ошибок. Как руководящая идея принципы военного искусства носят всеобщий характер и пригодны для практического применения во всех формах военных действий и видах боевой деятельности войск (сил).

Военные действия ведутся определенными способами. В отличие от видов и форм, существует множество способов военных действий. Обычно различают способы ведения боя (операции) и способы действий войск (сил). При всем разнообразии способов они сводятся к двум основным: одновременному или последовательному воздействию на противника.

Каждому виду ВС и роду войск (сил) присущи свои, специфические способы действий. Теория форм и способов военных действий соответствующих войск (сил) отражается в уставных документах. Для практической деятельности военных кадров определяются оперативно-тактические и технические нормативы, а также создаются различные расчетные методики.

Таким образом, теория военного искусства тесно связана с практикой. Этот процесс можно выразить последовательностью: закономерность — принцип — уставное положение — норматив — расчетная методика.

Например, установлена зависимость успеха действий от наличия превосходства над противником. Она реализуется через принцип сосредоточения основных усилий на важнейшем направлении. Норматив, в свою очередь, определяется через создание необходимого соотношения в силах и средствах. Так, в типовых условиях ширина полосы наступления дивизии должна быть 10—15 км. С изменением условий вооруженной борьбы другими будут и нормативы, и задачи воинских формирований, и способы выполнения этих задач.

Пример структурных изменений — само военное искусство.

Тысячелетиями единственной формой противоборства являлся бой. Единым было и боевое искусство — теория и практика боя. С появлением армий и войн боевое искусство стало военным и около 2500 лет назад разделилось на стратегию и тактику. Так было до тех пор, пока исход войны решали несколько боев (или сражение как большой бой). С появлением массовых армий связана новая форма военных действий — операция, в XX веке выделилось оперативное искусство. Следует отметить передовую военную мысль России: оперативное искусство официально утверждено в СССР в 1924-м, а в США — в 1986 году.

Военная стратегия является высшей областью военного искусства. Она охватывает теорию и практику подготовки страны и ВС к войне, планирования и ведения войны в целом и по отдельным ее этапам. Стратегия непосредственно связана с политикой и экономикой, преломляет политические цели в военные и создает материальные предпосылки для их достижения ВС. Стратегия едина для всех ВС и других войск.

Объектом стратегии является вооруженная борьба, результаты которой влияют на ход и исход войны, достижение ее конечных целей. Военные действия такого масштаба называются стратегическими. Они обычно ведутся группировками ВС в форме стратегической операции.

Исторически одновременно со стратегией появилась ***тактика***. Объектом тактики является вооруженная борьба, ограниченная воздействием на войска, силы и объекты противника оружием. Такое взаимное воздействие сторон происходит в бою. В зависимости от сфер применения оружия бой может быть сухопутным (общевойсковым), морским, воздушным и противовоздушным. Возможно, в перспективе может появиться и космический бой.

Тактика — область военного искусства, охватывающая теорию и практику подготовки и ведения боя. Военные действия такого масштаба принято называть боевыми. Они ведутся подразделениями, ча-

стями и соединениями родов войск (сил) различных видов ВС. Поэтому в отличие от единой стратегии тактика многообразна: есть тактика общевойсковая (в сущности это тактика Сухопутных войск), тактика видов ВС, родов войск и специальных войск. Тактика — наиболее динамичная область военного искусства, ее развитие непосредственно связано с изменениями качества ВВТ и личного состава.

Оперативное искусство занимает промежуточное положение между стратегией и тактикой, является связующим их звеном. Объектом оперативного искусства являются военные действия, не достигающие масштаба войны, но выходящие за рамки боя, т. е. более высокого уровня, чем тактические. Такие действия называются оперативными, их ведут крупные формирования — объединения (армия, фронт). Основной формой действий объединений является операция, с чем связано название этого раздела военного искусства. Как и бои, операции могут проводиться в различных физических сферах.

Оперативное искусство охватывает теорию и практику подготовки и ведения операций и боевых действий объединениями различных видов ВС, а также связанных с ними действий по обеспечению войск (сил). Поэтому выделяют оперативное искусство общевойсковое, видов ВС, тыла ВС.

Итак, теория и история военного искусства решают во многом совпадающие задачи. Специфика их состоит в том, что военная история исследует существенные связи, характеризующие войну и армию генетически, в хронологическом развитии, а военная наука — структурные и функциональные.

История и теория военного искусства — две стороны воображаемой медали «За высокое воинское мастерство». Какая из них будет аверсом, какая реверсом? Последний проблемный вопрос требует отдельного обсуждения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Золотарев В.А.* Военная история в современной России // Военная Мысль. 2004. № 10.

[2] *Гареев М.А.* Вырвать ересь с корнем // Военно-промышленный курьер. 2013. № 21.

[3] *Тюшкевич С.А.* Необходимое условие развития военной науки // Военная Мысль. 2000. № 3.

[4] *Тюшкевич С.А.* Кризис военной мысли // Военно-промышленный курьер. 2013. № 25.

[5] *Клаузевиц К.* О войне. М., 1941. Т. 1. С. 43.

[6] Военная энциклопедия. В 8 т. М.: Воениздат, 1997. Т. 2. С. 150.

[7] *Барабанов А.М, Баран А.М.* Законы диалектики и этапы развития артиллерии // Военная Мысль. 2023. № 2.

[8] Военная энциклопедия. Т. 2. С. 130.

[9] *Богданов С.А.* О структуре и содержании военной науки на современном этапе развития военной мысли // Военная Мысль. 2004. № 5.

[10] *Золотарев В.А.* Военная история в современной России // Военная Мысль. 2004. № 10. С. 25—36.

[11] Там же. С. 34, 35.

[12] История и философия военной науки: учеб. пособие. М.: Воениздат, 2007. С. 381.

[13] *Барабанов А.М, Баран А.М.* Законы диалектики и этапы развития артиллерии // Военная Мысль. 2023. № 2.

[14] *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. Изд. второе. М.: Наука, 2003. С. 25.

[15] *Семенов В.А.* Краткий очерк развития советского оперативного искусства. М.: Воениздат, 1960. С. 226.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЗАРУДНИЦКИЙ Владимир Борисович, генерал-полковник, кандидат исторических наук, ВА ГШ ВС РФ / Vladimir B. ZARUDNITSKY, colonel general, Cand. Sc. (Hist.), Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation.

КОСТЕНКО Алексей Николаевич, полковник, доктор педагогических наук, кандидат военных наук, ВА ГШ ВС РФ / Aleksey N. KOSTENKO, colonel, D. Sc. (Educ.), Cand. Sc. (Mil.), Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation.

ВАХРУШЕВ Виктор Александрович, генерал-майор в отставке, кандидат военных наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, ВА ГШ ВС РФ / Viktor A. VAHRUSHEV, major general (retired), Cand. Sc. (mil.), professor, honored worker of higher education of the Russian Federation, Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation.

ПОЛУЭКТОВ Максим Васильевич, подполковник, кандидат военных наук, доцент, ВА ВПВО ВС РФ / Maxim V. POLUEKTOV, lieutenant colonel, Cand. Sc. (Mil.), associate professor, Military Academy of Military Air Defense of the Armed Forces of the Russian Federation.

ТРОФИМЕНКОВ Виталий Владимирович, подполковник, ВА ВПВО ВС РФ / Vitaly V. TROFIMENKOV, lieutenant colonel, Military Academy of Military Air Defense of the Armed Forces of the Russian Federation.

ИВАНОВ Василий Геннадьевич, полковник, кандидат военных наук, доцент, ВАС / Vasily G. IVANOV, colonel, Cand. Sc. (Mil.), associate professor, Military Academy of Communications.

БАШИРОВ Сергей Юрьевич, полковник, ГУС ВС РФ / Sergey Yu. BASHIROV, colonel, Main Directorate of Communications of the Armed Forces of the Russian Federation.

ЛУКЬЯНЧИК Валентин Николаевич, полковник в отставке, кандидат военных наук, доцент, ВАС / Valentin N. LUKYANCHIK, colonel (ret.), Cand. Sc. (Mil.), associate professor, Military Academy of Communications.

АНТИПЕНКО Олег Васильевич, подполковник запаса, ВУНЦ СВ «ОВА ВС РФ» / Oleg V. ANTIPENKO, lieutenant colonel (res.), Military Educational and Scientific Center of the Ground Forces "Combined Arms Academy of the Armed Forces of the Russian Federation".

ПРОТАСОВ Андрей Андреевич, полковник запаса, доктор военных наук, доцент, лауреат премии АВН им. А.В. Суворова, действительный член АВН, ФГБУ «27 ЦНИИ» МО РФ / Andrey A. PROTASOV, colonel (res.), D. Sc. (Mil.), associate professor, winner of the A.V. Suvorov Prize of the Academy of Military Sciences", full member of the Academy of Military Sciences, Federal State Budgetary Institution "27th Central Research Institute" of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

КОЗИЧЕВ Вячеслав Николаевич, полковник в отставке, доктор технических наук, профессор, лауреат премии Ленинского комсомола, действительный член Академии военных наук, ФГБУ «27 ЦНИИ» МО РФ / Vyacheslav N. KOZICHEV, colonel (ret.), D. Sc. (Tech.), professor, Lenin Komsomol Prize Laureate, full member of the Academy of Military Sciences, Federal State Budgetary Institution "27 Central Research Institute" of the Russian Ministry of Defense.

КАРГИН Владимир Николаевич, полковник в отставке, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, член-корреспондент АВН, ФГБУ «27 ЦНИИ» МО РФ / Vladimir N. KARGIN, colonel (ret.), Cand. Sc. (Tech.), senior researcher, corresponding member of the Academy of Military Sciences, Federal State Budgetary Institution "27 Central Research Institute" of the Russian Ministry of Defense.

ПШЕНИЧНЫХ Евгений Викторович, подполковник, кандидат технических наук, ФГБУ «4 ЦНИИ» МО РФ / Yevgeny V. PSHENICHNYKH, lieutenant colonel, Cand. Sc. (Tech.), Federal State Budgetary Institution "4th Central Research Institute" of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

СМИРНОВ Василий Анатольевич, полковник запаса, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, ФГБУ «4 ЦНИИ» МО РФ / Vasily A. SMIRNOV, colonel (res.), Cand. Sc. (Tech.), senior researcher, Federal State Budgetary Institution "4th Central Research Institute" of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

ПРОКАЕВ Александр Николаевич, капитан 1 ранга запаса, доктор технических наук, доцент, ВУНЦ ВМФ «ВМА» / Alexander N. PROKAYEV, captain 1st rank, D. Sc. (Tech.), associate professor, Military Educational and Scientific Center of the Navy "Naval Academy".

ШАБУНИН Андрей Анатольевич, капитан 1 ранга, кандидат военных наук, ВУНЦ ВМФ «ВМА» / Andrey A. SHABUNIN, captain 1st rank, Cand. Sc. (Mil.), Military Educational and Scientific Center of the Navy "Naval Academy".

МАСЛЕННИКОВ Олег Викторович, генерал-лейтенант, ДИС МО РФ / Oleg V. MASLENNIKOV, lieutenant general, Information Systems Department of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

АЛИЕВ Физули Камилович, полковник запаса, доктор физико-математических наук, ДИС МО РФ / Fizuli K. ALIYEV, colonel (res.), D. Sc. (Phys. and Math.), Information Systems Department of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

БЕСПАЛОВ Станислав Анатольевич, капитан 1 ранга, кандидат технических наук, ВНК ВС РФ / Stanislav A. BESPALOV, captain 1st rank, Cand. Sc. (Tech.) Military Scientific Committee of the Armed Forces of the Russian Federation.

ГАЙНОВ Артур Евгеньевич, подполковник, кандидат технических наук, 88 ГЦ МО РФ / Artur Ye. GAINOV, lieutenant colonel, Cand. Sc. (Tech.), 88th Main Center of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

ТИКШАЕВ Виталий Николаевич, доктор военных наук, профессор, ВА ВКО / Vitaliy N. TIKSHAYEV, D. Sc. (Mil.), professor, Military Academy of Airospace Defense.

МАЛИНОВСКИЙ Василий Михайлович, доцент, кандидат исторических наук, ВА ВКО / Vasily M. MALINOVSKY, associate professor, Cand. Sc. (Hist.), Military Academy of Airospace Defense.

БОЖЕДОМОВ Борис Александрович, полковник в отставке, кандидат исторических наук, доцент, член-корреспондент АВН, НИИ (ВИ) ВА ГШ ВС РФ. Ветеран боевых действий / Boris A. BOZHEDOMOV, colonel (ret.), Cand. Sc. (Hist.), associate professor, corresponding member of the Academy of Military Sciences, Research Institute (Military History) of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation. Combat veteran.

ЛЕВЧЕНКО Тарас Григорьевич, подполковник, кандидат исторических наук, НИИ (ВИ) ВА ГШ ВС РФ. Ветеран боевых действий / Taras G. LEVCHENKO, lieutenant colonel, Cand. Sc. (Hist.), Research Institute (Military History) of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation. Combat veteran.

ПАНФИЛОВ Александр Алексеевич, полковник, филиал ВА МТО (г. Пенза) / Alexander A. PANFILOV, colonel, branch of the Military Academy of Logistics (city of Penza).

КОЛОБОВ Андрей Николаевич, кандидат педагогических наук, доцент, филиал ВА МТО (г. Пенза) / Andrey N. KOLOBOV, Cand. Sc. (Educ.), associate professor, branch of the Military Academy of Logistics (city of Penza).

ЕФИМОВ Алексей Александрович, кандидат исторических наук, доцент, филиал ВА МТО (г. Пенза) / Alexey A. YEFIMOV, Cand. Sc. (Hist.), associate professor, branch of the Military Academy of Logistics (city of Penza).

МИРОШНИК Олег Николаевич, доктор политических наук, доцент, полковник запаса, НИИ (ВИ) ВА ГШ ВС РФ / Oleg N. MIROSHNIK, colonel (res.), D. Sc. (Pol.), associate professor, Research Institute (Military History) of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation.

ПОКЛАДОВ Сергей Игоревич, полковник в отставке, НИИ (ВИ) ВА ГШ ВС РФ / Sergey I. POKLADOV, colonel (ret.), Research Institute (Military History) of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation.

КАПУСТИН Даниил Александрович, НИИ (ВИ) ВА ГШ ВС РФ / Daniil A. KAPUSTIN, Research Institute (Military History) of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation.

БАРАБАНОВ Александр Михайлович, полковник в отставке, кандидат военных наук, профессор, МВАА / Alexander M. BARABANOV, colonel (ret.), Cand. Sc. (Mil.), professor, Mikhailovskaya Military Artillery Academy.

Учредитель: Министерство обороны Российской Федерации
Регистрационный № 01974 от 30.12.1992 г.

Главный редактор С.В. Родиков.
В подготовке номера принимали участие:
М.В. Васильев, О.Н. Калиновский, В.Н. Каранкевич, П.В. Карпов,
А.Ю. Крупский, А.Г. Цымбалов, В.Н. Щетников, В.В. Юдин, А.И. Яценко,
Е.Я. Крюкова, Г.Ю. Лысенко, Л.Г. Позднякова,
Н.В. Филиппова, О.Н. Чупшева.
Компьютерная верстка: И.И. Болинайц, Е.О. Никифорова.

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции.

Сдано в набор 28.12.2023 Подписано к печати 22.01.2024
Формат 70×108 1/16 Бумага офсетная 10 п.л.
Печать офсетная Тираж 1603 экз. Заказ 0088-2024

Журнал издается ФГБУ «РИЦ «Красная звезда» Минобороны России
Адрес: 123007, г. Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38.
Тел: 8(495)941-23-80, e-mail: ricmorf@yandex.ru
Отдел рекламы — 8(495)941-28-46, e-mail: reklamaric@yandex.ru

Отпечатано в АО «Красная Звезда»
Адрес: 123007, г. Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38.
Отдел распространения периодической печати — 8(495)941-39-52.
Цена: «Свободная».

---

15 ФЕВРАЛЯ — ДЕНЬ ПАМЯТИ ВОИНОВ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ

ПОСЛЕ окончания Второй мировой войны многим казалось, что она станет последней войной в истории человечества, а наступивший столь долгожданный мир будет вечным. Увы, этим ожиданиям не суждено было сбыться. За послевоенные годы на планете Земля произошло более ста войн и вооруженных конфликтов, и их число продолжает расти.

Одним из таких событий стало оказание интернациональной помощи Демократической Республике Афганистан (ДРА). С декабря 1979 года по 15 февраля 1989 года Вооруженные Силы Союза Советских Социалистических Республик по просьбе руководства ДРА находились на ее территории, встав на защиту независимости и государственности от внутренних и внешних угроз.

15 февраля 1989 года последняя колонна советских войск покинула территорию Афганистана. Именно в тот день закончился самый длительный и кровопролитный военный конфликт последних десятилетий прошлого столетия, в котором приняли участие 620 тысяч советских граждан. К сожалению, Афганистан стал той страной, где СССР понес большие потери. Тысячи семей не дождались возвращения своих родных и близких живыми.

Рассуждать сегодня об исполнении интернационального долга в условиях геополитической нестабильности довольно трудно. Вместе с тем Россия оказывает всестороннюю помощь союзникам и дружественным странам в отстаивании национальных интересов каждой из них. На протяжении долгой истории нашим воинам неоднократно приходилось входить на территорию самых разных стран. Подобные операции отличались по целям и масштабам, но военнослужащие уверенно решали поставленные перед ними задачи.

Советские солдаты и офицеры выполняли интернациональный долг в Корее и Вьетнаме, Афганистане, Сирии и Египте, Мозамбике, Анголе и других странах. Свыше четырнадцати тысяч из них погибли на чужой земле, шесть тысяч скончались впоследствии от ран и болезней, многие пропали без вести. Российские военнослужащие «тушили» горячие точки в республиках бывшего СССР, были в составе миротворческого контингента в Югославии, Абхазии, Южной Осетии.

С 30 сентября 2015 года военнослужащие Воздушно-космических сил России по просьбе президента Сирийской Арабской Республики Башара Асада принимают участие в антитеррористической операции в этой стране. Конфликт в Сирии показал, что Российская армия способна успешно бороться с терроризмом и выполнять интернациональный долг на территории другого государства и в современных условиях.

В ознаменование военных заслуг советских и, позднее, российских воинов, участвовавших в боевых действиях за рубежом, в 2010 году учрежден День памяти воинов-интернационалистов, и он приобрел официальный статус. Федеральным законом от 29 ноября 2010 года № 320-ФЗ в статью 1.1 Федерального закона № 32-ФЗ от 13.03.1995 года «О днях воинской славы и памятных датах России» были внесены изменения, вступившие в силу с 1 января 2011 года. Статьей 1.1. установлено, что 15 февраля — День памяти о россиянах, исполнявших служебный долг за пределами Отечества. Мы вспоминаем всех тех, кто в разное время не вернулся из горячих точек, желаем скорейшего возвращения тем, кто волею приказа, совести и чести выполняет свой воинский долг далеко от Родины.

Честь и слава вам, воины-интернационалисты!

Вечная память ушедшим и не вернувшимся, вернувшимся и ушедшим навеки …

Внимание!
Полная и сокращенная версии журнала размещаются на официальном сайте редакции — http://vm.ric.mil.ru; научные материалы — на сайте Научной электронной библиотеки — http://www.elibrary.ru; e-mail: ric_vm_4@mil.ru
Подписку на журнал «Военная Мысль» можно оформить: по каталогу АО «Почта России» по индексу П5907 в любом почтовом отделении, кроме Республики Крым и г. Севастополя; Объединенному каталогу «Пресса России» через ОАО «АРЗИ» по индексу 39891 в почтовых отделениях Республики Крым и г. Севастополя; интернет-каталогу «Пресса России», индекс Э39891 для подписчиков всех регионов; интернет-каталогам агентств на сайтах: www.podpiska.pochta.ru, www.akc.ru, www.pressa-rf.ru; заявке на e-mail: kr_zvezda@mail.ru с личным получением в АО «Красная Звезда», г. Москва, или доставкой бандеролью.

ISSN 0236-2058 Военная Мысль. 2024. № 2. 1—160